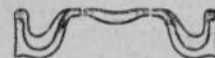

РФ
А94 П

А. Н. Афанасьевъ.

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

Редакція и предисловіе
прив.-доц. С. К. Шамбинаго.

МОСКВА.
Книгоиздательство „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“,
1914,

РФ П
А94

1973 г.

1992 г.

2006

74340к

БИБЛИОТЕКА
Народного фольклора
Академии наук СССР

Предисловіе редактора.

Несмотря на пробудившійся въ половинѣ XIX вѣка интересъ къ записыванію, изданію и изученію памятниковъ народной словесности, на первыхъ порахъ дѣло шло еще тихими шагами. Въ 1860 году акад. А. Н. Пыпину приходилось жаловаться на то, что русская этнографія очень мало исполнила одну изъ своихъ главныхъ задачъ — изданіе памятниковъ народнаго творчества. „Духъ народа“ открывался, поэтому, лишь въ клочкахъ пѣсенъ и преданій, да и то подправленныхъ, урѣзанныхъ „для приличія“. Цѣлые углы въ этой области еще оставались нетронутыми.

Тѣмъ не менѣе съ конца 50-хъ годовъ и въ теченіе шестидесятихъ собираніе и изученіе фольклора дѣлаетъ значительные успѣхи. Прежнее любительство уступаетъ мѣсто вполне научному отношенію: матеріалъ собирается на мѣстахъ, записывается съ пословесной передачи, сохраняются особенности

говоровъ, освѣщается, наконецъ, съ точки зрѣнія господствующей научной теоріи.

На первомъ мѣстѣ среди такихъ собирателей—ученыхъ слѣдуетъ поставить Александра Николаевича Аванасьева (1826—1871). Одаренный поэтическимъ и народолюбивымъ чувствомъ, преданный своей задачѣ не только какъ ученый, но и какъ человѣкъ съ національно-общественными стремленіями, Аванасьевъ извѣстенъ своимъ классическимъ собраніемъ сказокъ, 8 томовъ котораго вышли въ промежутокъ 1859—1863 г. Сказки эти, какъ записанныя самимъ издателемъ, такъ и сообщенныя ему другими этнографами, были расположены въ извѣстной системѣ: къ основному тексту издатель присоединилъ варианты не только по устнымъ записямъ, но также изъ печатныхъ лубочныхъ изданій XVIII—XIX столѣтій и кромѣ того—параллели изъ сказокъ другихъ народовъ.

Матеріалъ подъ руками Аванасьева былъ громадный. Изъ него, въ 1889 году, онъ отдѣлилъ особую группу, которую издалъ отдѣльно подъ названіемъ „Народныя русскія легенды“. ¹⁾ Въ основаніе изданія былъ положенъ тотъ

¹⁾ Народныя русскія легенды, собранія А. Н. Аванасьевымъ. Изданіе Н. Щепкина и К. Солдатенкова. Цѣна 1 руб. сер. Москва. Въ типографіи В. Грачева и Комп. 1859.

же методъ, какъ и при изданіи сказокъ, причемъ весь матеріалъ освѣщенъ былъ съ точки зрѣнія мифологической школы, виднымъ представителемъ которой являлся самъ А. Н. Аванасьевъ.

Шедшая изъ Германіи, развившаяся на основахъ романтическаго націонализма, мифологическая школа носила характеръ скорѣе поэтической, чѣмъ научной постройки. Новому поколѣнію, говоритъ А. Н. Пыпинъ, подъ вліяніемъ главы школы Гримма представлялась заманчивая перспектива проникнуть въ глубочайшую старину, понять задушевную мысль народа въ его преданіяхъ и поэзіи. Въ русскомъ изслѣдователѣ половины XIX вѣка, дѣйствительно, еще не угасъ „любитель“ словесности начала этого вѣка. Повышенное отношеніе къ народной поэзіи заставляло ученыхъ исходить не отъ матеріала, котораго было собрано уже довольно много, а—матеріалъ подтягивать подъ свои апріорные выводы. Выдвигая представленіе о первобытномъ человѣкѣ, какъ о „младенчествующемъ“, мифологи полагали, что онъ, какъ и ребенокъ, мыслить только конкретными образами. Въ нихъ представлялись ему силы природы, съ которой стоялъ онъ въ неразрывной связи. Воззрѣнія его на природу были „поэтическими“, отсюда—тѣсная связь поэзіи съ природой. Но такъ какъ явленія природы

обожествлялись, то и религіозныя вѣрованія тѣсно соединялись съ поэзіей. О божествахъ природы слагались особыя сказанія — мифы. Послѣдніе и легли въ основу поэтическихъ композицій. Памятники народнаго творчества, несмотря на то, что они сильно искажены позднѣйшими наслоеніями, донесли въ достаточной степени неприкосновенными слѣды этихъ древнѣйшихъ языческихъ сказаній. Въ пѣсняхъ, эпическихъ и лирическихъ, сказкахъ, въ другихъ мелкихъ формахъ народнаго творчества открывалась, по мнѣнію мифологовъ, довольно стройная система бывшихъ религіозныхъ вѣрованій народа.

Подъ эту стройную систему Аванасьевъ подводилъ и народныя легенды. Однако въ ихъ основѣ лежитъ не языческій мифъ, а христіанскія представленія. Чтобы согласить эту группу памятниковъ народной поэзіи съ общей теоріей, изслѣдователь предложилъ слѣдующую гипотезу. Признавая, что христіанскій элементъ долженъ былъ послѣ крещенія Руси въ сильной степени повліять на измѣненіе психологіи народа, Аванасьевъ доказывалъ, что заимствованный матеріалъ легендъ не долго удержался въ чистотѣ. Старыя языческія преданія и повѣрья тѣсно соединились съ новымъ, христіанскимъ началомъ, взаимно прониклись, перепутались. Отсюда изслѣдователю представилась та же возмож-

ность — искать и въ легендахъ „поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи“, иными словами — древнѣйшій мифъ во всѣ глаза глядѣлъ и въ этихъ памятникахъ, хотя и возникшихъ какъ результатъ позднѣйшихъ вліяній.

Въ доказательство своего предположенія Аванасьевъ проводитъ мысль, что народная фантазія съ водвореніемъ христіанскихъ началъ не позабыла образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человека и природы. Напримѣръ — воззрѣнія первобытнаго человека на животныхъ, какъ на существа, одаренныя умомъ и волею, были перенесены въ сказанія, заимствованныя изъ событій Ветхаго и Новаго заветовъ. Въ своемъ предисловіи къ легендамъ собиратель привелъ цѣлый рядъ примѣровъ подобныхъ ассимилировавшихся сказаній.

Изданіе народныхъ русскихъ легендъ вызвало обстоятельную статью А. Н. Пыпина ¹⁾. Объясненіе легендъ, предложенное Аванасьевымъ, мало удовлетворило рецензента, который далъ имъ свое теоретическое опредѣленіе. Мыслями, высказанными Пыпинымъ, въ послѣдствіи, въ 1872 году, воспользовался акад. А. Н. Веселовскій и развилъ ихъ въ своей диссертациі „Изъ исторіи литературнаго

¹⁾ Современникъ за 1860 г. книга 3.

общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“.

Этнографическая терминологія, дѣлящая памятники, записанныя изъ устъ народа, на пѣсни, повѣрья, преданья, сказки—не можетъ претендовать на точное разграниченіе. Всѣ эти виды творчества находятся въ тѣсномъ взаимоотношеніи, незамѣтно переходятъ одинъ въ другой. Отличаютъ (ихъ другъ отъ друга) лишь преобладающія особенности. Для легендъ (послѣднія) состоятъ въ томъ, что содержаніе преимущественно сосредоточено на предметахъ, относящихся къ области христіанскихъ вѣрованій и религіозной морали. У народа нѣтъ опредѣленнаго термина для легендъ; въ нихъ онъ выражаетъ свои повѣрья, считаетъ ихъ поучительнымъ развлеченіемъ. Сатирическій элементъ, частый спутникъ этого вида народнаго творчества, объясняется тѣмъ, что содержаніе легенды направлено, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на лица, почему либо уклонившіяся отъ праведнаго пути, т. е. изложеніе выдержано въ духѣ назидательнаго разказа.

Поэтическое воображеніе при созданіи легенды пользовалось прежде всего разказами евангельскими; легенда по происхожденію, слѣдовательно, была чисто христіанской. Впослѣдствіи въ разказы вошли личности,

которыя поражали своимъ возвышеннымъ характеромъ и святостью жизни, наконецъ—мѣстныя преданія о чудесахъ святыхъ.

Исторія народной легенды стоитъ въ тѣсной и необходимой связи съ легендой литературной. Классическимъ временемъ образованія легендъ были средніе вѣка, когда христіанство распространилось и утвердилось во всей Европѣ. Личности и событія священнаго писанія „заняли мѣсто языческой мифологіи, хотя наивная безсознательность тогдашнихъ людей нерѣдко мѣшала языческое съ христіанскимъ и даже повторяла ту же языческую старину подъ новыми формами“¹⁾. Паломники, въ томъ числѣ и русскіе, были первыми распространителями легендарныхъ сказаній. Пришедшія разными путями, сказанія эти обжились въ новой средѣ, превратились въ произведенія національныя. По готовымъ образцамъ фантазія народа продолжала работать, появлялись самостоятельныя композиціи, источниковъ которыхъ прослѣдить не представляется возможности. Къ книжнымъ переживаніямъ присоединялись преданія, жившія въ народѣ, въ видѣ пѣсенъ и сказокъ. Смѣшеніе русскаго обряда и быта съ христіанскими представленіями можно найти въ собраніи Афанасьева. Легенда сохранялась или

¹⁾ Статья Пыпина, стр. 74.

въ формѣ народныхъ житій святыхъ, въ свое время попавшихъ на листы лубочныхъ картинокъ, или въ формѣ духовныхъ стиховъ, или наконецъ—въ видѣ простаго прозаическаго разсказа. Если пѣсня при повторномъ записываніи подвергалась значительнымъ измѣненіямъ, то еще болѣе превращеній испытала сказка или легенда, изложеніе которыхъ, не связанное особой формой, безконечно варьируется. Сказатели мѣшаютъ между собой легенды, соединяютъ и раздѣляютъ ихъ, такъ что „ученому собирателю нужно много вниманія, чтобы передать ихъ въ должномъ цѣломъ видѣ“, говоритъ Пыпинъ. Записанная довольно уже поздно, русская легенда являетъ слѣды значительнаго распада. Упадокъ ея выражается въ присутствіи элемента шуточнаго, дѣлающаго изъ легенды уже подобіе анекдота, сцены изъ народнаго быта. Религіозный элементъ мѣстами вовсе исчезаетъ, и на первый планъ выдвигаются детали, съ большимъ или меньшимъ остроуміемъ излагающія подробности собственной жизни народа.

Матеріалъ, предложенный Аванасьевымъ въ своемъ изданіи, былъ собранъ въ губерніяхъ: Архангельской, Воронежской, Гродненской, Казанской, Кіевской, Нижегородской, Орловской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Тверской и Ярославской, Лично са-

мымъ собирателемъ записаны легенды Бобровскаго и Воронежскаго уѣздовъ Воронежской губерніи. Остальное доставлялось ему корреспондентами, преимущественно Далемъ, П. В. Кирѣевскимъ и Якушкинымъ. Случайность корреспонденцій опредѣляетъ и синкретизмъ сборника, заключающаго въ себѣ матеріалъ столь различныхъ губерній Европейской Россіи. При этомъ списки легендъ, которые получалъ издатель, не могли быть имъ провѣрены въ смыслѣ правильности записи. Современная изданію критика обращала вниманіе на этотъ недостатокъ, сопровождавшій не только собранія Аванасьева. „Въ этомъ видѣ, говоритъ Пыпинъ, изложеніе легендъ становится очень случайнымъ: разскащикъ, со словъ котораго пишется легенда, могъ дать ей иной тонъ, чѣмъ слѣдуетъ, могъ пропустить инныя подробности, которыя можно было бы дополнить на томъ же мѣстѣ отъ другихъ“.

Несмотря на эти недостатки, изданіе Аванасьева и до сихъ поръ не утратило своего интереса и значенія. Историкъ словесности приходится постоянно обращаться къ этой книгѣ, теперь чрезвычайно рѣдкой и недоступной. Въ Исторіи русской этнографіи Пыпинъ въ такихъ словахъ характеризуетъ это изданіе: „Кромѣ извѣстныхъ Русскихъ народныхъ сказокъ вторымъ замѣчательнымъ изданіемъ

Аванасьева было собраніе легендъ, къ сожалѣнію потомъ, по цензурнымъ причинамъ, не повторенное и ставшее библиографическою рѣдкостью“.

Кое-что изъ народныхъ легендъ, въ другихъ вариантахъ и въ записяхъ, сдѣланныхъ въ Архангельской и Олонецкой г., было повторено въ Сѣверныхъ сказкахъ, изданныхъ въ 1909 году Н. Е. Ончуковымъ. Однако и до сихъ поръ легендарнаго матеріала собрано, къ сожалѣнію, весьма немного. И до сихъ поръ имѣютъ значеніе заключительныя слова Пыпина въ его рецензіи на книгу Аванасьева: „Для полнаго разбора легендарнаго міра, кромѣ новыхъ народныхъ легендъ, нужна еще разработка рукописнаго матеріала, въ которомъ остается еще богатое разнообразіе преданій, особенно расхившихся у насъ въ послѣдніе два вѣка старой Россіи. Именно отъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка осталось намъ довольно много чисто легендарныхъ произведеній, которыя съ успѣхомъ могли бы замѣнить недостатокъ другихъ литературныхъ памятниковъ, какъ указатель того, что и какъ думалъ народъ въ то время. Необходимо замѣтить также и тѣ литературныя вещи, которыя остались въ ходу у раскольниковъ; они издавна дорожатъ стариной и въ самомъ дѣлѣ сберегли ее иногда лучше нашихъ библиотекъ и древнехранилищ“.

С. Шамбинга.

Предисловіе собирателя.

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ еще цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе *легендъ*. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятые юными новообращенными племенами, должны были найти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій: такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, са-

мый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный; пѣсня обратилась въ *стихъ*, сказка въ *легенду*. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи доисторической и которыя повидимому такъ противоположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ несостоятельности подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія; такъ возникли и народные легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угольниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что-то священное, хотя въ

самомъ разсказѣ слышится иногда библейскій оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа, въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давно-прошедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смѣшеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ *двоевѣрнымъ*.

Если они и уцѣлѣли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторыя яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все-таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ мифовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ, христіанскихъ

началь, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по-старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событий, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ заветахъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ сказаній тѣ, которыя намъ извѣстны:

а) *Собака* первоначально была создана голою; но чортъ, желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. *Мышь* прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; *ужъ* затыкаетъ эту дыру своею головою. (Смотри легенду о Ноѣ праведномъ).

б) Въ старину незапамятную рожь была не такая, какъ теперь: снизу солома, а на макушкѣ колосокъ; тогда отъ корня до самого верху все былъ колосъ. Разъ показалось бабамъ тяжело жать, и давай онѣ бранить Божій хлѣбъ. Одна говоритъ: „чтобъ ты пропала, окаянная рожь!“ Другая: „чтобъ тебѣ ни всходу, ни умоту!“ Третья: „чтобъ тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!“ Господь, разгнѣванный ихъ неразумнымъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять одинъ за другимъ. Бабы стоятъ да смотрятъ. Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ — сухощавый и щедушный, тогда *собаки* стали

молить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю сколько нибудь колоса. Милосердный Господь сжалился надъ ними и оставилъ имъ колосъ, какой теперь видимъ ¹⁾. — Другое преданіе говоритъ, что самое зерно было необыкновенной величины:

Быль-жилъ какой-то царь, ѣздилъ-гулялъ по полямъ съ князьями и боярами, нашелъ житное зерно величиной съ воробьиное яйцо. Удивился царь, собралъ князей и бояръ, сталъ спрашивать: давно ли это жито сѣяно? Никто не вѣдалъ, не зналъ. И придумали взискать такого человѣка изъ старыхъ людей, который могъ бы про то сказать. Искали-искали и нашли старика — едва ходить о двухъ костыляхъ; привели его къ царю и стали спрашивать: кѣмъ сѣяно это жито, и кто пожинать? — Не памятую, отвѣчалъ старикъ; такого жита я не сѣвалъ и не знаю; можетъ, отецъ мой помнитъ. Послали за отцомъ, привели къ царю ободномъ костылѣ. Спросили о зернѣ; онъ тожъ говоритъ: „я не сѣвалъ и не пожинать; а есть у меня батюшка, у котораго видѣлъ такое зерно въ житницѣ“. Послали за третьимъ

¹⁾ Терещенко: Быть русск. народа, ч. V, стр. 48. Подобное же сказаніе есть у нѣмцевъ: см. Kinder-und Hausmärchen, ч. 2, № 194 („Die Kornähre“) Г. Терещенко сообщаетъ еще два преданія о челѣ (ч. V, стр. 46—47).

74340K

старикомъ; будетъ ему отъ роду сто семьдесятъ годовъ, а пришелъ къ царю легко, безъ костыля, безъ вожатыхъ. Началь его царь спрашивать: „къмъ это жито сѣяно?“ — Я его сѣялъ, я и пожиналъ, — сказалъ въ отвѣтъ старецъ, и теперь у меня есть въ житницѣ; держу для памяти! Когда былъ я молодъ — жито было большое да крупное, а послѣ стало родиться все мельче да мельче. — Спросилъ еще царь: „скажи мнѣ, старикъ! отчего ты ходишь легче и сына, и внука?“ „Оттого, — сказалъ старецъ, что жилъ по Божьему: своимъ владать, чужимъ не корыстовался“. (Записано въ Архангельской губерніи).

с) Ивановскій свѣтящійся *жукъ керсница* (Kersnica) пользуется у словенцевъ особенною любовью за то, что летать по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святого младенца ¹⁾).

д) Когда архангелъ Гавріиль возвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ нея родится божественный Искупитель, — она сказала, что готова повѣрить истинѣ его словъ, если рыба, одна сторона которой была уже съѣдена, снова живетъ. И въ ту же минуту рыба ожила и была пущена въ воду: это *однобокая камбала*. Такое сказаніе живетъ между рус-

¹⁾ Русск. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 117.

скими поселянами ¹⁾); между тѣмъ народы литовскій и самогитскій увѣряютъ, будто камбала потому съ однимъ глазомъ и наружностью своею походитъ на отрѣзанную половину рыбы, что царица Балтійскаго моря Юрата отгрызла у ней одну сторону, а другую пустила въ воду ²⁾): знакъ, что древне-языческое преданіе получило у насъ подъ вліяніемъ христіанства и другой смыслъ и другую обстановку.

е) Когда родился Христосъ и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая *лошадь* всю ночь ѣла кормъ и непрерывно открывала убѣжище Спасителя; а *волъ* не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а волъ благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жреть и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человекомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ ³⁾).

ф) У моряковъ есть повѣрье, будто два черныя пятна, видимыя на жабрахъ *трески*, произошли отъ того, что апостоль Петръ взялъ

¹⁾ Записано въ Херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

²⁾ Сынъ Отечества 1839 г., № 10, стр. 144—145.

³⁾ Записано въ Харьковской губерніи.

ее двумя пальцами, когда вынималъ изъ рта рыбы монету для уплаты подати ¹⁾).

г) Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ еврея. Толпа окружала его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться и сказалъ Спасителю: „если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этимъ корытомъ?“—*Свинья* съ тремя поросятами, отвѣчалъ Господь. Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ-подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему евреи не ѣдятъ свинины ²⁾).

h) *Медведь*, говорятъ поселяне, былъ прежде человѣкомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ, и не имѣетъ хвоста.

Когда-то въ старину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, наѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста—они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли по-медвѣжьи. Тогда св. Петръ и св. Павелъ

¹⁾ Московск. Вѣдомости, 1858 г. № 87.

²⁾ Записано въ Херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

сказали: „щобъ же вы ривили отнынѣ и до века!“ Съ той самой поры и стали они медвѣдями.

Такой рассказъ можно услышать отъ поселянъ Харьковской губерніи; въ Херсонскомъ уѣздѣ онъ передается нѣсколько иначе:

Мужикъ съ женою вздумали испугать Спасителя, стали подъ греблею и принялись кричать: мужикъ заревѣлъ медвѣдемъ, а баба закуковала кукушкою (*зозулею*). Господь проклялъ ихъ, и съ того времени они навсегда превратились въ медвѣдя и кукушку.

i) Въ Норвегіи существуетъ рассказъ о превращеніи одной женщины въ *дятла* (Norweg. Volksmärchen, № 2):

Христось, странствуя по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ, увидѣлъ женщину, которая приготовляла хлѣбы. Ее звали Гертруда. Спаситель попросилъ у нея хлѣба. Гертруда отдѣлила для странниковъ небольшой кусокъ тѣста, и только стала мѣсить его,—какъ онъ тотчасъ-же выросъ и сдѣлался огромнымъ хлѣбомъ. Скупая хозяйка пожалѣла отдать его странникамъ; снова отдѣлила для нихъ небольшой кусокъ тѣста, но и съ этимъ, и со всѣми другими кусками случилось тоже; тогда рѣшилась она лучше вовсе имъ отказать, нежели дать такъ много. За такое жестокосердіе Господь обратилъ ее въ птицу, которая осуждена искать себѣ пищу между

древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствует мучительную жажду и называется: Gertrudsvogel ¹⁾).

Русскіе поселяне также рассказывают о птичкѣ, которая въ сухое время летаетъ всюду и жалко чирикаетъ: пипи-пить! „Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками, тогда онъ повелѣлъ птии сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, чтобы онѣ носили воду въ назначенныя ей мѣста. Всѣ птицы повиновались, а эта несчастная—нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь! Господь разгнѣвался на нее и запретилъ ей и ея потомству даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дождя остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка, надобдая людямъ, жалобно просить пить, пить!“ ²⁾

к) Когда жида преслѣдовали Спасителя, чтобы предать его на распятіе, то всѣ птицы, особенно *ласточка*, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ.

¹⁾ Подъ этимъ именемъ въ Норвегіи разумѣется rothhaubichte Schwarzspecht.

²⁾ Терешенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 47.

Но *воробей* указалъ имъ это мѣсто своимъ пискливымъ чириканьемъ; жида увидели Спасителя и повели его на мученіе. Потому Господь проклялъ воробья, и мясо его запретилъ употреблять въ пищу. — Этотъ рассказъ записанъ въ Харьковской губерніи; въ другихъ мѣстностяхъ увѣряютъ, что въ то время, какъ предали Христа на распятіе, воробьи непрерывно кричали: живъ - живъ! живъ - живъ! — вызывая чрезъ то враговъ Спасителя на новыя муки. Ласточки напротивъ чирикали: умерь, умерь! Онѣ старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили ихъ и приносили назадъ. Оттого гнѣздо ласточки предвѣщаетъ дому счастье, убить ее считается за великій грѣхъ; а если воробей влетитъ въ избу — это предвѣстіе большой бѣды. О воробѣ рассказываютъ, что онъ одинъ не знаетъ праздника Благовѣщенья и вѣсть въ этотъ день гнѣздо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому онъ можетъ только прыгать, а не переступать ¹⁾).

¹⁾ Иллюстрація, годъ 2-й, статьи Дая, стр. 262, 333. Въ день Рождества Христова литвины стараются топить печи до зари, чтобы воробьи не видали выходящаго изъ трубъ дыма; въ противномъ случаѣ птица эта сильно повредитъ крестьянскимъ посявкамъ. (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 95)

1) Въ Галиціи ходитъ въ народѣ такое преданіе: когда воскресъ Христосъ, его увидела жидовская дѣвочка и сказала о томъ своему отцу. Но старый еврей не повѣрилъ и сказалъ: „тогда онъ воскреснетъ, когда этотъ жареный каплуны полетитъ и запоетъ!“ И въ ту же минуту жареный *пѣтухъ* сорвался съ вертела, полетѣлъ и закричалъ: ку-куреку! ¹⁾

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлый рядъ происшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которые справедливо обращаютъ на себя пытлиное вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разсказахъ не столько важна историческая правда передаваемого событія, сколько правда гуманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собою все поэтическое созданіе. Чувство состраданія къ чужому несчастію, вложенное въ челоуѣка уже самою природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило новое торжественное освященіе. Вся

1) Костомарова: Объ истор. значеніи русск. народн. поэзіи, стр. 85.

земная жизнь Спасителя была непрерывною проповѣдью о любви къ ближнему и милосердію къ нищей братіи: убогимъ, больнымъ, пораженнымъ язвами, заточеннымъ и страждущимъ; по вознесеніи на небо имъ оставилъ Онъ въ наслѣдіе свое святое имя:

Какъ вознесся Христосъ на небеса,
Расплакалась нищая братія,
Расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые и
хромые:

„Ужъ ты истинный Христосъ, царь небесный!

Чѣмъ мы будемъ бѣдные питаться?

Чѣмъ мы будемъ бѣдные одѣваться,
обуваться?“

— Не плачьте вы, бѣдные, убогіе!

Дамъ я вамъ гору да золотую,

Дамъ я вамъ рѣку да медвяную...

Тутъ возговоритъ Иванъ да Богословецъ:

„Вѣдь ты, истинный Христосъ да царь небесный!

Не давай ты имъ горы золотыя,

Не давай ты имъ рѣки медвяныя;

Сильные-богатые отнимутъ:

Много тутъ будетъ убійства,

Тутъ много будетъ кровопролитія.

Ты дай имъ свое святое имя;

Тебя будутъ поминати,

Тебя будутъ величати:
Будутъ они сыты да и пьяны ¹⁾.
Будутъ и обуты, и одѣты".
Тутъ возговорилъ Христосъ да царь небесный:

„Ты Иванъ да Богословецъ,
Ты Иванъ да Злотоустой!
Ты умѣлъ слово сказати,
Умѣлъ слово разсудити“... ²⁾

По народнымъ сказаніямъ Спаситель вмѣстѣ съ апостолами и теперь, какъ нѣкогда—во время земной своей жизни, ходитъ по землѣ, принимая на себя страннической видъ убогаго; испытуетъ людское милосердіе, онъ наказуетъ жестокосердыхъ, жадныхъ и скупыхъ и награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. ³⁾ Это убѣжденіе, проникнутое чистѣйшимъ нравственнымъ характеромъ, основано на томъ, что Спаситель о дѣлахъ любви и милосердія къ нищей братіи проповѣдалъ,

¹⁾ Т. е. будутъ напоены, не будутъ мучиться жаждою, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется.

²⁾ За сообщеніе этого прекраснаго стиха приносимъ благодарность П. А. Безсонову.

³⁾ Особенно дни отъ Пасхи и до Вознесенія почитаются временемъ такихъ странствованій Спасителя. (Русск. Бесѣда 1856 г., № 1, статья Максимовича, стр. 78).

какъ о дѣлахъ любви и милосердія къ нему самому: „Речетъ Царь сущимъ одесную его: приидите благословенніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо—и дасте ми ясти, возжадахся—и напоите мя, страненъ бѣхъ—и введосте мене, нагъ—и одѣясте мя, боленъ—и посѣтите мене, въ темницѣ бѣхъ—и приидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда ты видѣхомъ алчуща—и напитахомъ, или жаждуща—и напоихомъ, когда же ты видѣхомъ странна—и введохомъ, или нага—и одѣяхомъ, когда же ты видѣхомъ боляща или въ темницѣ—и приидохомъ къ тебѣ? И отвѣщавъ Царь речетъ имъ: аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ—мнѣ сотвористе“. (Евангеліе отъ Матеѣя, гл. XXV, ст. 34—40).

Въ настоящемъ сборникѣ довольно приведено народныхъ разсказовъ, въ которыхъ Христосъ является испытующимъ людскія сердца странникомъ, и поэтическое достоинство которыхъ также истинно и цѣльно, какъ и нравственное. Подобные разсказы живутъ и между другими славянскими и германскими племенами. Представляемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе интересные, въ переводѣ:

1. Кто меньше желаетъ, тому больше дается.

Было три брата; ничего больше не имѣли они на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ одного грушеваго дерева, и стерегли то дерево по очереди: одинъ оставался подлѣ груши, а двое другихъ уходили на поденщину. Однажды Богъ послалъ ангела посмотрѣть, какъ живутъ братья, и если плохо—то надѣлать ихъ лучшимъ пропитаніемъ. Ангелъ божій сошелъ на землю, обратился въ нищаго и, подойдя къ тому, который оберегалъ дерево, попросилъ у него одну грушу. Этотъ сорвалъ изъ своей доли, подаль ему и говоритъ: „вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать“. Ангелъ поблагодарилъ его и удалился. На слѣдующій день остался другой братъ стеречь дерево; опять пришелъ ангелъ и попросилъ одну грушу. И этотъ сорвалъ ему изъ своей доли, подаль и говоритъ: „вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать“. Ангелъ поблагодарилъ

и ушелъ. Когда настала чередъ третьему брату оберегать дерево, опять подошелъ ангелъ и попросилъ удѣлить ему одну грушу. И третій братъ сорвалъ изъ своей доли, подаль ему и говоритъ: „вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать“. Когда насталъ четвертый день, ангелъ сдѣлался монахомъ, пришелъ рано поутру и засталъ всѣхъ троихъ братьевъ подлѣ избы. „Идите за мною, сказалъ имъ ангелъ; я надѣлю васъ лучшимъ пропитаніемъ“. Они пошли за нимъ, не говоря ни слова. Приходятъ къ большому бурливому потоку; „чего бы ты желалъ?“ спросилъ ангелъ старшаго брата. А онъ въ отвѣтъ: „чтобы изъ этой воды сдѣлалось вино и досталось бы мнѣ“. Ангелъ перекрестилъ посохомъ ручей—и вмѣсто воды потекло вино: тутъ готовятъ бочки, тутъ вино наливаютъ... „Вотъ тебѣ по твоему желанію!“ сказалъ ангелъ старшему брату и оставилъ его на томъ мѣстѣ, а съ двумя другими пошелъ дальше. Вышли они на поляну—всю поляну голуби прикрыли. Тогда спросилъ ангелъ средняго брата: „чего ты желаешь?“—Чтобы все это были овцы и принадлежали бы мнѣ.—Ангелъ божій перекрестилъ поле своимъ посохомъ—и намѣсто голубей явились овцы: откуда взялись овчарни, однѣ бабы доятъ, другія молоко разливаютъ, третьи снимаютъ сливки, инныя сыръ дѣла-

ютъ, инья масло топятъ... „Вотъ тебѣ по твоему желанію!“ сказалъ ангелъ. Взявъ съ собой младшаго брата, пошелъ съ нимъ по полю и спросилъ: „а тебѣ чего-бъ хотѣлось?“—Мнѣ ничего другого не надо, только бы далъ мнѣ Господь жену отъ праведной христіанской крови. Тогда сказалъ ангелъ: „о, это не легко достать; во всемъ свѣтѣ только и есть три такія: двѣ замужемъ, а одна дѣвица, и за ту двое сватаются“. Идучи долго, пришли они въ одинъ городъ, въ которомъ былъ царь, а у него дочь отъ праведной христіанской крови. Какъ пришли въ городъ—сейчасъ къ царю просить у него невѣсту, а тамъ уже сватаются за нее два царя. Стали и они свататься. Когда увидѣлъ ихъ царь, сказалъ своимъ приближеннымъ: „какъ-же быть теперь: эти—цари, а эти—словно нищіе передъ ними?“ — „А знаете-ли что? сказалъ ангелъ. Сдѣлаемъ-ка такъ: пускай невѣста возьметъ три лозы и посадить ихъ въ саду, назначивъ каждому изъ жениховъ какую-хочетъ; ни чьей лозѣ будетъ поутру гроздь, за того пускай и выйдетъ замужъ“. Всѣ на то согласились; царевна посадила въ саду три лозы и каждому назначила свою. Глянули поутру, а на лозѣ бѣдняка гроздь. Тогда царь, нечего дѣлать, отдалъ дочь свою младшему брату, и обвѣнчали ихъ въ церкви. Послѣ вѣнца отвелъ ихъ ангелъ въ лѣсъ и

оставилъ тамъ; здѣсь жили они цѣлый годъ. А когда исполнился годъ, сказалъ Господь ангелу опять: „пойди, посмотри, какъ живутъ тѣ сироты; если въ нуждѣ, надѣли ихъ больше“. Ангелъ спустился на землю, обратился опять въ нищаго; пришелъ къ тому брату, у котораго потокъ лился виномъ, и попросилъ у него чашу вина. Но тотъ отказалъ ему, говоря: „если всякому давать по чашѣ, такъ и вина не достанетъ!“ Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ—и полился потокъ, какъ прежде, водою. „Нѣтъ же тебѣ ничего, сказалъ онъ старшему брату; ступай подъ свою грушу, стереги ее!“ Затѣмъ удалился оттуда ангелъ; пришелъ къ другому брату, у котораго все поле овцы прикрыли, и попросилъ у него кусокъ сыра. Но тотъ отказалъ ему, говоря: „если всякому давать по куску, такъ и сыра не достанетъ!“ Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ поле—и намѣсто овецъ вспорхнули голуби. „Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ среднему брату; ступай подъ свою грушу, стереги ее!“ Послѣ того пошелъ ангелъ къ младшему брату посмотрѣть, какъ онъ живетъ; приходитъ—а онъ съ своею женою живутъ въ лѣсу бѣдно, въ хижинѣ. Ангелъ попросился къ нимъ переночевать; они охотно, отъ всего сердца, его приняли, и стали спрашивать не поставить имъ того въ

вину, что не могут угостить его такъ, какъ бы желали: „мы люди бѣдные!“ говорили они. „Ничего, отвѣчалъ ангелъ; я доволенъ и тѣмъ, что есть.“ Что будешь дѣлать? муки у нихъ не было, чтобы замѣсить настоящій хлѣбъ; такъ они толкли древесную кору и изъ той приготавливали хлѣбъ. Такой-то хлѣбъ замѣсила теперь хозяйка для своего гостя и посадила въ печь. Стали они разговаривать; послѣ глядь—готово ли? а передъ ними настоящій хлѣбъ, и такой славный, такъ поднялся высоко... Увидя то, мужъ съ женой возблагодарили Бога: „слава тебѣ, Господи, что можемъ угостить странника!“ Подали хлѣбъ гостю, принесли кувшинъ съ водою, и только стали пить—а въ кувшинѣ вино. Въ то время ангелъ перекрестилъ своимъ посохомъ хижину, и на томъ самомъ мѣстѣ сталъ царскій дворецъ, а въ немъ всего много. Ангелъ благословилъ ихъ и оставилъ тамъ, и прожили они счастливо весь свой вѣкъ. ¹⁾

¹⁾ Српске народне приповијетке, стр. 99—103.

2. Христось-странникъ.

а) Однажды Христось и апостолъ Петръ пришли поздно вечеромъ въ деревню. Господь хотѣлъ искать ночлега въ бѣдной избушкѣ, но св. Петръ настаивалъ, что они могутъ пойти въ одинъ изъ богатыхъ домовъ, гдѣ во всемъ достатокъ. Господь не удерживалъ его; позволилъ ему итти, а самъ присѣлъ подлѣ бѣдной избушки. Петръ отправился въ самый что ни есть богатый домъ. „Здѣсь во всемъ изобиліе, здѣсь дадутъ намъ добрый ужинъ и хорошій ночлегъ!“ думалъ онъ; но ошибся. Грубо отказала ему хозяйка: нѣтъ у меня для бродягъ ни ужина, ни ночлега! Разсердился Петръ, однако не потерялъ надежды и пошелъ въ другой домъ. И здѣсь, и въ третьемъ домѣ получилъ онъ точно такой же отказъ. Съ досадою вернулся онъ наконецъ къ Спасителю. „Пойдемъ, поищемъ въ этой избушкѣ“, сказалъ Господь, и оба вошли въ хижину. Они застали хозяйку съ дѣтьми за столомъ. Повсюду замѣтна была нищета. „Ну, хорошо мы будемъ при-

няты, подумаль Петръ, у бабы у самой нѣтъ ничего!“ Но онъ ошибся. Когда Господь попросилъ ужина и ночлега, хозяйка-вдова отвѣчала: „если вы не побрезгаете тѣмъ, что есть у меня,—я очень рада васъ угостить“. Господь былъ всѣмъ доволенъ. Вдова тотчасъ встала и вышла; немного погодя воротилась и принесла чашку супу. Она извинялась, что супъ не довольно жиренъ; она охотно бы приготовила его жириѣ, да масла нѣтъ. „Петръ, сказалъ Спаситель, считай *глазки*¹⁾, что въ супѣ плаваютъ!“ Апостоль сосчиталъ глазки; ихъ было болѣе шестидесяти, и то считая непристально. Когда они поѣли и стали собираться на чердакъ, гдѣ приготовила вдова имъ постели, Спаситель отсчиталъ столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ глазковъ, и подарилъ ихъ вдовѣ. Бѣдная женщина не знала, что дѣлать отъ радости.

Рано утромъ пошла она въ сосѣдній богатый домъ за молокомъ, чтобы приготовить странникамъ хорошій завтракъ, и рассказала тамошней хозяйкѣ, какъ щедро наградили ее странники за плохой супъ: они дали столько же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ глазковъ. Богатая крестьянка была жадна на деньги. Она сказала вдовѣ, чтобы та ничего не варила для странниковъ, что она са-

¹⁾ Плавающие поверхъ кружки растопленнаго масла.

ма желаетъ ихъ пригласить, что у ней всего много, и супъ можетъ быть изготвленъ лучше. Когда передала о томъ вдова св. Петру и Спасителю, Господь сказалъ: „пойдемъ, Петръ!“ Они пошли въ домъ той крестьянки, сопровождаемые благословеніями вдовы. Богатая крестьянка приготовила имъ жирный-жирный супъ. „Если они такъ щедро заплатили за худой супъ, думала она, то какъ же заплатятъ за хорошій!“—„Петръ, сказалъ Господь, считай глазки, что въ супѣ плаваютъ“.—„О Господи!“ воскликнулъ Петръ, которому супъ показался очень вкуснымъ, „супъ такъ хорошъ, что весь жиръ на немъ слился въ одинъ глазъ. Хозяйка заслуживаетъ, чтобы ты вознаградилъ ее вдвое больше“. Уходя, Господь подарилъ крестьянкѣ только одинъ золотой. Она была недовольна этимъ, однако Господь не далъ ей ничего болѣе: „сколько глазковъ, столько и золотыхъ!“

Дорогою осуждалъ Петръ Господа, но Господь сказалъ: „Петръ, не въ величинѣ достоинство дара, а въ той внутренней цѣли, съ какою онъ дается. Истинно говорю тебѣ, что худой супъ бѣдной вдовы въ шестьдесятъ разъ болѣе стоитъ, чѣмъ вкусный супъ богатой крестьянки“.

b) Разъ пришелъ Спаситель въ деревню и увидѣлъ убогаго старика, который со слезами

вышелъ изъ богатаго дома. „О чемъ ты плачешь, старикъ?“ спросилъ Господь. — „О, Господи! жаловался нищій, я голоденъ и не могу выпросить ни кусочка хлѣба. Вездѣ бабы трудятся надъ коноплею; всѣ мнѣ отказываютъ, говорятъ: некогда, и ни одна не хочетъ удѣлить на столько времени, чтобы отрѣзать мнѣ ломоть хлѣба!“

Господь велѣлъ ему обождать и пошелъ въ тотъ домъ, изъ котораго нищій былъ прогнанъ. Хозяйка и работницы были заняты дѣломъ: онѣ вязали коноплю, чтобы потомъ ее намочить. Спаситель попросилъ кусочекъ хлѣба. „Ишь таскаются толпами, одинъ за другимъ! заворчала на него крестьянка. Проваливай! Мнѣ некогда вамъ прислуживать!“ И когда Господь все-таки продолжалъ просить, говоря, что Богъ заплатитъ ей за то, что сдѣлаетъ она для бѣднаго, — раздраженная крестьянка закричала: „мнѣ не нужно твоей болтовни, и ты ничего не получишь; для твоего удовольствія я не кину работы!“ Господь удалился и пошелъ въ другой домъ, гдѣ не лучше ему посчастливилось. Вездѣ ему отказывали. Тогда Господь сказалъ крестьянкѣ, къ которой обратился онъ съ просьбою послѣ всѣхъ: „попомни меня — на будущее время васъ ожидаетъ двойная работа за коноплей!“ Съ этими словами онъ удалился и взялъ съ собой нищаго. Съ того времени приходится

бабамъ дважды дергать коноплю: сначала пѣсконъ (der männliche Hanf), посѣвъ ту, что сѣмена приносить (Saathanf.¹⁾

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mähren und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volksgesängen und Sprichwörtern. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, 1857, Leipzig. стр. 90—92.

3. Награда и наказаніе.

Въ одной деревнѣ жили два сосѣда; у одного было сто овецъ, у другого только три. Бѣдный сказалъ богатому: „позволь моимъ овцамъ пастись вмѣстѣ съ твоими, тебѣ вѣдь это все равно!“ Самъ же онъ не имѣлъ никакого пастбища. Богатый не хотѣлъ было, но послѣ позволилъ; мальчикъ бѣдняка погналъ свои три овцы на поле, къ сосѣдскому стаду, и остался тамъ замѣсто пастуха.

Спустя нѣкоторое время случилось, что король прислалъ къ богатому мужику и потребовалъ отъ него одной жирной овцы. Мужикъ не могъ отказать королю, но ему тяжело показалось потерять хоть одну изъ сотни собственныхъ своихъ овецъ; поэтому онъ приказалъ своимъ работникамъ поймать одну изъ трехъ овецъ бѣдняка и отдать ее королевскимъ слугамъ. Работники такъ и сдѣлали. Сынъ бѣдняка горько плакалъ, когда взяли у него и потащили овцу.

Вскорѣ послѣ того потребовалъ король у богатого мужика другой овцы; этотъ опять

приказалъ своимъ работникамъ отдать одну изъ тѣхъ, что принадлежали бѣдному. Такъ и было, и мальчикъ еще болѣе плакалъ, когда увели у него другую овцу. „Король, подумалъ онъ про себя, скоро потребуетъ еще одну овцу, а работники богатого сосѣда возмуть у меня и эту послѣднюю; лучше убраться мнѣ, пока есть время!“ Онъ такъ и сдѣлалъ и ушелъ далеко-далеко на высокую гору; тамъ нашлось довольно корму и свѣжей воды, и овецъ его было привольно.

Спустя нѣсколько дней сказалъ бѣдный самъ себѣ: „пойду—посмотрю, что дѣлаютъ мои овцы и мальчикъ!“ Когда пришелъ онъ къ стаду и спросилъ работниковъ о своемъ ребенкѣ, они отвѣчали: „двѣ изъ твоихъ овецъ отданы нами, по приказанію хозяина, королю; а съ послѣднею ушелъ куда-то твой мальчикъ“. Бѣдный сталъ жаловаться: „гдѣ я теперь его найду?“ говорилъ онъ; но тотчасъ же оправился и пошелъ искать. Долго не было примѣтно никакого слѣда. Онъ спрашивалъ у Солнца, не можетъ ли оно указать ему путь-дорогу. Къ сожалѣнію, Солнце не знало дороги. Наконецъ онъ пришелъ къ буйному и свирѣпому Вѣтру, и спросилъ его: не знаетъ ли онъ, гдѣ находится его сынъ? „Да, я знаю, я отправляюсь туда и охотно возьму тебя съ собой!“ Тутъ подхватилъ его буйный Вѣтеръ и въ одно мгно-

вѣне перенесъ на гору къ сыну; мальчикъ находился въ долинѣ, которую никогда не озаряло солнце. Бѣдный мужикъ обрадовался, увидя сына, и, услышавъ, какъ онъ сберегъ послѣднюю овцу, „мы теперь оба останемся здѣсь, сказалъ онъ, и будемъ заботливо за нею смотрѣть, потому что эта овца составляетъ все наше богатство“!

Черезъ нѣсколько времени послѣ того случилось двумъ странникамъ взойти на горы; они пристали къ бѣдному мужику и расположились на отдыхъ. Это были Христосъ и св. Петръ. „Мы издалека пришли, сказалъ Христосъ, и такъ утомлены, такъ голодны, что, конечно, должны умереть, если не достанемъ скорѣ хотя немного мяса“. Бѣдный почувствовалъ состраданіе и тотчасъ отвѣчалъ: „я могу вамъ пособить!“ Онъ быстро отправился, взялъ свою овцу, убилъ ее, разложилъ огонь и приготовилъ для своихъ гостей добрый кусокъ жаренаго, которое показалось имъ очень вкуснымъ. Послѣ угощенія сказалъ Христосъ мальчику, чтобы онъ собралъ всѣ кости и положилъ ихъ въ овечью шкуру. Мальчикъ исполнилъ, и потомъ всѣ они вмѣстѣ легли спать. Раннимъ утромъ поднялся Христосъ съ св. Петромъ, благословили бѣдняка и его сына и тихо удалились. Когда пробудился мужикъ съ своимъ мальчикомъ, онъ увидѣлъ передъ собою большое стадо

овецъ; впереди стояла та самая овца, которую онъ вчера зарѣзалъ, совершенно здоровая и бодрая; она держала на лбу записъ, въ которой было сказано: „все принадлежитъ бѣдному и его сыну!“ Три собаки прыгали около нихъ и ласкались. Бѣдный не могъ скрыть своей радости и счастья и отправился со стадомъ домой. Когда онъ воротился, собралась цѣлая деревня посмотрѣть на его многочисленныхъ и красивыхъ овецъ; бѣдному то и дѣло приходилось рассказывать, какъ чрезъ двухъ убогихъ странниковъ досталось ему такое счастье. Зависть не давала покоя богатому его сосѣду: если такъ, думалъ онъ, то я скорѣ долженъ получить еще болѣе!—Онъ пошелъ, созвалъ отовсюду бѣдныхъ странниковъ и нищихъ, перебилъ всѣхъ своихъ овецъ, нажарилъ мяса и предложилъ убогимъ. Потомъ старательно собралъ всѣ кости: въ шкуру каждой овцы положилъ именно тѣ, которыя ей принадлежали, и улегся спать. Онъ однако не могъ заснуть; въ мысляхъ своихъ онъ не переставая до самаго утра высчитывалъ, во сколько больше должно быть у него овецъ, нежели у сосѣда, потому что онъ убилъ цѣлую сотню, а тотъ только одну. Когда разсвѣло, онъ тотчасъ вскочилъ, чтобы взглянуть на свое огромное стадо, но передъ нимъ лежали только кости въ овечьихъ шкурахъ, и ни одна не двигалась и не шеп-

велилась. А! подумаль богатый, такъ я знаю же, отчего эта помѣха: надобно, чтобы удалились странники и нищіе! „Эй, вы бродяги, убирайтесь-ка отсюда!“ Солнце уже стояло высоко, но кости все не шевелились, и стадо его не только не умножилось стократъ, оно совсѣмъ пропало! Жалуясь на потерю всего своего добра, онъ пошелъ съ проклятіями и утопился.

А бѣдный сосѣдъ сталъ богатъ и счастливъ; рассказываютъ, что впоследствии сынъ его женился на одной королевнѣ ¹⁾.

Въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ“ (вып. 1, стр. 61—70; вып. 2, стр. 121—128) напечатана нами легенда о Маркѣ-Богатомъ. Сообщаемъ еще одинъ вариантъ:

¹⁾ Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen, gesammelt von Joseph Haltrich. Berlin, 1856, стр. 67—70.

4. Марко-Богатый.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ купецъ Марко-Богатый; казны и всякаго имѣнія было у него столько, что и счесть нельзя! Жилъ онъ, веселился, а нищихъ къ себѣ и на дворъ не пускалъ: таковъ былъ немилостивъ.

Въ одно время приснился ему сонъ: приготовься де, Марко-Богатый, и ожидай—самъ Господь будетъ къ тебѣ въ гости! Поутру всталъ Марко, призвалъ жену и велѣлъ готовить большой пиръ; весь дворъ свой выслалъ алымъ бархатомъ да золотыми парчами и по всѣмъ закоулкамъ разставилъ батраковъ и прикащиковъ, чтобы не пускали никого изъ нищей братіи, а гнали бы въ-зашей. Вотъ собрался совсѣмъ Марко-Богатый и сѣлъ поджидать Господа: часъ ждетъ, другой ждетъ—не видать гостя. А нищіе какъ услышали, что у Марка-Богатаго приготовленъ большой пиръ, такъ и повалили къ нему со всѣхъ сторонъ за святымъ подаянiемъ; только батраки и прикащики никого не пропускаютъ, всѣхъ такъ и гонять въ-зашей. Вотъ

одинъ убогій старичокъ, древній-древній, одѣтъ весь въ рубище, и зашелъ какъ-то на Маркинъ дворъ. Какъ увидѣлъ его изъ окна Марко-Богатый, закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ: „эй, вы слуги мои, неслухи! али глазъ у васъ нѣту? Вишь, какой-то невѣжа по двору расхаживаетъ; чтобъ сейчасъ его не было!“ Въ ту же минуту подскочили слуги, подхватили убогаго подъ руки и вытолкали черезъ задній дворъ. Увидала убогаго одна добрая старушка и говоритъ ему: „пойдемъ ко мнѣ, нищенкой! я тебя накормлю, я тебя упокою“. Привела его къ себѣ, накормила, напоила и спать уложила; а Марко-Богатый такъ и не дождался Господа! Въ самую полночь проснулась хозяйка и слышитъ—кто-то постучался подъ окномъ и спросилъ: „праведный старче! ты здѣсь ночуешь?“—Здѣсь, сказалъ убогій. „Въ такой-то деревнѣ у бѣднаго мужика родился сынъ; какимъ наградишь его счастьемъ?“ Отвѣчалъ убогій: „владѣть ему всею казною и всѣмъ имѣніемъ Марка-Богатаго!“ На другой день убогій простился съ хозяйкою и пошелъ странствовать, а старушка сейчасъ на дворъ къ Марку-Богатому и про все ему рассказала. ¹⁾

¹⁾ По другому списку: Спаситель въ нищенскихъ лохмотьяхъ попросился ночевать къ одному мужику, вошелъ въ избу и легъ на лавкѣ. Спустя немного заѣхалъ туда-же Марко-Богатый, увидалъ убогаго

Марко поѣхалъ къ бѣдному мужику и выпросилъ у него мальчика: „отдай, говоритъ, я возьму его въ приемыши, вырастетъ—добру научу, а какъ стану умирать—все богатство за нимъ запишу“. Говоритъ эти рѣчи, а въ головѣ инныя думки. Взялъ мальчика, поѣхалъ домой и на дорогѣ бросилъ его въ сугробъ: пускай де замерзнетъ; тогда и увидитъ, каково владать Маркиной казною!—На ту самую пору выѣхали въ поле охотники, гоняли-гоняли за зайцами и наѣхали на ребенка; взяли его съ собою, вырастили и умразуму наставили. Прошло много лѣтъ, много воды утекло: случилось Марку-Богатому заѣхать къ тѣмъ охотникамъ; увидалъ молодого приемыша, слово за слово, разговорился объ немъ и узналъ, что это тотъ самый мальчикъ, котораго онъ бросилъ въ полѣ. Сталъ просить его Марко-Богатый: „сходи, говоритъ, ко мнѣ на домъ, отнеси къ женѣ письмо“. А въ письмѣ написалъ, чтобы его тотъ

прогналъ съ лавки и самъ улегся на его мѣстѣ. Въ полночь явился подъ окно Михаилъ-архангелъ, постучался, и спрашиваетъ: „Господи Иисусе Христе! здѣсь ли ночуешь?“—Здѣсь, говоритъ Господь. „У бѣднаго мужика сынъ родился, у Марка-Богатаго дочь; Господи, какимъ ихъ счастьемъ, какою судьбою надѣлишь?“ Отвѣчалъ Господь: „пускай сынъ бѣднаго владѣтъ и дочерью и всѣмъ имѣніемъ Марка-Богатаго“.

часть затравить собаками. Бѣдный приемышъ отправился въ путь; идетъ дорогою, а на встрѣчу ему убогій старикъ въ рубищѣ, и то былъ не простой нищій — то былъ самъ Христосъ. Онъ остановилъ путника, взявъ у него письмо и только подержалъ въ рукахъ ¹⁾—какъ въ ту же минуту все сказанное въ письмѣ перемѣнилось: жена Марка-Богатого должна принять посланнаго съ честію и тотчасъ женить его на своей дочери. Какъ написано, такъ и сдѣлано. Воротился домой Марко-Богатый, еще пуще осерчалъ на зятя, и говоритъ ему: „Вечеромъ де попозднѣе сходи на винокурню да посмотри за работою“, а самъ приказалъ работникамъ: какъ придетъ молодецъ—сейчасъ его, не говоря ни слова, бросить въ горячій котелъ. Сталъ было зять собираться на винокурню, и вдругъ ему попритчилось, напала на него такая хворь, что по неволѣ пришлось дома остаться. А Марко-Богатый, выждавъ время, пошелъ посмотреть, что сталося съ его зятемъ, и такъ прямо попалъ винокурамъ въ лапы и угодилъ въ горячій котелъ! (Изъ собранія В. И. Даля).

¹⁾ Въ другомъ спискѣ: перебросилъ съ руки на руку.

Подобный-же разсказъ находимъ въ изданіи: „Ungarische Volksmärchen“ (Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Ur-schrift übersetzt von G. Stier, Pesth), № 17, стр. 188—193. ¹⁾

Присоединяю еще три легенды о странствованіи Спасителя по землѣ: двѣ—извѣстныя между славянскихъ племенъ и одну—принадлежащую нѣмцамъ:

¹⁾ Въ валахскихъ сказкахъ (Walach. Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 6) есть одна подъ заглавіемъ: „Die altweibertage, въ которой также упоминается о странствованіи Спасителя съ апостоломъ Петромъ. Злая свекровь мучаетъ свою сноху трудными работами; наконецъ заставляетъ ее вымыть добѣла волну, снятую съ черной овцы. Съ утра до вечера трудилась она, руки ея устали, а успѣха не было; съ горя заплакала бѣдная. На ту пору шелъ мимо Спаситель съ св. Петромъ. „О чемъ ты плачешь?“ спросилъ ее Господь. Она разсказала. „Будь послушна матери, возразилъ Спаситель; мой и усталыми руками, да будетъ Богъ съ тобой!“ Принялась она снова мыть, и мало-по-малу черная волна обратилась въ бѣлую. Злую свекровь постигло наказаніе: раннею весною она погнала своихъ овецъ на горы и тамъ окаменѣла со всею стадомъ.

5. ПѢВЦЫ.

Случилось какъ-то — Христось и святой Петръ странствовали по свѣту. Пришли они въ деревню; здѣсь въ одномъ домѣ такъ хорошо пѣли, что Господь остановился и заслушался: святой же Петръ отправился далѣе. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся назадъ: Христось стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Св. Петръ снова пошелъ дальше; сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся въ другой разъ: Христось стоялъ все тамъ-же. Снова дальше и дальше пошелъ св. Петръ; пройдя опять нѣсколько, онъ оглянулся въ третій разъ, и увидѣлъ, что Христось все еще стоялъ и слушалъ. Тогда поворотилъ онъ назадъ, и подошелъ къ дому, изъ котораго неслась прекрасная народная пѣсня. Послушали они нѣкоторое время, и двинулись оба въ путь; вотъ подошли къ другому дому, гдѣ также раздавалось пѣніе. Святой Петръ остановился было послушать, но Господь направилъ свои стопы дальше. Пошелъ и св. Петръ; онъ былъ сильно изумленъ. — Что

такъ сильно тебя изумило? спросилъ Христось. „Меня то поразило, отвѣчалъ св. Петръ, что ты остановился тамъ, гдѣ пѣлась народная пѣсня, и проходишь мимо здѣсь, гдѣ поются духовные стихи“. Тогда сказалъ ему Христось: „о мой любимый св. Петръ! тамъ пѣли народную пѣсню, но сохраняя всевозможное благоговѣніе; здѣсь же поютъ духовные стихи, но безъ малѣйшаго чувства благоговѣнія“ ¹⁾.

1) Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz, herausgegeben von Leopold Haupt und Johann Ernst Schmalzer, ч. 2, стр. 175.

приключиться что и худое: ты сегодня Богъ до вечера, ты долженъ и беречь ихъ.“ Что оставалось Петру? Хоть ему и досадно было, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ сторожить гусей; но далъ зарокъ, что никогда болѣе не пожелаетъ быть Богомъ ¹⁾.

6. Апостоль Петръ.

Однажды рядомъ съ Спасителемъ шелъ апостоль Петръ, весь погруженный въ думы; вдругъ онъ сказалъ: „какъ хорошо, думаю, быть Богомъ! Хоть бы мнѣ на полдня сдѣлаться Богомъ, послѣ я опять готовъ быть Петромъ!“ Господь усмѣхнулся и сказалъ: „пусть будетъ по твоему желанію, будь Богомъ до вечера!“ Между тѣмъ приблизились они къ деревнѣ, изъ которой крестьянка гнала стадо гусей. Она выгнала ихъ на лугъ, оставила тамъ и поспѣшила назадъ въ деревню. „Какъ, ты хочешь оставить гусей однихъ?“ спросилъ ее Петръ.—А что, неужли стеречь ихъ и сегодня? У насъ нынче храмовой праздникъ, возразила крестьянка. „Но кто же долженъ беречь твоихъ гусей?“ спросилъ Петръ.—Пусть Господь Богъ бережетъ ихъ сегодня! сказала крестьянка и удалилась. „Петръ! ты слышалъ, сказалъ Спаситель. Я бы охотно пошелъ съ тобою въ деревню на храмовой праздникъ, но вѣдь гусямъ можетъ

1) Westslawischer Märchenschatz. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, стр. 89—90.

7. Господь и церковный староста.

Одинъ церковный староста, въ набожной заботливости о своей церкви, пожертвовалъ въ нее великолѣпный подсвѣшникъ съ большою восковою свѣчею. Тогда явился ему Господь въ образѣ старца и въ воздаяніе за этотъ даръ обѣщаль, что онъ трижды возвѣститъ ему о смерти—прежде, нежели отзоветъ изъ сего міра. Обрадованный этимъ староста зажилъ въ роскоши и въ весельи, ѣлъ и пилъ, пользовался церковнымъ погребомъ и вовсе не думалъ о смерти. Прошло нѣсколько лѣтъ, и тѣло его стало отказываться выносить далѣе такую жизнь: колѣни его согнулись, спина сгорбилась, и онъ былъ вынужденъ взяться за костыль; немного погодя онъ потерялъ зрѣніе, а потомъ и слухъ. Сгорбленный, слѣпой и глухой онъ продолжалъ жить все такъ же безумно и пышно, какъ и прежде. Наконецъ предсталъ Господь, чтобы взять его отъ сего міра. Церковный ста-

роста былъ встревоженъ и смущенъ; онъ обратился къ Господу съ упреками, зачѣмъ онъ трижды не возвѣститъ ему, какъ самъ обѣщаль? Тогда сказалъ ему Господь въ праведномъ гнѣвѣ: „Какъ? я не возвѣститъ тебѣ? А развѣ я не ударялъ тебя сначала по плечу и колѣнамъ, такъ что ты долженъ былъ согнуться? Развѣ я не наложилъ потомъ мой перстъ на твои глаза, такъ что ты ослѣпъ? Развѣ напоследокъ не коснулся я твоихъ ушей, такъ что ты потерялъ слухъ? Такъ исполнено все, что я тебѣ обѣщаль; теперь слѣдуй за мною!“ Староста смиренно сталъ молить о прощеніи: ему, право, непонятны, были эти напоминанія, и онъ не приготовился еще къ смертному часу. Кротко взглянулъ Господь на кающагося грѣшника и сказалъ: „пойдемъ, пойдемъ; я не хочу для тебя быть справедливымъ болѣе, нежели сколько милостивымъ!“ 1)

Александръ Аванасьевъ.

1) Deutsche Volksmärchen, von J. Haltrich, стр. 62. Сличъ съ № 177 во 2-мъ томѣ „Kinder-und Hausmärchen“ братьевъ Гриммъ („Die Boten des Todes“).

**Народныя
русскія легенды.**

Лег.

1. Чудесная молотьба.

Разъ какъ-то принялъ на себя Христосъ видъ старичка-нищаго и шелъ черезъ деревню съ двумя апостолами. Время было позднее, къ ночи; сталъ онъ проситься у богатаго мужика: „пусти, мужичокъ, насъ переночевать“. А мужикъ-ать богатый говоритъ: „много васъ попрошаекъ здѣсь таскается! что слоняетесь-та по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небось не работаете.“ и отказалъ на отрѣзъ.—Мы и то идемъ на работу, говорятъ странники, да вотъ застала насъ въ дорогѣ ночь темная. Пусты, пожалуста! мы и ночуемъ хоть подъ лавкою. „Ну такъ и быть! ступайте въ избу“. Впустили странниковъ; ничѣмъ-то ихъ не покормили, ничѣмъ-то ихъ не напоили (самъ хозяинъ-та поужиналъ вмѣстѣ со своими домашними, а имъ ничего не далъ), да и ночевать имъ довелось подъ лавкою.

По утру рано стали хозяйскіе сыновья собираться хлѣбъ молотить. Вотъ Спаситель и говоритъ: „пустите, мы вамъ поможемъ за

нос(ч)легъ, помолотимъ за васъ".—Ладно, сказалъ мужикъ; и давно бы такъ! лучше чѣмъ по-пусту безъ дѣла слоняться-та!—Вотъ и пошли молотить. Приходятъ. Христось и утарить ¹⁾ хозяйскимъ сыновьямъ: „ну, вы разметывайте адонье ²⁾, а мы приготовимъ токъ". И сталъ онъ съ апостолами готовить токъ по своему: не кладутъ они по одному снопу въ рядъ, а сноповъ по пяти, по шести, одинъ на другой, и наклали почитай цѣлое полъадонье. „Да вы такіе-сякіе совсѣмъ дѣла не знаете!" заругались на нихъ хозяева; „зачѣмъ наложили такіе вороха?"—Такъ кладутъ въ нашей сторонѣ; работа, знашь, отъ того спорѣе идетъ, сказалъ Спаситель и зажогъ покладенные на току снопы. Хозяева ну кричать да браниться, дискать весь хлѣбъ погубили. Анъ погорѣла одна солома, зерно осталось цѣло и заблестало въ большущихъ кучахъ крупное, чистое да такое золотистое!

Воротим(в)шись въ избу, сыновья-та и говорятъ отцу: такъ и такъ, батюшка, смолотили, дискать, полъадонья. Куда! и не вѣрить! Разказали ему все, какъ было; онъ еще пуще дивится: „быть не можетъ! отъ огня зерно пропадетъ!" Пошелъ самъ поглядѣть: зерно лежало большими кучами да та-

¹⁾ Говорить. (Опытъ обл. великор. словаря).

²⁾ Снопы, покладенные въ кучу, скирдъ. (ibidem. стр. 138).

кое крупное, чистое, золотистое—на диво! Вотъ покормили странниковъ, и остались они еще на одну ночь у мужика.

На утро Спаситель съ апостолами собирается въ путь-дорогу, а мужикъ имъ гутарить: „пособите намъ еще денекъ-та!"—Нѣтъ, хозяинъ, не проси; неколи, надѣтъ идти на работу. А старшой хозяйской сынъ потихоньку и говорить отцу: „не трожъ ихъ, бачка; не-замай идуть. Мы тапереча и сами знаемъ, какъ надѣтъ молотить". Странники попрощались и ушли. Вотъ мужикъ-то съ дѣтьми своими пошелъ на гумно; взяли, наклали сноповъ, да и зажгли: думакъ—сгорить солома, а зерно останется. Анъ вышло не такъ: весь хлѣбъ поняло огнемъ, да отъ сноповъ бросилось поломя на разны постройки; начался пожаръ да такой страшной, что все до гола и погорѣло!

Подл.

всѣмъ

Дѣла. Убвнелъ / къ
Дѣла. Убвнелъ / къ

сталъ молоть; смотреть: ужъ много прошло времени, а мука все сыпится, да сыпится! Что за диво! всего зерна-то было съ четверть, а муки намолосось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себѣ все сыпится, да сыпится... Мужикъ не зналъ, куды и собирать-то!

Мел

2. Чудо на мельницѣ.

Када-то пришелъ Христосъ въ худой нищенской одежѣ на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку. Мельникъ осерчалъ: „ступай, ступай отселева съ Богомъ! много васъ таскается, всѣхъ не накормишь!“ Такъ-таки ничего и не далъ. На ту пору случись—мужичокъ привезъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи, увидалъ нищаго и сжалился: „подъ сюды, я тебѣ дамъ“. И сталъ отсыпать ему изъ мѣшка хлѣбъ-ать; отсыпалъ почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій все свою кису подставляетъ. „Что, али еще отсыпать?“—„Да, коли будетъ ваша милость!“ „Ну, пожалуй!“ Отсыпалъ еще съ мѣрку, а нищій все-таки подставляетъ свою кису. Отсыпалъ ему мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зерна такъ самая малость. „Вотъ дуракъ! сколько отдалъ, думаетъ мельникъ, да я еще за помолъ возьму; чтожъ ему-то останется?“ Ну, хорошо. Взялъ онъ у мужика рожь, засыпалъ и

119. № 10 22.

3. Бѣдная вдова.

а. Давно было — странствовалъ по землѣ Христосъ съ двѣнадцатю апостолами. Шли они разъ какъ-бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христосъ и апостолы. Вотъ пришли они въ одну деревню и попросились на нос(ч)легъ къ богатому мужику ¹⁾. Богатой мужикъ ихъ не пустилъ: „вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ; ступайте къ ней“. Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлѣбца, да съ горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та безъ молока—не отелилась къ тому сроку. „У меня, батюшки, говоритъ вдова, избенка малая, и лечь-то вамъ негдѣ!“—Ничего, какъ-

¹⁾ *Вариантъ:* Шелъ Христосъ съ 12-ю учениками, словно нищенки. Пришли они въ городъ и попросились ночевать къ богатому купцу; купецъ не пустилъ...

нибудь упокоимся. Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ напитать ихъ. „Чѣмъ же мнѣ покормить васъ, родимыхъ, говоритъ вдова; всего-на-всего есть у меня одна махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нѣтутъ: все жду—вотъ отелится... Не взыщите на хлѣбъ на соли!“—И, бабушка! сказалъ Спаситель, не кручинься, всѣ будемъ сыты. Давай что есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога... Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краюшечкой хлѣбца всѣ напитались, еще и ломтей эва сколько осталось! „Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить, сказалъ Спаситель; гляди-ка, мы всѣ сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, отъ Бога...“ Переночевали Христосъ и апостолы у бѣдной вдовы. На утро говоритъ вдова своей невѣсткѣ: „подь, поскреби мучицы въ закро-мѣ, авось наберешь съ горсточку на блины покормить странниковъ“. Невѣстка сходила и несетъ муки таки порядочную махотку ¹⁾. Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говоритъ: „тамъ въ закро-мѣ и на другой разъ осталось“. Напекла вдова блинковъ и подчууетъ Спасителя и апо-

¹⁾ Глиняный горшокъ.

столовъ: „кушайте, родимые, чѣмъ Богъ послалъ...“—Спасибо, бабушка, спасибо! ¹⁾

Поѣли они, попрощались съ бѣдною вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ эдакъ по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: „Господи, завѣль, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!“—Пойди, сказалъ ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у нее корову съ теленкомъ. Апостолы усумнились и сказали: „Господи, за что-же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаючи отъ своей коровы теленочка: было бы у ней молочко—пропитаніе на всю семью.“—Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣждалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреніемъ промолвила: „Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!“

¹⁾ *Вариантъ:* Собрала вдова ужинать и говорить: „я бы вамъ, родимые, блинковъ растворила, да муки нѣтутъ“. Христосъ отвѣчаетъ: „посмотри, можетъ быть найдется“.—Нѣтъ, батюшки вы мои! я ужъ въ ларѣ крылушкомъ муку повымела. „Ступай, посмотри, опять говорить Христосъ, можетъ и найдется“. Пошла вдова и видитъ: половъ ларъ муки! откуда что взялось! Принесла она муки, сдѣлала растворъ, а потру встала и напекла блиновъ.

Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами ¹⁾. Спаситель и говоритъ: „катись, бочка, къ богатому мужику ²⁾ во дворъ!“ Апостолы опять усумнились: „Господи! лучше-бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!“—Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ, припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: хотъ бы еще столько-же послалъ Господь, думаетъ про себя. Христосъ и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. „Исусе! мы пить хотимъ,“ говорятъ они Спасителю. „Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтесь“.

Апостолы пошли; шли-шли, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамота, тамъ-то сквернота—жабы, змѣи, лягва... тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. „Чтожъ испили водицы?“ спросилъ ихъ Христосъ.—Нѣтъ, Господи! „Отчего?“

¹⁾ *Вар.* съ серебромъ.

²⁾ *Вар.* къ купцу.

Да ты, Господи, указаль намъ такой колодезь, что и посмотришь-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христосъ, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли-шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: „Исусе! мы пить хотимъ“. Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: вонъ видите колодезь, ступайте и напейтесь“. Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо! тамъ-то прекрасно! растутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ-бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы,—а вода такая чистая, студеная да сладкая!—и воротились назадъ. „Что такъ долго не приходили?“ спрашиваетъ ихъ Спаситель.—Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки. „Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года, сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ—таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другого колодези—таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ!“¹⁾ (Всѣ три легенды записаны издателемъ въ Воронежской губерніи, Бобровскомъ уѣздѣ).

в. Въ давніи времена ходивъ по земли Богъ и зъ святымъ Мыколаемъ и святымъ Петромъ, и уже святой Петро совсимъ обдер-

¹⁾ *Вариантъ.* Первый колодезь приуготовленъ, богатому кушцу, а второй бѣдной вдовѣ.

ся¹⁾, такъ, шо ѣ не стало на јому ныякого шматя²⁾. А Господь каже ему: „пиды, Петре, та украды соби шматя дѣ-ныбудь на тыну, тай прислухайся—чы буде за те лаяты тебе хозяйка, чы ни?“ Отъ св. Петро пишовъ и покравъ повишане на тынови людськее шматя, и убрався пишовъ до Бога, тай каже: „я вже укравъ шматя, алы-жъ хозяйка мене за тее не лаяла, а тильки оглядывшысь сказала: нехай јому Богъ звыдыть и избачить!“ А Богъ, выслухавъ цее, тай каже: „ну добре, колы такъ!“—Отъ Богъ, св. Петро и св. Мыколай вси зашлы въ обидранную хату до одной найбиднищой вдовы-мужычки, упросылись въ ней на ничъ и стали спрощуваты: „чы ныма чого у тебе поисты?“ А хозяйка одвичае: „ныма въ мене ничего. Я бидная, хлибъ соби заробляю, и тильки маю хлиба—ше одынъ окрайчыкъ на полицѣ“. А Богъ до нея каже: „дай же намъ хоть боршу“. Вона зновъ одвичае: „та ныма у мене ни якой стравы³⁾, и ничогисынько не варыла“. Отъ Богъ зновъ сказавъ: „погляды лишь, молодыце, добре въ пичи, може чы не найдешъ тамъ чого-ныбудь“. Вона все таки не хоче того слухаты, а дали Богъ якъ причыпывся добре до неи: „такъ погляды въ пичь,

¹⁾ Ободрался.

²⁾ Платя.

³⁾ Кушанья, ѣствы.

та погляды.—Отъ вона, абы витчпытыця, иде до печи; колы заглянула туда въ пичь, ажъ тамъ богацько всякой всячины—понаварывано разной хорошей стравы и варынухи. Тай каже вона: „що це такее на свити значыть, я не топыла, ажъ богацько есть понаварывано всякой всячины?“ Отъ вона по-вынимала все съ печи, и вси воны понаѣда-лись, тай полягали спаты; а хозяйка все не знала, що то Богъ прійшовъ до неѣ. На дру-гый день вранци Богъ, св. Петро и св. Мы-колаѣ повставали, подяковали гарно ¹⁾ хо-зяйщи, тай пишли дальше, и почулы воны высильне гранье ²⁾: ажъ надходятъ воны ту-да, колы дывятця, а тамъ высилья у одного богатаго мужыка. Отъ св. Мыколаѣ каже: „Господы мылостывый! ходимъ же и мы на те высилья, чы не дадутъ и намъ по чарци горилки та чого поѣсты?“ А Богъ каже: „доб-ре, ходимъ“. Отъ воны пишли туда замисть старцивъ, буцимъ ³⁾ просыты мылостыни, а богатый хозяинъ теѣ хаты оглянувшись до ныхъ, тай зновъ ставъ частуваты за столомъ своихъ высильныхъ гостей, богатыхъ хозяи-нивъ, а дали ставъ гукаты на свою жинку: „а дай лышь тамъ старцамъ мылостыни“. А

¹⁾ Поблагодарили усердно.

²⁾ Свадебное гулянье, веселье.

³⁾ Какъ будто. (Словарь малорос. Чужбинскаго стр. 21).

жинка јого—така въ убраньи, шой куды!—закрычала сердыто: „ты гляды своихъ людей, що частуешь ¹⁾, и не оглядайся до старцивъ; бо якъ ты принадышь сыхъ дидивъ ²⁾, то ѣ не будутъ черезъ ныхъ двери зачынятыя!“³⁾ Дали погодывши, той хозяинъ якъ оглянущись побачывъ, що довго старци стоятъ въ хаты, та нагумонивъ ⁴⁾ добре на свою жинку,—ажъ тоди вона дала тымъ старцамъ по маленькій чароци горилки и по шматочку хлиба, тай выпроводыла ихъ за двери. Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ идучи звиттыля, ⁵⁾ тай каже Богъ: „ну тай бога-тый же цей чоловикъ, що мы булы въ него на высильи, алы-жъ и крѣпко винъ скупый, а јого жинка ище гирше скупыша и дуже велыка злоѣдныця, та и обое воны не вмиють въ счастья шануватысь ⁶⁾ и не хо-тятъ помогаты другимъ биднымъ людямъ“. Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ пи-шли щляхомъ ⁷⁾ и на поли полягали спочы-ваты, ажъ прибигъ до ныхъ вовкъ, тай про-

¹⁾ Угощаешь. (Труды общ. люб. рос. словесн., кн. VII стр. 323).

²⁾ Привадишь этихъ старцевъ.

³⁾ Затворяться.

⁴⁾ Накричалъ.

⁵⁾ Оттуда.

⁶⁾ Держать себя.

⁷⁾ Дорогою.

сыть Бога: „дай мини, Господы, що поїсты; бо я цилые сутки нычого не јивъ и дуже охлявъ ¹⁾ зъ голоду“. Богъ выслухавъ цее, тай говорить: „пида, вовче, въ село; тамъ есть найбиднища вдова-мужычка, що мы въ неи ночувалы; у неи есть одна тильки ряба корова, то визьмы ту корову тай изъјижъ“. А св. Мыколай начавъ просыть Бога: „Господы милостивый! нащо-жъ обиждаты бидную вдову, нехай вовкъ не бере въ неи послидней коровы, бо вона буде гирько плакать и мучытьця; а лучше нехай вовкъ возьме яку-ныбудь скотыну у того богатыря ²⁾, дѣ мы булы на высылы, бо винъ богатый чоловикъ та ще й дуже скупый“. А Богъ каже: „не можно такъ! нехай возьме корову у самой теи бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бидуе ³⁾, бо вона на симъ свити талану не мае“. Отъ вовкъ побигъ до неи, а вони полягали спаты. Св. Мыколай и ставъ жаловаты бидной вдовы, тай начавъ винъ придумуваты, якъ-бы ухытрытьця и помогты для неи, а дали надумавъ и подывывся, що Богъ уже спыть (а Богъ все знае, та навмысне буцимъ ⁴⁾ спыть), отъ св. Мыколай

¹⁾ Ослабѣлъ. (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 16).

²⁾ Богача. Словарь малорос. Чужбинскаго, стр. 3).

³⁾ Бѣдствуетъ.

⁴⁾ Притворился будто.

взявъ та мерщій ¹⁾ побигъ на впереимы ²⁾ вовка другою стороною, щобъ вмазаты вдовину корову болотомъ ³⁾, щобъ та корова була чорна, а не ряба, щобъ не зъјивъ јѣм вовкъ. И якъ прибигъ туды св. Мыколай, отъ скорійше болотомъ и обмазавъ ту корову, такъ що вона зробылась чорна, тай заразъ вернувся назадъ до Бога. А Богъ сноро вставъ буцимъ ничего не знае, и каже до св. Петра и Мыколая: „а що вставайте уже, та ходымъ“. И тильки що хотилы вони идты дальше, ажъ зновъ прибигъ до нихъ той самый вовкъ и каже: „ныма, Господы, у теи бидной вдовы рябой коровы, а тильки есть у неи одна чорна“. Отъ Богъ все уже знае, тай каже: „ну такъ изъјижъ ту чорну корову“. А св. Мыколай бачить, що ничего не вдіе ⁴⁾, тай замовчавъ. Отъ вовкъ побигъ до чорной коровы, а Богъ зъ Петромъ и Мыколаемъ начали идты шляхомъ. Отъ идуть вони та идуть, ажъ катытьця противъ нихъ бочка, а св. Мыколай пытае: „що це таке, Господы, катытьця и куды?“ Господь одвицае: „це катытьця бочка съ сребромъ и златомъ до того богатыря, що мы булы у него на высылы, бо такій јого талант и така јого

¹⁾ Скорѣе.

²⁾ Чтобы обогнать, опередить волка.

³⁾ Т. е. грязью.

⁴⁾ Не сдѣлаетъ

доля; алы все јого счастья буде на симъ свити!“ А св. Мыколай давай просить, каже: „Господы мылостывый, удины-жъ съ цей бочки або зъ макитерку ¹⁾ для теи бидной вдовы, дѣ мы ночувалы; въ ней-жъ вовкъ и послѣднюю корову зѣживъ“. А Богъ одвичае: „ни, того не можно! бо цей таланъ данъ одному тильки тому богатырови“. Отъ св. Мыколай вже замовчавъ, и началы идты дальше; ишли та ишли, ажъ св. Мыколай захотивъ дуже пыты воды тай каже: „ахъ, якъ мыни хочетця пыты!“ А Богъ говорить јому: „колысь я прохोдевъ чрезъ оцей яръ, що недалеко видъ насъ выдно, тамъ я бачывъ крыныцю ²⁾. Иды туда, тай напьешся воды“. Колы пишовъ св. Мыколай туда въ яръ, ажъ тамъ коло крыныци побачывъ такого богацько темнаго та сираго страшнаго гаду, такого сердытаго, що ажъ кышыть; отъ винъ злякався ³⁾ дуже тай насылу звиттыля утикъ ⁴⁾. А Богъ пытае: „чого ты, Мыколаю, такъ ныначе злякався, ажъ поблиднѣвъ съ переполоху ⁵⁾, и мабудь ⁶⁾ не пывъ воды?“ А

¹⁾ Макитра—глиняный сосудъ, горшокъ.

²⁾ Колодець, родникъ.

³⁾ Испугался. (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр. 167).

⁴⁾ Убѣжалъ.

⁵⁾ Съ испугу. (Труды Общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 310).

⁶⁾ Можетъ быть.

св. Мыколай одвичае: „не могъ я напытьця, та ще й якъ побачывъ, що тамъ есть такого богацько страшнаго гаду, то насылу я звиттыля утикъ“. Отъ Богъ выслунавъ цее тай сказавъ: „ну, ходымъ же дали!“ И прошлы воны дальше зъ пятыро гинъ ¹⁾, або бильше, тай Богъ зновъ каже до св. Мыколая: „иды у цей другой яркъ, тамъ повная буде крыныця; то вже тамъ напьешся воды“. Отъ св. Мыколай пишовъ туда: колы надходять въ той яръ, якъ тамъ побачывъ такій ще гиршый гадъ, та такого-жъ јого превелькая сыла и дуже богацько, та ще й далеко злищій, якъ попереду бачывъ, такъ що ныначе горыть трава. И св. Мыколай завсимъ перелякався та побиливъ, и насылу вельку звиттыля утикъ, такъ ныначе на јому волосья и одежа загорилася! И прійшовъ до Бога тай съ переляху ²⁾ насылу разсказавъ, що не можно тамъ напыты воды, бо ще й гиршей тамъ есть гадъ и далеко злищій отъ першого гаду, що винъ бачывъ попереду. А Богъ каже: „ну колы такъ, то ходымъ же дальше“. Отъ воны пошлы дальше и довго ишли, ажъ побачылы вдали третій яркъ ныначе съ садкомъ; тай Богъ каже: „ну иды-жъ, Мыколаю, въ той

¹⁾ Виѣсто: *гоней* (*гонн*)—мѣра разстоянія; смотри Малоросск. словарь Чужбинскаго, стр. 76).

²⁾ Съ испугу; *лякъ*—испугъ (см. Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13).

ярокъ, дѣ бачышъ—садокъ выдно, а вже тамъ певне ¹⁾ напьесся воды“. Колы св. Мыколай пишовъ туда, ажъ тамъ такая прихорошая крыныця зъ пригожою водою, а надъ тею крыныцею и скризъ тамъ такіи разніи, прихорошіи, пахнючіи цвиткы та ягоды, яблуки, хвыги, мындалы, розынкы ²⁾ и всякая овощъ, а птыци такъ хороше спивають та щебечуть разными голосами, и таке все тамъ занимательне, що й сказаты и пропысаты не можно. Отъ св. Мыколай не знавъ, що й робыты, чы воду пыты, чы любоватыся та прыглядуватися; напыетця трохи пахнючой воды, тай оставыть пыты, та все разглядае. И винъ трычи такъ потрохы пывъ тую воду, та все разглядувавъ, и не шувся ³⁾—що винъ не въ примиту пробувъ тамъ цилыхъ тры роки ⁴⁾, якъ ныначе одну мынуту тамъ бувъ. Ажъ прыходыть туды Господь Богъ тай каже йому: „що це ты, Мыколаю, такъ довго тутъ сыдышъ, що прошло тому тры роки, якъ ты пишовъ сюды пыть воды?“ И каже Богъ: „а я тебе не дождався тай покынувъ, и далеко уже я выходывъ съ пивъ-свита, покы зновъ до тебе вернувся“. Отъ св. Мыколай выслушавши

¹⁾ Навѣрно, непремѣнно.

²⁾ Изюмъ (Труды Общ. любит. рос. словесности, кн. VII, стр. 313).

³⁾ Почувствовалъ.

⁴⁾ Года.

пее, тай одвичае: „Господы мылостывый! шо це таке значыть, шо коло переднишыхъ двохъ крыныць, куды я попереду ходывъ пыть воды, есть тамъ богацько страшнаго гаду, шо й прыступыть страшно; а тутынька въ третимъ яру такъ дуже прихорошая крыныця зъ водою и все тутынька росте дуже гарная пахнючая всякая всячина, шо й не можно налюбоватыся и наслухатыця птычаго щебетаня, шо й любуйся, прислухайся тай ще того хочитця?—А Богъ одвичае йому: „оце-же знай, шо переднишый яръ, дѣ ты бачывъ богацько злого страшнаго гаду, то тее мисто называитця пекломъ и воно определяно для того богатыря, шо мы булы у него на высылы, а другій яръ, дѣ есть еще гиршій пристрашенный гадъ, то также приготовано пекло для жинки того-же богача, бо јого жинка ище гирша видъ свого чоловика ¹⁾; а якъ вони не вмилы въ счастія жыты, добре шановатыся, и не хотилы помогаты биднымъ людемъ, то за тее по смерти будутъ вично мучытьця въ тыхъ пеклахъ. А оце третій яръ, дѣ ты, Мыколаю, пывъ воду, тай довго такъ тутъ забарывся ²⁾ черезъ тее, шо тутынька дуже хороше, называецця рай, определяный для теи бидной вдовы, шо мы въ неи ночувалы, бо вона на симъ

¹⁾ Мужа.

²⁾ Замѣшкался (Слов. малоросс. Чужбинскаго, стр. 7.)

свити цилый викъ гирько бидовала, терпила та плакала, но була добрая жинка и честная,—то за тее по смерти буде маты въ симъ раю вичное прибогатое счастье. Отъ бачъ, якъ то робытця; будь добрый чоловиче, не вповай на земнее счастье, та любы бидныхъ и старайся, небоже,—то, якъ кажутъ, Богъ въ симъ и будущимъ вику поможе!”

(Записана въ Васильковскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля).

МТ. 785

4. Исцѣленіе.

Вотъ видишь ли, скажу тваей милости, былъ адинъ священникъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходъ ли у него былъ больна ¹⁾ малый, али какъ тебѣ сказать, правду молвить: што иное, только, слышъ, все малился Богу, кабы въ достаткѣ-та быть пасправнѣе. Вотъ онъ все малился, ды малился, день и ночь малился, и Николу миласливава прасилъ все, кабы справица. Анъ нѣтъ—лихъ! не даетъ Богъ ему счастья. Вотъ онъ пашолъ изъ дому, куды глаза глядятъ: шолъ-шолъ, все шолъ, и увидалъ онъ; возля дороги сидятъ двоя съ сумками, какъ и онъ пѣшіе—ну, знашъ, присѣли атдахнуть. Адинъ-атъ малодинькай съ бароткай, а другой-ятъ сѣдинькай старичокъ. Адинъ-атъ, знашъ, былъ самъ Христось, а другой-ятъ Никола миласливай. Вотъ онъ абрадовался, патшолъ къ нимъ и гаварить: „ну, братны! вы, какъ и я-же, пѣшкомъ идете; кто вы дискать таковы?“ Ани ему сказали: „мы

¹⁾ Очень.

ворожецы, знахари, и варажить умѣемъ и лѣчимъ“.—Ну, слышъ, нельзя ли вамъ взять и меня съ сабою. „Пайдемъ, гаварять ему, только матрай¹⁾ все поравну дѣлать“.—Знама дѣла, што поравну. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всѣ троѣ вмѣсти. Шли они, шли, устали и зашли начавать въ избушку. Попъ-атъ все у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашъ, была у него съѣснова. А у Христа съ Николай миласливымъ была адна лишъ прасвирачка, и ту палажили ани на полачку у абразовъ да другога дни. На утро попъ всталъ; захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украт(д)кай ту прасвирачку и съѣлъ. Христось-атъ схватился прасвирачки, анѣлихъ нѣтъ ее! „Хто, слышъ, маю прасвирачку съѣлъ?“ гаварить папу. Онъ заперся, сказалъ: „знать не знаю, я не ѣлъ“. Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли апятъ; шли ани, шли, и пришли въ адинъ горатъ. Вотъ малодинькай съ бароткай знахаръ, знашъ—Христось-атъ и гаварить: „въ эвтамъ гараду у багатава де барина есть бальная дочь; ниhto не смохъ ее излѣчить, айда-ка²⁾ мы къ нему“. Пришли ани къ таму барину, стали стучатца у него падъ акномъ: „пусти-ка насъ; мы, слышъ, вы-

¹⁾ Смотри.

²⁾ Пойдемте. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 2).

лѣчимъ тваю дочь“, Вотъ пустили ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ лѣчить сваю дочь; ани взяли ее и павели въ баню, Привели въ баню, и Христось-атъ всее ее разрѣзалъ на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части ее, взялъ и перемышъ всее на всее въ трехъ вадахъ. Перемышъ въ трехъ вадахъ и слажилъ ее всее вмѣсти па прежняму, какъ была. Слажилъ вмѣсти, и спрыснулъ разъ—ана сраслась; спрыснулъ въ другой—она пашевелилась; спрыснулъ въ третей—ана встала. Привели ее къ атцу; ана, знашъ, и гаварить: „я ва всемъ здорова па прежняму“. Вотъ баринъ тотъ ихъ вдоваль сыто на сыто всѣмъ накармилъ и напайлъ. Попъ ѣлъ, ѣлъ, насили съ мѣста всталъ, а тѣ, знашъ, Христось-атъ ды Никола миласливый, немношка закусили, и сыты. Вотъ паша баринъ-атъ аткрылъ имъ сундукъ съ деньгами: „ну, слышъ, берите, сколько душѣ вашей угодна“. Вотъ Христось взялъ горсточку, ды Никола миласливый другую; а попъ началъ савать вездѣ себѣ, и въ карманы, и за пазуху, и въ суму, и въ сапаги—ильно¹⁾ вездѣ была полна.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та пашли ани апятъ въ дарогу; шли, шли, и пришли къ рѣчкѣ. Христось съ Николай миласливымъ разомъ

¹⁾ Такъ что (ibidem, стр. 74).

перешли легоханька, а попъ-ать съ деньгами шоль-шоль па вадъ-та и началъ была тануть. Съ другога-та берегу Христось съ Николай миласливымъ кричатъ ему: „брось, брось деньги! брось, слышь, деньги! а то уто-нишь“.—Нѣтъ, гаварить; хотъ утану, а ихъ не брошу. „Брось, брось деньги! а то захлеб-нешся, помрешь.“—Нѣтъ, умру—не брошу! гаварить попъ, и кае-какъ перебрелъ онъ съ деньгами-та черезъ рѣчку. И сѣли всѣ троя на бережокъ. Христось-ать и гаварить папу: „давай деньги-та дѣлить“. А попъ не даетъ: „эвта маи деньги! Вы што не брали себѣ больше? я чуть была не утанулъ съ ними, а вы гаварили: брось ихъ“—А уговоръ-ать, ска-залъ Христось, вить лутча денихъ. Вотъ попъ сталъ выкладывать сваи деньги въ кучу, и Христось съ Николай миласливымъ слажили сваи туды-жа. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та сталъ Христось дѣлить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Попъ-ать гаварить: „насъ де троя; каму кладешь ты ищо четвер-тую долю?—Четвертая доля таму, гаварить Христось, хто маю прасвирачку сѣлъ. „Я, слышь, ее сѣлъ!“ патхватилъ попъ. Вотъ Христось-ать съ Николай миласливымъ ус-мѣхнулись. „Ну, кали ты маю прасвирачку сѣлъ, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки де-нихъ. Да вотъ и маю вазьми себѣ-же“, гаварить Христось. „И маю, слышь, кучку возъ-

ми себѣ“, гаварить Никола миласливай.—Ну, таперь у тебя многа денехъ! ступай дамой, а мы пойдемъ адни.

Попъ-ать взялъ всѣ деньги и пашоль адинъ. Пашоль, знашъ, и думаетъ: чѣмъ дискать мнѣ дамой идти, лутча пойду я адинъ лѣчить; я таперь сѣумѣю—видѣлъ, какъ лѣчуть. Вотъ онъ шоль-шоль, пришоль въ горать и про-ситца къ аднаму багатаму купцу: узналъ знашъ, што у нево есть дочь бальная, и ни-кто ее не мохъ излѣчить. Проситца къ бага-таму купцу: „пустите меня, я вашу бальную дочь вылѣчу“. Пустили ево. Онъ, знашъ, увѣрилъ ихъ, што вылѣчитъ. Ну харашо, такъ таму дѣлу и быть: вылѣчить, такъ вы-лѣчить! Вотъ выпросилъ онъ бальной ношъ вострай, и павелъ бальную въ баню, и на-чалъ ее рѣзать на части: знашъ, видѣлъ — какъ Христось-ать рѣзалъ. Только нука кри-чать эвта бальная; кричала, кричала, што ни есть мочи! „Не кричи, слышь, не кричи: бу-дишь здорова!“ Вотъ изрѣзалъ ее замертво на части, и началъ ее перемывать въ трехъ вадахъ. Перемылъ и началъ складывать апять, какъ была па прежняму; анъ-лихъ не скла-дывается ана па прежняму. Вотъ онъ мучил-ся, мучился надъ нею, кае-какъ слажилъ. Слажилъ и спрыснулъ разъ — анъ, слышь, ана не срастаетца; спрыснулъ въ другой — нѣтъ толку; спрыснулъ въ третій—все, знашъ,

безъ толку. „Ну, бѣда мая! прапаль я таперь! угажу на виселицу, либа матрѣй въ Сибирь на катаргу!“ Началь плакать и малитца Богу и Николѣ миласливому, штопъ паслали ему апять тѣхъ знахарей. И видить въ акошка, што идутъ къ нему въ баню тѣ знахари: малодинькай съ бароткай и сѣдинькай старичокъ. Вотъ какъ абрадовался имъ! Бухъ имъ въ ноги: „батюшки маи! будьте атцы радные! взялся я лѣчить па вашему, да не выходитъ...“ А эвти знахари апять, знашъ, были Христось и Никола миласливый. Взашли, усмѣхнулись и гаварятъ: „ты больна скоро выучился лѣчить-та!“ Вотъ Христось-атъ взялъ мертваю все па частямъ перемыль, ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, па прежняму, какъ была, и спрыснулъ разъ—ана сраслась, спрыснулъ въ другой — ана пашевелилась, спрыснулъ въ третій—она встала. Вотъ попъ-атъ перекрестился: „ну, слава тебѣ, Господи! ушъ вотъ какъ рать — сказать нельзя!—Вазьми, сказалъ Христось, и атведи ее таперь къ отцу: ды матрѣй, больше не лѣчи!—крѣпко-накрѣпко нааазалъ ему: а не то прападешъ! Вотъ знахари-тѣ: Христось и Никола миласливый пашли са двара, а попъ-атъ привелъ ее къ атцу: „я ее, слышъ, излѣчилъ“. Дочь сказала атцу, што ана таперь здарова па прежняму. Купецъ нука ево паить, кармить, угаваривать, штопъ астался

онъ у нево-та. „Нѣтъ, не астанусь!“ Вотъ купецъ ему денихъ далъ вдоваль, лошадь съ павоскай, и попъ ушъ пряма паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станеть.

(Записана въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.)

184 785
6 п.

5. Попъ-завидушіе глаза.

Въ приходѣ святого Николы жилъ одинъ попъ. У этого попа глаза были самые поповскіе. Служилъ онъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола-ни двора, ни хлѣба-ни приюта. Собралъ нашъ попъ всѣ ключи церковные, увидѣлъ икону Николы, съ горя ударилъ его по плѣши ключами и пошелъ изъ своего прихода, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ пался ¹⁾ ему на стрѣту ²⁾ незнакомый человѣкъ. „Здравствуй добрый человѣкъ! сказалъ онъ попу. Куда идешь и откуда? Возьми меня къ себѣ въ товарищи“. Вотъ и пошли они вмѣстѣхъ. Шли, шли они нѣсколько верстъ, приустиали; пора отдохнуть. У попа было въ рясѣ немного сухариковъ, а у принятаго товарища двѣ просвирки. Попъ говоритъ ему: „давай съѣдимъ прежде твои просвирки, а тамъ примемся и за сухари“.— Ладно, говоритъ ему незнамый, съѣдимъ просвирки мои, а твои сухари оставимъ на-

¹⁾ Попался.

²⁾ На встрѣчу.

послѣ. Вотъ они ѣли-ѣли просвирки; оба наѣлись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. „Семъ-ка, думаетъ онъ, я у него украду ихъ“. Старичекъ послѣ обѣда легъ отдохнуть, а попъ все смѣкаетъ, какъ-бы украсть у него просвирки? Заснулъ старичекъ. Попъ стянулъ у него изъ кармана просвирки; сидитъ да ѣстъ въ тихомолку. Проснулся старичекъ, хватился просвирокъ своихъ — нѣту ихъ! „Гдѣ мои просвирки? вскричалъ онъ; кто съѣлъ ихъ? ты попъ?“— Нѣтъ, право не я, сказалъ ему попъ. „Ну ладно“.

Вотъ встряхнулись они, пошли опять путемъ-дорогой. Идутъ, идутъ; вдругъ дорога разсѣкается на двѣ розстани ¹⁾. Вотъ они пошли оба въ одну сторону. Дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вылечитъ его дочь, тому полжитья-полбытья-полцарства, а не вылечитъ—голова съ плечъ, на тычинку повѣсять. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *налифуются*, дохтурами называются. Выходили изъ царскаго дворца слуги и спрашивали ихъ: „что вы за люди? изъ какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ? что вамъ надоть?“—Мы, говорятъ

¹⁾ Розстанъ—мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ; перекрестокъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 192).

они, дохтуры; можемъ царевну вылечить. „Ну, коли дохтуръ, заходите въ палату“. Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попросили у царя особой избы, обреза воды, вострой сабли, большого стола. Царь все это далъ имъ. Заперлись они въ особую избу, клали царевну на большой столъ, разсѣкали ее вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрѣзъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штуку; какъ старичекъ дунетъ, такъ штука съ штукой и склеиваются. Склалъ онъ всѣ штуки какъ надоть, въ послѣдній разъ дунулъ — царевна встрепенулась и встала жива и здорова. Приходитъ самъ царь къ избѣ ихной и говоритъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа!“ — Амины! отвѣчаютъ ему. „Вылечили-ль царевну?“ спрашиваетъ царь. — Вылечили, говорятъ дохтуры; вотъ она! Царевна вышла къ царю жива и здорова. Царь говоритъ дохтурамъ: „что хотите вы отъ добра? злата ли, серебра ли? берите“. Вотъ они начали брать злато и серебро; старичекъ беретъ пясточкой ¹⁾, а попъ горсточкой и все кладетъ въ сумку свою; покладетъ, покладетъ, да поприздымаетъ ²⁾: заберетъ ли его могутъ ³⁾. По-

¹⁾ Щепоткой, тремя пальцами (Опытъ обл. великор. словаря. стр. 185).

²⁾ Да приподниметъ (ibidem стр. 177).

³⁾ Возметъ ли его сила (ibidem стр. 114).

томъ они распростились съ царемъ и пошли. Старичекъ говоритъ попу: „эти мы деньги въ землю складемы, а сами опять лечить пойдемъ“. Вотъ они шли, шли: дошли опять до другого царства. Въ этомъ царствѣ у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявилъ, что кто вылечитъ его дочь, тому полжитыя-полбытыя-полцарства, а не вылечить — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируются*, дохтурами называются... (Повторяется слово въ слово тотъ же рассказъ объ излѣченіи царевны).

Приходятъ они опять въ третье царство, въ которомъ тоже царевна при смерти, и царь обѣщалъ тому, кто ее вылечитъ, полжитыя-полбытыя-полцарства, а не вылечить — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Завиднаго попа мучить лукавый: какъ-бы не сказать старичку, а вылечить одному, серебро и злато захватить одному бы? Противъ царскихъ воротъ ходить попъ, *палируется*, дохтуромъ называется. Такимъ-же образомъ проситъ у царя особой избы, обреза воды, большого стола, вострой сабли. Заперся онъ въ особую избу, клалъ царевну на столъ, рубилъ вострой саблей, и какъ царевна ни кричала, какъ ни визжала, попъ, не глядя ни на крикъ ни на визгъ, знай рубить да рубить, словно говядину. Разрубилъ онъ ее на мелкія части,

скидалъ въ обрѣзъ, мыль, полоскаль, склалъ штука къ штукѣ, такъ же какъ дѣлалъ старичекъ; глядитъ, какъ будутъ склеиваться всѣ штуки. Какъ дунетъ — такъ нѣтъ ничего! опять дунетъ — хуже того! Вотъ попъ ну опять складывать штуки въ воду; мыль-мыль, полоскаль-полоскаль, и опять приложилъ штука къ штукѣ; дунетъ — все нѣтъ ничего! „Ахти *мнѣццныки*! думаетъ попъ, бѣда!“ Поутру приходитъ царь и видитъ: никакихъ нѣтъ успѣховъ у дохтура; все тѣло смѣшалъ съ дрянью. Царь велѣлъ дохтура въ петлю. Взмолился нашъ попъ: „царь, вольной человѣкъ! оставь меня на мало время: я сбѣгаю за старичкомъ, онъ вылечитъ царевну“. Побѣгъ попъ старичка искать; нашелъ старичка, и говоритъ: „старичекъ! виноватъ я окаянный; попуталъ меня бѣсъ: хотѣлъ я одинъ вылечить у царя дочь, да не могъ; хотѣлъ меня вѣшать. Помоги мнѣ!“ Пошелъ старичекъ съ попомъ. Повели попу въ петлю. Старичекъ говоритъ попу: „попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?“ — „Право, не я, ей Богу, не я! Ввели его на другую ступеньку. Старичекъ говоритъ попу: попъ, „а кто съѣлъ мои просвирки?“ — „Право, не я, ей Богу, не я! Ввели на третью, опять: не я! Сейчас голову въ петлю, и все: не я! Ну, нечего дѣлать! Старичекъ говоритъ царю: „царь, вольной человѣкъ! позволь мнѣ царевну вы-

лечить; а если не вылечу, вели вѣшать другую петлю: мнѣ петля и попу петля!“ Вотъ старичекъ склалъ куски тѣла царевнина штука къ штукѣ, дунулъ — и царевна встала жива и здра. Царь наградилъ ихъ обоихъ серебромъ и златомъ. „Пойдемъ же, попъ, деньги дѣлить“, сказалъ старикъ. Пошли. Склали всѣ деньги на три кучки. Попъ глядитъ: „какъ-же! насъ двое, кому-же третья-то часть?“ — „А это тому, сказалъ старичекъ, кто съѣлъ у меня просвирки. Я съѣлъ, старичекъ! вскричалъ попъ; право я, ей Богу я!“ Ну, на тебѣ и деньги, да возьми и мои. Служи вѣрно въ своемъ приходѣ, не жадничай, да не бей ключами Николу по плещи, — сказалъ старичекъ и вдругъ сталъ невидимъ ¹⁾. (Записана въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, г. Н. Борисовымъ).

¹⁾ *Вариантъ*: „Ну впередъ-же не бей ключами Николу-угодника; вотъ какъ прошибъ ты мнѣ голову!“

6. Превращеніе.

Жиу адзинъ багаты чалавѣкъ, други бѣдны; багаты—банкетъ ¹⁾, а бѣдны ницъ (ничего) не мѣу. Приходзиць да багатаго дзѣдъ и просицца на начъ, дый каже: „гаспадарокъ (хозяинъ), мой галубокъ! ци пусьциу бы ты мене на начъ?“ Іонъ ницъ не дау яму да й гордо отказау: „у мене, каже, никали не начавали ни убогіе, ни бѣдны, ни падарожны; дакъ и ты не будзешъ начаваць. Идзи тую хату, што небамъ пакрыта; тамъ заусіоды начуюць бѣдны, убогіе и падарожны, то и ты тамъ будзешъ начаваць. Цебе тамъ пусьцяць!“ Старикъ каже: „гаспадарокъ, мой галубокъ! пакажы, гдѣ тая хата, што небамъ пакрыта?“ Гаспадаръ вышоу паказываць: „да вонъ дзѣ тая хата небамъ пакрыта, гдѣ начуюць бѣдны, убогіе и падарожны; тамъ и тебе пусьцяць“. Дакъ дзѣдъ пагладзиу (погладилъ) гаспадара па галавѣ, и той гаспадаръ стау каниомъ.

Просицца дзѣдъ у бѣднаго на начъ и каже: „гаспадарокъ, мой галубокъ! пусьци мене на начъ“.—Можно, дзѣдку! у мене начуюць убогіе, бѣдны и падарожны. „Кали, гаспада-

¹⁾ Пиръ (т.-е. задасть).

рокъ, я з' каниомъ“. Дакъ іонъ каже: „дзѣдку! у мене поставиць нима гдѣ, и сѣна нима, чаго даць яму ѣсць“. Дзѣдъ каже: „я-бъ на дварѣ паставиу, кастрыцы ¹⁾ падкинуу, дакъ и будзе ѣсць!“ Дакъ бѣдны павіоу каня и паставиу на дварѣ, а дзѣдъ пашоу самъ у хату. На-заутра, якъ дзѣдъ адхадзиу, каже: „дарую я табѣ гэтаго каня на твае сиратство“ ²⁾. Гаспадаръ зачау яму дзякаваць ³⁾, и каже да жонки: „жонко! возьміомъ и вывазимъ хату“. И вывазили хату ⁴⁾.

Апяць прышоу дзѣдъ на начъ, дакъ той гаспадаръ не пусьциу. „Я той самы стары, а ты мене не пазнау!“ И узяу изноу погладзиу таго каня па галавѣ, и стау іонъ чоловѣкомъ; а бѣдны безъ каня зноу зробиуся бѣднымъ. (Записана въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ).

¹⁾ Труха, остающаяся послѣ льна и конопля. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 91).

²⁾ На бѣдность, сиротство.

³⁾ Благодарить (Этнограф. сборн., выпускъ 2-й, стр. 116).

⁴⁾ Т.-е. навезили лѣсу на новую избу.—Объясняя эту легенду, г. Дмитріевъ говоритъ: „На другой годъ странникъ (дѣдъ, въ видѣ котораго являлся самъ Господь) во второй разъ приходитъ къ бѣдняку, гладитъ подареннаго имъ коня, и онъ снова обращается въ богача, который послѣ этого превращенія заказываетъ навсегда и себѣ и дѣтямъ своимъ гордиться и велитъ всегда помогать бѣднымъ“.

7. Пиво и хлѣбъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатой крестьянинъ; много у него было и денегъ и хлѣба. И давалъ онъ по всей деревнѣ бѣднымъ мужичкамъ, взаймы: деньги давалъ изъ процентовъ, а коли дастъ хлѣба, то весь сполна возврати на лѣто, да сверхъ того за каждый четверикъ два дня ему проработай на полѣ. Вотъ разъ случилось: подходитъ храмовой праздникъ, и стали мужички варить къ празднику пиво; только въ этой самой деревнѣ былъ одинъ мужикъ, да такой бѣдной, что скуднѣй его во всемъ околodкѣ не было. Сидитъ онъ вечеромъ, наканунѣ праздника, въ своей избенкѣ съ женою и думаетъ: „что дѣлать? люди добрые станутъ гулять, веселиться; а у насъ въ домѣ нѣтъ ни куска хлѣба! Пошелъ бы къ богачу попросить въ долгъ, да вѣдь не повѣритъ; да и что съ меня, горемычнаго, взять послѣ?“ Подумаль-подумаль, приподнялся съ лавки, сталъ передъ образомъ и вздохнулъ тяжелехонько. „Господи! говорить, прости меня грѣшнаго; и масла-то купить не на что, чтобъ лампадку

передъ иконою затеплить къ празднику!“ Вотъ немного погодя приходитъ къ нему въ избушку старецъ: „здравствуй, хозяинъ!“—Здорово, старичекъ! „Нельзя-ль у тебя переночевать?“—Для чего нельзя! ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нѣтъ ни куска въ домѣ, и покормить тебя нечѣмъ. „Ничего, хозяинъ! у меня есть съ собой три кусочка хлѣбушка, а ты дай ковшикъ водицы: вотъ я хлѣбцемъ-то закушу, а водицей прихлебну—тѣмъ сытъ и буду.“ Сѣлъ старикъ на лавку и говоритъ: „что, хозяинъ, такъ приунылъ? о чемъ запечалился?“—Эхъ, старина! отвѣчаетъ хозяинъ, какъ не тужить мнѣ? вотъ далъ Богъ—дождались мы праздника, люди добрые станутъ радоваться да веселиться, а у насъ съ женою хотъ шаромъ покати,—кругомъ пусто! „Ну, что-жъ! говоритъ старикъ, пойдѣ къ богатому мужику, да попроси у него въ долгъ что надо.“—Нѣтъ, не пойду: все равно не дастъ! „Ступай, пристаеъ старикъ, иди смѣло и проси у него четверикъ солоду; мы съ тобой пива наваримъ“.—Э, старичекъ! теперича поздно; когда тутъ пиво варить? вить праздникъ-то завтра. „Ужь я тебѣ сказываю: ступай къ богатому мужику и проси четверикъ солоду; онъ тебѣ сразу дастъ! небось, не откажетъ! А завтра къ обѣду такое пиво у насъ будетъ, какого во всей деревнѣ никогда не бывало!“ Нечего

дѣлать, собрался бѣднякъ, взялъ мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ богатому. Приходить къ нему въ избу, кланяется, величается по имени и отчеству и проситъ въ заемъ четверикъ солоду: хочу де къ празднику пива сварить. „Что-жъ ты прежде-та думалъ! говоритъ ему богатой. Когда теперича варить? вить до праздника всего-на-всего одна ночь осталась“.—Ничего, родимой! отвѣчаетъ бѣдной; коли милость твоя будетъ, мы какъ-нибудь сваримъ себѣ съ женою, будемъ вдвоемъ пить да величать праздникъ. Богатой набралъ ему четверикъ солоду и насыпалъ въ мѣшокъ; бѣдной поднялъ мѣшокъ на плечи и понесъ домой. Воротился и рассказалъ, какъ и что было. „Ну, хозяинъ! молвилъ старикъ, будетъ и у тебя праздникъ. А что есть ли на твоёмъ дворѣ колодезь?“—Есть, говоритъ мужикъ. „Ну, вотъ мы въ твоёмъ колодезѣ и наваримъ пива; бери мѣшокъ да ступай за мною“. Вышли они на дворъ и прямо къ колодезю. „Высыпай-ка сюда!“ говоритъ старикъ.—Какъ можно такое добро въ колодезь сыпать! отвѣчаетъ хозяинъ; только одинъ четверикъ и есть, да и тотъ задаромъ должонъ пропасть! Хорошаго ничего мы не сдѣлаемъ, только воду смутимъ. «Слушай меня, все хорошо будетъ!» Что дѣлать, вывалилъ хозяинъ въ колодезь весь свой солодъ. „Ну, сказалъ старецъ, была

вода въ колодезѣ, сдѣлайся за ночь пивомъ!.. Теперь, хозяинъ, пойдемъ въ избу да ляжемъ спать,—утро мудренѣе вечера; а завтра къ обѣду поспѣетъ такое пиво, что съ одного стакана пьянъ будешь“. Вотъ дождались утра; подходитъ время къ обѣду, старикъ и говоритъ: „ну, хозяинъ! теперича доставай ты побольше ушатовъ, станови кругомъ колодезя и наливай пивомъ полнехоньки, да и зови всѣхъ, кого ни завидишь, пить пиво похмельное“. Бросился мужикъ по сосѣдямъ. „На что тебѣ ушаты понадобились?“ спрашиваютъ его.—Очень, говоритъ, нужно; не во что пива сливать. Вздивовались сосѣди: что такое значить! не съ ума ли онъ спятилъ? куска хлѣба нѣтъ въ домѣ, а еще о пивѣ хлопочеть!—Вотъ хорошо, набралъ мужикъ ушатовъ двадцать, поставилъ кругомъ колодезя и сталъ наливать—и такое сдѣлалось пиво, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Налилъ всѣ ушаты полнымъ-полнехоньки, а въ колодезѣ словно ничего не убыло. И сталъ онъ кричать, гостей на дворъ зазывать: „эй, православные! пожалуйста ко мнѣ пить пиво похмельное; вотъ пиво—такъ пиво!“ Смотритъ народъ, что за диво такое? вишь налилъ изъ колодезя воды, а зоветъ на пиво; да(й)-ка зайдемъ посмотримъ, на каку это хитрость онъ поднялся? Вотъ повалили мужики къ ушатамъ,

стали черпать ковшикомъ, пиво пробовать; оченно показалось имъ это пиво: „отродясь де такого не пивали!“ И нашло народу полонъ дворъ. А хозяинъ не жалѣетъ, знай себѣ черпаетъ изъ колодезя да всѣхъ сплосъ и угощаетъ. Услыхалъ про то богатой мужикъ, пришелъ къ бѣдному на дворъ, попробовалъ пива, и зачалъ просить бѣднаго: „научи де меня, какой хитростью сотворилъ ты эдакое пиво?“ — Да тутъ нѣтъ никакой хитрости, отвѣчалъ бѣдной; дѣло самое простое, — какъ принесъ я отъ тебя четверикъ солоду, такъ прямо и высыпалъ его въ колодезь: была де вода, сдѣлайся за ночь пивомъ! „Ну, хорошо же! думаетъ богатой, только ворочусь домой, такъ и сдѣлаю“. Вотъ приходитъ онъ домой и приказываетъ своимъ работникамъ таскать изъ анбара самой что ни есть лучшей солоды и сыпать въ колодезь. Какъ взялись работники таскать изъ анбара, и вперли въ колодезь кулей десять солоду. „Ну, думаетъ богатой, пиво-то у меня будетъ получше, чѣмъ у бѣднаго!“ Вотъ на другое утро вышелъ богатой на дворъ и поскорѣй къ колодезю. почерпнулъ и смотреть; какъ была вода — такъ и есть вода! только мутнѣе стала. „Что такое! должно быть, мало солоду положили; надо прибавить“, думаетъ богатой и велѣлъ своимъ работникамъ еще кулей пять ввалить въ колодезь. Высыпали они и вдругой разъ;

не тутъ-то было, нечего не помогаетъ! весь солодъ задаръ пропалъ. Да какъ прошелъ праздникъ, и у бѣднаго осталась въ колодезѣ только сущая вода; пива все равно какъ не бывало.

Опять приходитъ старецъ къ бѣдному мужику и спрашиваетъ: „послушай, хозяинъ! сѣялъ ли ты хлѣбъ-ать нынѣшнимъ годомъ?“ — Нѣтъ, дѣдушка, ни зерна не сѣялъ! „Ну ступай же теперича опять къ богатому мужику и проси у него по четверику всякаго хлѣба; мы съ тобой поѣдемъ на поле да и посѣемъ“. — Какъ теперича сѣять? отвѣчаетъ бѣдной; вѣдь на дворѣ зима трескучая! „Не твоя забота! дѣлай, что приказываю. Наварилъ тебѣ пива, насѣю и хлѣба!“ Собрался бѣдной, пошелъ опять къ богатому и выпросилъ у него въ долгъ по четверику всякаго зерна. Воротился и говоритъ старику: „все готово, дѣдушка!“ Вотъ вышли они на поле, разыскали по примѣтамъ мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по бѣлому снѣгу. Все разбросали. „Теперича, сказалъ старикъ бѣдному, ступай домой и дожидай лѣта: будешь и ты съ хлѣбомъ!“ Только пришелъ бѣдной мужикъ въ свою деревню, какъ провѣдали про него всѣ крестьяне, что онъ середь зимы хлѣбъ сѣялъ; смѣются на него — да и только: „эка онъ, сердечной, хватился когда сѣять! осенью небось не догадался!“ Ну, хорошо;

дождалися весны, снѣгалась теплынь, снѣга растаяли, и пошли зеленые всходы. „Да(й)-ка, вздумалъ бѣдной, пойду—посмотрю, что на моей землѣ дѣлается“. Приходить на свою полосу, смотритъ, а тамъ такіе всходы, что душа не нарадуется! на чужихъ десятинахъ и вполовину не такъ хороши. „Слава Тебѣ, Господи! говоритъ мужикъ, теперича и я поправляюсь“. Вотъ пришло время жатвы; начали добрые люди убирать съ поля хлѣбъ. Собрался и бѣдной, хлопочетъ съ своею женою, и никакъ не сможетъ управиться; принужденъ созывать къ себѣ на жнитво рабочій народъ и отдавать свой хлѣбъ изъ половины. Дивуются всѣ мужики бѣдному: земли онъ не пахаль, сѣялъ середь зимы, а хлѣбъ у него выросъ такой славной. Управился бѣдной мужикъ и зажилъ себѣ безъ нужды; коли что надо по хозяйству—поѣдетъ онъ въ городъ, продастъ хлѣба четверть, другую, и купить что знаетъ; а долгъ свой богатому мужику сполна заплатилъ. Вотъ богатой и думаетъ: „да(й)-ка и я зимой посѣю; авось и на моей полосѣ уродится такой-же славной хлѣбъ“. Дождался того самаго дня, въ который сѣялъ бѣдной мужикъ прошлымъ годомъ, навалилъ въ сани нѣсколько четвертей разнаго хлѣба, выѣхалъ въ поле и давай сѣять по снѣгу. Засѣялъ все поле; только поднялась къ ночи погода, подули сильные вѣтры

и свѣяли съ его земли все зерно на чужія полосы. Вотъ и весна-красна; пошелъ богатой на поле и видитъ: пусто и голо на его землѣ, ни одного всхода не видать, а возлѣ, на чужихъ полосахъ, гдѣ ни пахано, ни сѣяно, поднялись такіе зелены, что любо-дорого! И раздумался богатой: „Господи! много издержалъ я на сѣмена—все нѣтъ толку; а вотъ у моихъ должниковъ ни пахано, ни сѣяно—а хлѣбъ самъ собой растетъ! Должно быть, я—великой грѣшникъ!“ (Изъ собранія В. И. Даля).

8. Христовъ братецъ.

Одинъ старикъ, умирая, завѣщалъ своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ яицъ христосоваться съ нищей бритіей, хоть и крѣпко забранилась на него мать,—а была она злая, къ бѣднѣмъ немилостивая. Въ церкви недостало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищій, и позвалъ его парень на домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидала мать нищаго, больно осерчала: „лучше, говоритъ, со псомъ разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!“ — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлись и пошли отдохнуть. И видитъ сынъ: на старикѣ одежонка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горитъ. „Давай, говоритъ старецъ, крестами мѣняться: будь ты мнѣ братъ крестовый!“ — Нѣтъ, братъ! отвѣчаетъ парень, коли я захочу—такъ кушлю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой.

„А дорога, говоритъ,—вонъ ступай по той дорожкѣ; скажи только: благослови, Господи!—такъ и дойдешь до меня“.

Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: „благослови, Господи!“ и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного—и слышитъ дѣтскіе голоса: „Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу—долго ли намъ мучиться?“ Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвицы изъ колодца въ колодезь воду переливаютъ. „Христовъ братецъ, говорятъ онѣ ему, скажи объ насъ Христу—долго ли намъ мучиться?“ Идетъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подъ тѣмъ тыномъ виднѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: „Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу—долго ли намъ мучится?“ Идетъ все дальше и дальше—и вотъ усмотрѣлъ того самого старца, съ которымъ вмѣстѣ онъ разговлялся. Старецъ у него спрашиваетъ: „не видалъ ли чего по дорогѣ?“ Парень разсказалъ ему все, какъ было. „Ну, узналъ ли ты меня?“ говоритъ старецъ,—и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. „За что-жъ, Господи, младенцы мучатся?“—Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройти нельзя! „А дѣвицы?“—Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! „А старики?“ — Какъ жили

они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ все равно—хоть тынъ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подъ тыномъ. Потомъ повелѣ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужику и выйти оттудова не хотѣлось!) А послѣ повелѣ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онъ и сталъ просить Христа: „помилуй ее, Господи!“ Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужъ Господь такъ далъ! Приноситъ ко Христу. „Ну, говоритъ онъ, ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою мать—вытащи ее изъ ада“. Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей. Веревка не горитъ—такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужъ за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: „ахъ ты, борзой кобель, ковсѣмъ было удавилъ!“—веревка оборвалась, и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. „Не хотѣла она, сказалъ Христосъ, и тутъ воздержать своего сердца: пусть-же сидитъ въ аду вѣки вѣчны!“ (Доставлена отъ П. В. Кирѣвскаго).

*Песнь подобна днѣ сраженія
онъ снѣга.*

9. Егорій храбрый.

Какъ во городѣ, во Ерусалимѣ,
При царѣ было, при Ѳеодорѣ,
При царицѣ было, при Софѣѣ,
Породила она Ѳеодору три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Выходитъ изъ той земли, изъ жидовскія,
Жидовскія, босурманскія,
Царица Мартемьянища.
Полонилъ онъ у Ѳеодора три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Злодѣй-царица Мартемьянища
Святому Егорию глаголетъ:
„Охъ ты гой еси, Егорій Храбрый
свѣтъ!

Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу со діаволомъ.“
Святой Егорій глаголетъ:
„Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!“
Злодѣй-царица Мартемьянища

На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На стятое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егоръ топоры рубить.
 Не добре Егорія топоры берутъ,
 У топоровъ лезвѣя посломалися
 Отъ святаго тѣла Егорьева.
 Злодѣй-царища Мартемьянища
 Святому Егорію глаголуеъ:
 „Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый
 свѣтъ!

Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ“.
 Святой Егорій глаголуеъ:
 „Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А я вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!“
 Злодѣй-царища Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во смолѣ варить.
 Не добре Егорія смола беретъ,
 И поверхъ смолы Егорій плаваетъ,
 Самъ стихи поетъ херувимскіе,
 Онъ гласы гласить все евангельскіе.
 Злодѣй-царища Мартемьянища

На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во пилы пилить.
 Не добре Егорія пилы берутъ,
 У пилъ зубья поломалися
 Отъ святаго тѣла отъ Егорьева.
 Злодѣй-царища Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію сапоги ковать желѣз-
 ные,
 Становить на плиты на чугуныя, на
 каленныя.

Не добре Егорія сапоги берутъ,
 Въ сапогахъ стоитъ—
 Самъ стихи поетъ херувимскіе,
 А гласы гласить все евангельскіе.
 Злодѣй-царища Мартемьянища
 Святому Егорію глаголуеъ:
 „Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый
 свѣтъ!

Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ“.
 Святой Егорій глаголуеъ:
 „Я не вѣрую сатанѣ-врагу со діаволомъ,
 А я вѣрую самому Христу,

Самому Христу, царю небесному!¹⁾
 Злодѣй-царища Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію погреба копать,
 Погреба копать ему глубокѣ—
 Длины погребѣ сорокъ сажень,
 Ширины погребѣ тридцать сажень,¹⁾
 Глубины погребѣ двадцать сажень;
 Садилъ Егорія во глубокий погребѣ,
 А самъ собака приговариваетъ:
 „Не бывать Егорію на святой Руси,
 Не видать Егорію солнца краснаго,
 Не слыхать Егорію будетъ звону коло-
 кольнаго,
 Не слыхать Егорію будетъ четъ, пѣтъ¹⁾
 церковнаго!“
 Защитилъ онъ щитомъ дубовымъ,
 Задвигалъ онъ досками чугунными,
 Засыпалъ онъ песками рудожолтыми.
 Какъ по Божіему повелѣнію, по Егорь-
 еву умоленію
 Подымалися вѣтры буйные со святой
 Руси,
 Со святой Руси—погода и со вихоремъ;
 Разносили пески рудожолтые,
 Раздвигали доски чугунные,

¹⁾ Чтенія и пѣнья.

Разметали щиты всѣ дубовые.
 Выходить Егорій на святую Русь.
 Идетъ во свой во Ерусалимъ-градъ.
 Ерусалимъ-градъ—онъ пусть стоитъ;
 Однѣ церкви!... и стоитъ одна
 Церковь Божія соборная, богомольная:
 Во той во церкви его матушка,
 Святая Софѣя премудрая,
 На святые иконы Богу молится:
 Молитва ея къ Богу доносится.
 Увидѣла она Егорія Харабраго,
 Называла милымъ чадомъ,
 А сама говоритъ таково слово:
 „Охъ ты гой еси, Егорій Харабрий
 свѣтъ!“

Ты бери себѣ коня сиваго
 Со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ,
 Поѣзжай ты во чисто поле“.
 Святой Егорій поѣзжаячи,
 Святую вѣру утверждаячи,
 Еще Егорій наѣзжаячи
 На тѣ лѣса на дремучіе, —
 Древо съ древомъ совивалось,
 Къ сырой земли(ѣ) приклонялось.
 Не добре Егорію лѣзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 „Охъ вы гой еси, лѣса темные,
 Лѣса темные и дремучіе!
 Разойдитесь лѣса по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,

Д. 2. 1006

Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному.
Разошлись лѣса по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ горы на высѣкія, на толкучія, —
Гора съ горою сойдется, не разойдется.
Не добре Егорію лѣзя проѣхати,
Святой Егорій глаголетъ:
„Охъ вы гой еси, горы толкучія!
Разойдитесь горы по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
Ужъ вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному.“
Разошлись горы по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На то стадо на звѣриное, на змѣиное;
Не добре Егорію лѣзя проѣхати,
Святой Егорій глаголетъ:
„Охъ вы гой еси, звѣри свирѣпые!
Разойдитесь звѣри по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному.“

Разошлись звѣри по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На то стадо на змѣиное,
На змѣиное, на звѣриное, —
Пасутъ то стадо три пастыря,
Три милыя сѣстры.
Не добре Егорію лѣзя проѣхати;
Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
Слѣзаетъ онъ со бѣла осла (коня?),
Беретъ онъ свое (с) кипетро вострое ¹⁾,
И побилъ онъ все стадо змѣиное.
Все змѣиное, все звѣриное;
А самъ говоритъ таково слово:
„Охъ вы гой еси, три пастыря,
Три милыя сѣстры!
Вы подите во свой во Ерусалимъ-градъ
И купайтесь во Іорданѣ-рѣкѣ;
Набрались всѣ вы духа нечистаго,
Духа нечистаго, босурманскаго.“
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ ворота кесарійскія, іерусалимскія, —
На воротахъ сидитъ Острафилъ-птица,

¹⁾ За этимъ стихомъ въ подлинномъ спискѣ слѣдуютъ еще два:

Строгалъ онъ во стружачи, во мелкіе,
Обратилися стружачи—калены стрѣлы.

Во когтяхъ держитъ осетра-рыбу.
Не добре Егорію лъзя проѣхати.
Святой Егорій глаголетъ:
„Охъ ты гой еси, матушка Острафилъ-
птица!

Ты не вѣруй сатанѣ-врагу.
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А ты вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному.
Полети-жъ ты, птица, на сини моря,
Пей и ѣшь повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное,
И дѣтей води на синѣмъ морѣ.“
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На того злодѣя-цѣрища Мартемьянища;
Увидѣлъ онъ собака Егорія Харабраго,
Закричалъ онъ собака по звѣриному,
Засвисталъ онъ собака по змѣиному.
Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
Слѣзаетъ онъ со бѣла осла,
Беретъ онъ свою палицу желѣзную,
Поразилъ онъ тутѣ цѣрища Мартемь-
янища.

Потопила Егорія кровь жидовская,
Кровь жидовская, босурманская;
По колѣна во кровѣ (и) стоитъ —
Святой Егорій глаголетъ:
„Охъ ты гой еси, матушка сыра земля!

Прими въ себя кровь жидовскую!
Кровь жидовскую, босурманскую.“
Раступилася матушка сыра земля
На двѣ стороны, на четыре четверти,
Пожрала въ себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую.
Живучи Егорій мучился на вольномъ
свѣтѣ,

Отъ грѣховъ своихъ очистился.

Богу нашему слава нынѣ и присно и во
вѣки вѣковъ. Аминь.

(Изъ собранія В. И. Даля; записана въ Со-
рокинской пристани, Екатеринбургскаго уѣзда,
Пермской губерніи.)

10. Илья-пророкъ и Никола.

Давно было; жилъ-былъ мужикъ. Николинъ день завсегда почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ-нѣтъ, да и работѣ станеть; Николѣ-угоднику и молебень отслужить, и свѣчку поставитъ, а про Илью-пророка и думать забылъ.

Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николой полемъ этого самого мужика; идутъ они да смотрять—на нивѣ зелена стоятъ такія славныя, что душа ни нарадуется. „Вотъ будетъ урожай, такъ урожай! говоритъ Никола. Да и мужикъ-то, право, хорошій, доброй, набожной; Бога помнитъ и святыхъ знаетъ! Къ рукамъ добро достанется...“ — А вотъ посмотримъ, отвѣчалъ Илья; еще много ли достанется! какъ спалю я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ твой правду знать, да Ильинъ день почитать.— Пospорили-пospорили и разошлись въ разныя стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: „продай, говоритъ, поскорѣе ильинскому батькѣ весь свой хлѣбъ на корню; не то ничего не останется, все градомъ повебьетъ“. Бросился мужикъ къ попу: „не ку-

пишь ли, батюшка, хлѣба на корню? все поле продамъ: такая нужда въ деньгахъ прилучилась, что вынь да положи! Купи, отецъ! за дешево отдамъ“. Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужикъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ ливнемъ и градомъ разразилась надъ нивою мужика, весь хлѣбъ какъ ножомъ сръзала—не оставила ни единой былинки. На другой день идетъ мимо Илья-пророкъ съ Николою; и говоритъ Илья: „посмотри, каково разорилъ я мужиково поле!“—Мужиково? Нѣтъ, братъ! разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково. „Какъ попа?“—Да такъ; мужикъ—съ недѣлю будетъ—какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всѣ сполна получилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ! „Постой-же, скажь Илья-пророкъ; я опять поправлю ниву, будетъ она вдвое лучше прежняго.“ Поговорили и пошли всякой своей дорогою. Никола-угодникъ опять къ мужику: „ступай, говоритъ, къ попу, выкупай поле—въ убыткѣ не будешь“. Пошелъ мужикъ къ попу, кланяется и говоритъ: „вижу, батюшка, послалъ Господь Богъ несчастіе на тебя—все поле градомъ выбито, хоть шаръ покати! Такъ ужь и быть, давай пополамъ грѣхъ: я беру назадъ

свое поле, а тебѣ на бѣдность вотъ половина твоихъ денегъ.“ Попъ обрадовался, и тотчасъ они по рукамъ ударили.

Межъ тѣмъ — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; отъ старыхъ корней пошли новые свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то и дѣло носятся надъ нивою и поятъ землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да частой: сорной травы совсѣмъ не видать; а колосья налились полной-полной, такъ и гнѣтся къ землѣ. Пригрѣло солнышко, и созрѣла рожь — словно золотая стоитъ въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклалъ копенъ; ужъ собрался возить, да въ скирды складывать. На ту пору идетъ опять мимо Ильи-пророка съ Николюю. Весело оглянуль онъ все поле и говоритъ: „посмотри, Никола, какая благодать! Вотъ такъ наградила и попа, по вѣкъ свой не забудеть...“ — Попа?! Нѣтъ, братъ! благодать то велика, да вѣдь поле это — мужиково; попъ тутъ ни при чемъ останется. „Что ты!“ — Правое слово! Какъ выбило градомъ всю ниву, мужикъ пошелъ къ ильинскому батькѣ и выкупилъ ее назадъ за половинную цѣну. „Постой-же! сказалъ Илья-пророкъ; я отниму у хлѣба всю спорынью: сколько бы ни наклалъ мужикъ сноповъ, больше четверика за-разъ не вымолотить.“ — Плохо дѣло! думаетъ Никола-угодникъ; сейчасъ отправился къ мужику: „смотри,

говорить, какъ станешь хлѣбъ молотить, больше одного снопа за-разъ не клади на токъ“.

Сталъ мужикъ молотить: что ни снопы, то и четверикъ зерна. Всѣ закрома, всѣ клѣти набилъ рожью, а все еще остается много; поставилъ онъ новые анбары и насыпалъ полнѣхоньки. Вотъ идетъ какъ-то Илья-пророкъ съ Николюю мимо его двора, посмотрѣлъ туда-сюда и говоритъ: „ишь какіе анбары вывели! что-то насыпать въ нихъ станеть?“ — Они ужъ полнѣхоньки, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. „Да откуда-же взялъ мужикъ столько хлѣба?“ — Эва! у него всякой снопы даль по четверику зерна; какъ зачалъ молотить, онъ все по одному снопу клалъ на токъ. „Э, братъ Никола! догадался Илья-пророкъ; это все ты мужику пересказываешь.“ — Ну, вотъ выдумалъ; стану я пересказывать... „Какъ тамъ хочешь, а ужъ это твое дѣло! Ну, будетъ-же меня мужикъ помнить!“ — Чтожъ ты ему сдѣлаешь? „А что сдѣлаю, того тебѣ не скажу.“ — Вотъ когда бѣда, такъ бѣда приходитъ! думаетъ Никола-угодникъ, и опять къ мужику: купи, говоритъ, двѣ свѣчи, большую да малую, и сдѣлай то-то и то-то.

Вотъ на другой день идутъ вмѣстѣ Илья-пророкъ и Никола-угодникъ въ видѣ странниковъ, и попадается имъ навстрѣчу мужикъ: несетъ двѣ восковыя свѣчи — одну большую рублевую, а другую копѣечную. „Куда, му-

жичекъ, путь держишь?" спрашиваетъ его Никола-угодникъ. „Да вотъ иду свѣчку рублевую поставить Ильѣ-пророку; ужъ такой былъ милостивой ко мнѣ! Градомъ поле выбило, такъ онъ батюшка постарался, да вдвое лучше прежняго далъ урожай".— А копѣчная-то свѣча на что? „Ну, эта Николѣ!" сказалъ мужикъ и пошелъ дальше. „Вотъ ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь самъ видишь, какая это правда!"

На томъ дѣло и покончилось; смиловался Илья-пророкъ, пересталъ мужику бѣдою грозить; а мужикъ зажилъ припѣваячи, и сталъ съ той поры одинаково почитать и Ильинъ день и Николинъ день.—(Записана со словъ крестьянина Ярославской губерніи).

11. Касьянъ и Никола.

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогъ. Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью—такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Мужикъ не узналъ его и давай просить: „помоги, родимой, возъ вытащить!" — Поди ты! сказалъ ему Касьянъ-угодникъ, есть мнѣ когда съ вами валяндаться! Да и пошелъ своею дорогою. Немного спустя идетъ тутъ же Никола-угодникъ. „Батюшка, завопилъ опять мужикъ, батюшка! помоги мнѣ возъ вытащить." Никола-угодникъ и помогъ ему.

Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай. „Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?" спросилъ Богъ.—Я былъ на землѣ, отвѣчалъ тотъ; прилучилось мнѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ; онъ просилъ меня: помоги, говоритъ, возъ вытащить; да я не сталъ марать райскаго платья. „Ну, а ты гдѣ такъ выпачкался?" спросилъ Богъ у Николы угодника.—Я былъ на землѣ; шелъ по той-же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ, отвѣчалъ Никола-

угодникъ. „Слушай, Касьянъ! сказалъ тогда Богъ; не помогу ты мужику—за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ! за то, что помогу мужику возъ вытащить — будутъ служить молебны два раза въ годъ“. Съ тѣхъ поръ такъ и сдѣлалось: Касьяну въ високосный только годъ служить молебны, а Николѣ два раза въ годъ. (Записана въ Орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

Варюхи

12. Золотое стремя. * 847

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ цыганъ, была у него жена и семеро дѣтей ¹⁾, и дожилъ онъ до того, что ни ѣсть, ни пить нечего — нѣтъ ни куска хлѣба! Работать-то онъ лѣнится, а воровать боится; что дѣлать? Вотъ вышелъ цыганъ на дорогу и стоитъ въ раздумьи. На ту пору ѣдетъ Егорій Храбрый ²⁾. „Здорово! говоритъ цыганъ; куды ѣдешь?“ — Къ Богу. „Зачѣмъ?“ — За приказомъ: чѣмъ кому жить, чѣмъ промыслять. „Доложи и про меня Господу, говоритъ цыганъ; чѣмъ велить мнѣ питаться?“ — Хорошо, доложу! отвѣчалъ Егорій и поѣхалъ своей дорогой. Вотъ цыганъ ждалъ его, ждалъ, и только завидѣлъ, что Егорій ѣдетъ назадъ, сейчасъ и спрашиваетъ: чтожъ доложилъ про меня?“ — Нѣтъ, говоритъ Егорій. „Чтожъ такъ?“ — Забылъ! — Вотъ и въ другой разъ вышелъ

¹⁾ *Вариантъ*: Жилъ-былъ бѣдной мужикъ Нестерка, а дѣтей у него шестерка.

²⁾ Въ одномъ спискѣ вмѣсто Егорія выведенъ св. Петръ.

цыганъ на дорогу, и опять повстрѣчалъ Егорія: ѣдетъ онъ къ Богу за приказомъ. Цыганъ и проситъ: „доложи де про меня!“—Хорошо, сказалъ Егорій—и опять позабылъ. Вышелъ цыганъ и въ третій разъ на дорогу, увидалъ Егорія и снова проситъ: скажи де про меня Богу!“—Хорошо, скажу. „Да ты, пожалуйста, забудешь?“—Нѣтъ, не забуду. Только цыганъ не вѣритъ: „дай, говоритъ, мнѣ твое золотое стремянѣ (стрема) я подержу, пока ты назадъ вернешься; а безъ того ты опять позабудешь“. Егорій отвязалъ золотое стремянѣ, отдалъ цыгану, а самъ объ одномъ стремянѣ поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ Богу и сталъ спрашивать: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять? Получилъ приказъ и хотѣлъ было назадъ ѣхать; только сталъ на лошади садиться, глянулъ на стремянѣ и вспомнилъ про цыгана. Воротился къ Богу и говоритъ: „попался мнѣ еще на дорогѣ цыганъ и наказалъ, спросить: чѣмъ ему питаться?“—А цыгану, говоритъ Господь, то и промыселъ, коли у кого что возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить! Сѣлъ Егорій на коня и приѣхалъ къ цыгану: „ну, правду ты, цыганъ, сказывалъ! колибъ не взялъ ты стремянѣ, совсѣмъ бы забылъ про тебя“.—То-то и есть! сказалъ цыганъ; теперь по вѣкъ меня не забудешь, какъ только глянешь на стремянѣ—сейчасъ меня помянешь. Ну, что Гос-

подъ-то сказалъ? „А то и сказалъ: коли у кого что возьмешь—утаишь да забожишь, твое и будетъ!“—Спасибо, молвилъ цыганъ, поклонился и повернулъ домой. „Куда-жъ ты? сказалъ Егорій; отдай мое золотое стремянѣ“.—Какое стремянѣ? „Да ты же у меня взялъ?“—Когда я у тебя бралъ? я тебя впервой вижу, и никакого стремянѣ не бралъ, ей Богу, не бралъ! забожился цыганъ.

Что дѣлать—бился съ нимъ, бился Егорій, такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ! „Ну правду сказывалъ цыганъ: коли-бъ не давалъ ему стремянѣ—и не зналъ бы его, а теперь по вѣкъ помнить буду!“

Цыганъ взялъ золотое стремянѣ и пошелъ продавать. Идетъ дорогою, а на встрѣчу ему ѣдетъ баринъ. „Что, цыганъ, продаешь стремянѣ?“—Продаю. „Что возьмешь?“—Полторы тысячи рублей. „Зачѣмъ такъ дорого?“—Затѣмъ, что оно золотое. „Ну, ладно!“ сказалъ баринъ; хватился въ карманъ—нѣтъ больше тысячи. „Вотъ тебѣ, цыганъ, тысяча—отдавай стремени; а остальные деньги напоследкахъ получишь“.—Нѣтъ, баринъ; тысячуто рублей, пожалуйста, я возьму, а стремянѣ не отдамъ; какъ дошлешь, что слѣдуетъ по уговору, тогда и товаръ получишь. Баринъ отдалъ ему тысячу и поѣхалъ домой. И только приѣхалъ—сейчасъ-же вынулъ пятьсотъ рублей и послалъ къ цыгану съ своимъ чело-

вѣкомъ: „отдай, говоритъ, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремяно“. Вотъ приходитъ барской человѣкъ въ избу къ цыгану. „Здорово, цыганъ!“—Здорово, доброй человѣкъ! „Я привезъ тебѣ деньги отъ барина.“—Ну давай, коли привезъ. Взялъ цыганъ пятьсотъ рублей и давай понтъ его виномъ; напоилъ до-сыта! Какъ напоилъ до-сыта, сталъ барской человѣкъ собираться домой и говоритъ цыгану: „давай же золотое стремяно“.—Какое? „Да то, что барину продалъ!“—Когда продалъ? у меня никакого стремени не было. „Ну, подавай назадъ деньги!“—Какія деньги? „Да я сейчасъ отдалъ тебѣ пятьсотъ рублей.“—Никакихъ денегъ я не видалъ, ей Богу, не видалъ! еще самого тебя Христа ради поилъ, не то что брать съ тебя деньги!—Такъ и отперся цыганъ. Только услышалъ про то баринъ, сейчасъ поскакалъ къ цыгану: „чтожъ ты, воръ эдакой, деньги забралъ, а золотого стремени не отдаешь?“—Да какое стремяно? ну, ты самъ, баринъ, разсуди, какъ можно, чтобъ у эдакаго мужика-сѣряка да было золотое стремяно!—Вотъ баринъ съ нимъ возился-возился, ничего не беретъ. „Поѣдемъ, говоритъ, судиться.“—Пожалуй, отвѣчаетъ цыганъ, только подумай, какъ мнѣ съ тобой ѣхать то? ты какъ есть баринъ, а я мужикъ-вахлакъ! Наряди-ка напередъ меня въ хорошую одежду, да и поѣдемъ вмѣстѣ.

Баринъ нарядилъ его въ свою одежду, и поѣхали они въ городъ судиться. Вотъ пріѣхали въ судъ; баринъ говоритъ: «купилъ я у этого цыгана золотое стремяно; онъ деньги-то забралъ, а стремяна не отдаетъ». А цыганъ говоритъ: «господа судьи! сами подумайте, откуда-то возьмется у мужика-сѣряка золотое стремяно? у меня дома и хлѣба-то нѣту! Не вѣдаю, чего этому барину надо отъ меня? Онъ, пожалуй, скажетъ, что на мнѣ и одежда-то его!»—Да таки моя! закричалъ баринъ. «Вотъ видите, господа судьи!» Тѣмъ дѣло и кончено; поѣхалъ баринъ домой ни съ чѣмъ, а цыганъ сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать ¹⁾.—(Изъ собранія В. И. Даля.)

¹⁾ *Вариантъ:* Только что уѣхалъ Егорій, мужикъ Нестерка продалъ золотое стремяно да купилъ себѣ хлѣба и всякаго харчу, и съ той поры завсегда у кого что ни возьметъ—а ужъ непременно затаить и забожить.

13. Пятница.

Када-та адна баба ни пачла ¹⁾ матушку Пятницу и учла (начала) прядиво мыкать да вертѣть. Прапряла она да абѣда, и вдругъ сонъ на нее нашолъ—такой магучай сонъ! Уснула ана, вдругъ атварилась дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница въ-очью всѣмъ, въ бѣломъ шушунѣ ²⁾, да сердитая такая! и шмых(г)ъ пряма къ бабѣ, ще прятала-та. Набрала въ горсть кастрики съ пола, какая атлятала-та атъ мочекъ ³⁾, и ну пасыпать ей глаза, и ну пасыпать! пасыпала да и была такава: паминай какъ звали! Ничаго и ня молвила, сярдешная. Та баба какъ праснулась, такъ и взвыла благимъ матамъ атъ глазъ, и ни вѣдая, атъ чаго ани забалѣли. Другія (бабы) сидя(тъ) въ ужасѣ и учили вапить: „ухъ ты, акаянная! заслужила казнъ лютую атъ матушки Пятницы“—и сказали ей все, ще было. Та баба слушала-слушала и ну пра-

¹⁾ Не почтила.

²⁾ Женская одежда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 269).

³⁾ Мочка—прядь льна или поскони (ibidem, стр. 117).

сить: „матушка Пятница! взмилуйся мнѣ, памилуй меня грѣшную; поставлю те(тебѣ) свѣчку, и другу-недругу закажу абижать те(тебя), матушка!“ И ще-жъ ты думаешь? Ночью, вишь, апять прихадила ана и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и ана апять встала. Грѣхъ великай абижать матушку Пятницу—прядиво мыкать да прясть!—(Записана въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губернии сельскимъ учителемъ Елисѣемъ Сабуровымъ.)

14. О Ноѣ праведномъ.

Заставилъ Господь слипова ды бизрукыва караулить садъ. Бизрукый яблыка ни дастанить, слипой ни найдить. Паспѣли яблыки, пашли духи сладкіи. „Малый, какъ-жа намъ яблычка пакушить?“—Садись вирхомъ на мене, а я пыдвизу къ яблынки. Слипой нарвалъ пазуху яблыкъ. Бизрукый узрилъ Бога, драгнулъ ать яблынки бѣжать. Слипой ать плечъ (онъ за плечи диржалси—вирхомъ на бизрукымъ) атарвалси, ударилси абъ земь, ды-й абмеръ. Господь приходитъ: „бизрукый, идѣ слипой?“—Омырыкъ яво ашибъ. Господь приходитъ къ слипоу: „слипой, съ чаво-жъ ты абмеръ? абманываишь ты мене, слипой! ни омырыкъ тебе ушибъ, ты съ пличей убилси съ бизрукыва!“—Абмануль я тебе, Госпыди! прости мене. Прастилъ слипова, ды-й пашолъ.

Сыбрались караульщики, на варатахъ стоятъ. Идетъ дьявиль: „здрастуйти, ребята! што-жъ вы яблыкъ ни јдита?“—Какъ-жа намъ ихъ ѣсть? у мене рукъ нѣту, у ниво глазъ. Я ни дастану!—А я ни найду! „Плохи-жъ вы, ребята, кады въ саду яблыкъ ни јдита.“ —

Мы ни ухитримся, какъ ихъ ѣсть! „Эка, какъ? бизрукый пади ударьси абъ яблыню, а слипой падбери!“ Яблынки были насажины другъ ать друга на сажню. Бизрукый какъ ударилси абъ яблыню—увесь тотъ садъ астресь. Слипой легъ на пуза, прикаталъ усю траву—все яблыки искалъ. Ну, Господь приходитъ: „караульщики, хто-жъ у васъ садъ абтресь?“ — Вѣтирь поднялси, увесь садъ абтресь! „Ать чаво-жа яблыни пазавяли?“ — Ать яснава со(л)нца! „Ать чаво-жа нижніи бака папрѣли?“—Ать сильныва дожжа! „А хто-жа у васъ въ саду траву примялъ?“ Слипой гаварить: „у мене животъ балѣлъ, все каталси!—Врешь ты, слипой! все абманываишь мене! Сабралъ Господь караульщикавъ, узялъ огниинны прутьи, выбилъ ихъ огниинными прутьими: „выдитя, праклятии калѣки, вонъ изъ маиво саду, пабирайтиси по міру атиыни да вѣку!“

Господь сказалъ: „дай-жа я сдѣлаю Ноя Правидныва, штобъ у маемъ у свѣти была правда“. Приставилъ сабаку голую караулить Ноя Правидныва: „смотри-жъ ты, сабака, никаво ни пуцай сматрѣть маиво Ноя Правидныва!“ Приходитъ дьявиль къ сабаки: „пусти мене, сабака, Ноя Правидныва пысматрѣть!“—Мнѣ Господь ни вилѣлъ никаво пуцать. „Хотя ты ни пуцаишь мене Ноя Правидныва пысматрѣть, а я тибѣ дамъ шубу и на руки и на ныги: придетъ зима, придуть марозы—

ни надыть тибѣ избы.“ Далъ дьявыль сабаки шубу; сабака пустила дьявыла пысметрѣть Ноя Правидныва. Дьявыль ахаркылъ, апливалъ Ноя Правидныва; сталъ Ной синій, зиле-ный, дурной... странно на Ноя глидѣть стало! „Штожъ ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? штожъ я тибѣ гаварилъ!“—А штожъ ты мене безъ шубы приставилъ? „Штобъ ты цирковныва звону ни слыхала, у Божій храмъ ни хадила!“ Взялъ Гасподь, апасли той сабаки, Ноя вывырызаль (sic): аплевыныя, ахоркыныя въ сиредку... Изъ Ноевыва рибра сдѣлалъ Гасподь жину Евгу. „Ну, Ной съ Евгаю Правидный! усѣ плады ѣштя; аднаво плада ни трогайтя, вотъ съ той-та яблынки“. Евга гаварить: „Ной Правидный! ать чаво-жъ эта такъ Богъ гаварить: усѣ плады ѣштя, а съ аднаво ни трогайтя? Давай пакушаймъ!“ Съѣли па яблычку, па разу укусили... другъ друга зыстыдились: Евга пыдъ лапухъ, а Ной пыдъ другой, другъ ать друга схаранились. Приходить Гасподь: „Ной Правидный! игдѣ ты?“—Я вотынъ! „Иди ка мнѣ!“—Я нагъ! Ной гаварить: Госпыди! сатвари намъ адежу. Вышли ани къ нему; выбилъ ихъ Гасподь огниными прутьими, выгналъ изъ саду вонъ!

Выслывши изъ саду Ноя Правидныва, умилиси Гасподь. „Ной Правидный, гаварить, у насъ будить чиризъ три года патопа; штобы ты въ три года кавшегъ выстраилъ. Ной

Правидный! кавшегъ строй, да жинѣ ни ска-зывай, што строишь!“ Пашоль Ной Правид-ный у рошу строить кавшегъ; строить годъ, строить два. Дьявыль приходитъ: „Ной Пра-видный, што дѣлаишь?“—Развѣ ты слипой? ты видишь, што я дѣлаю! „Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!“—И ни вѣяна тибѣ знать! Дьявыль ударилси изъ роши къ Ноивый жинѣ, къ Евги: „Евга, успраси ты у мужа, што онъ дѣлаить?“ А Ной Правидный жинѣ атказываить: „я такъ па роши хажу, на дровья сматрю, самъ сибѣ забавляю!“—Енъ ни па роши гуляить, енъ што-й-та рубить!“—Я ни знаю. „Сдѣлай-жа ты квасу, наклади хмелю!“—Усхвалилъ самъ сибѣ Ной: „слава тибѣ, Госпыди! састроилъ сибѣ судно за палгода патопы“. Приходить, сталъ кушать: „Евга, нѣтъ ли чаво пакушамши напитца?“ Напилси квасу, легъ атдыхать. „Ной Правид-ный! два года ходишь, да мнѣ правды ни ска-жишь, што-й-та такая ты рабатаишь?“—Экая ты! Вотъ асталась палгода да первыва мая; у май-мѣсицы, у первымъ числѣ, будить па-топа!—Атдахнумши, приходитъ Ной къ кав-шегу: увесь кавшегъ дьявыль разметалъ. „Экая!... пригрязилъ я дли(я) тибѣ!“ Шестъ мѣсицывъ енъ живо сыбиралъ ни пимши, ни ѣмши, и дамой ни хадилъ. Приходить-жа Го-сподь: „Ной Правидный, сабирай-жа всякихъ звирьевъ у кавшегъ па парѣ, и дичи, пла-

довъ всякихъ. Собралъ-жа енъ звѣрьевъ всякихъ, и ушовъ, и пладовъ всякихъ. „Будить, гаварить Господь, патопа: затопить и лѣса, и луга, и балота, и дама! Будить патопа на двинадцать сутыкъ.“ Ной забралъ все.

Дьявыль гаварить: „Евга, какъ-жа мнѣ съ табою у кавшегъ залѣсть?“—Я ни знаю! „Разуй лѣваю ногу, да глянь скрозь ноги на mine; а патыль (до тѣхъ поръ) ты ни лѣзь у кавшегъ, пакыль страшная патопа ни настанить, пакыль вада ни разальетси увиздѣ; енъ на тебе закричитъ: лѣзь ка мнѣ, акаянная, а то утопиши! Какъ енъ тебе акаяннай назаветь — и я съ табой улѣзу. А датыль не лазій.“ Евга лглянула скрозь ноги, Ной закричалъ: „лѣзь-жа ты ка мнѣ! лѣзь-жа скарѣя, акаянная!“ Какъ сказалъ Ной, дьявыль какъ сигнеть (прыгнеть) у кавшегъ и паплыль; скинулся (обратился) мышью—кавшегъ пратачилъ. Ужъ узять эту дыру галавой и заткнуль, игдѣ мышъ пратачила. Плавыли ани адинатцать сутыкъ на вазморью, па этай пы патопи. Паслалъ Ной Правидный ворана: „палити-жа ты, чорнай воранъ, узнай есть вадѣ паниженія, али нѣтъ?“ Воранъ литаль, литаль, напшоль падла и сталъ кливать на остроави. „Идѣ-жъ ты былъ, воранъ?“—Я, говарить, аташоль да падла кливаль! „Какъ-жа ты ни паслушилъ? мы тебе пасылали пысмагрѣть вады; вѣдь всякая душа да хвалить Госпыда! будь-жа ты,

воранъ, какъ пень гарѣлый; будь-жа у тебе дѣти гадавыи: какъ дитей даждешьси — самъ акалѣй!“ Вѣдь какъ воранъ даждетца дитей, выходитъ, выкормить, — самъ акалѣить; вѣдь ани всѣ калѣють! „Лити-жъ ты, голубь; пысмагри-жъ ты патопы: спадаить ли, прибавляить ли?“ Литаль, литаль, голубь; патопа сбавила на три аршина; и напшоль енъ такая мѣста, сухоя, игдѣ можна кавшегу вылѣсти на край. Приплыли х(к)ъ пристыни.

Приходить Господь: „што вы живы ли усѣ?“—Слава ти, Госпыди! усѣ живы! „Выходитя-жъ вонъ!“ Усѣ вышли; напаслѣдакъ дьявыль сигъ! „Вотъ, Госпыди, хотѣль mine утапить; вѣтъ я вотанъ! я тебе большой врагъ!“—Кали-жъ ты мнѣ большой врагъ, вазьми-жъ ты mine за руку. Вазьметъ дьявыль Госпыда папирехъ руки, да ни поймаить — руку апу-стить. „Дай-жа я тебе вазьму за руку!“ Какъ вазьметъ Господь дьявыла за руку,—„ой, ой, ой! я буду тибѣ хотъ меньшей братъ!“—все, вишь, у братья лѣзить. „Лѣзь-жа ты, меньшей братъ, у моря, дастанъ зимли горсть: давай зимлю засивать.“ Ани прибились х(к)ъ кургану, а кругомъ все моря стояла. Полѣзь дьявыль въ моря, схватилъ зимли горсть, да ни вытащилъ—все размыла! Разъ слѣзь, другой, третій слѣзь... у читвертай полѣзь. „Братъ, гаварить Господь, скажи: Госпыди Исусъ Христосъ!“ Сказалъ дьявыль: Госпыди Исусъ

Христось! нырнулъ въ моря и вытащилъ зимли у горсти съ макавыхъ два зирна. „Лѣзь-жа ишо, этай зимли мала!“ — Пастой-жа, гаварить самъсибѣ дьявыль, я запхаю сибѣ за щикъ зимли: што Гасподь будить дѣлать, я сибѣ тожа сдѣлаю. Взялъ Гасподь перехрестилси, кинулъ зимлю на три стораны: сдѣлались па взморью луга, лѣса, рощи... ровна! „Госпыди, а штожъ за маи труды, какой будить угроженія?“ — Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можетъ, тебе будутъ хвалити, мне поминати; я и тѣмъ буду даволинъ.

„Ну, Ной, живи на зимли, радися, пладися!“ — Госпыди, скоро-жъ ать мне ать аднаво бѣлый свѣтъ нарадитца? Господь гаварить: „ты мужика сваляй изъ глины, а господъ изъ пшенишныва изъ тѣста“. Барзой кабель стаялъ сзади, схватилъ пшенишный комъ да бижать: ать Варонижа да нашива сила все аднадворцевъ и. „Госпыди, я насилить народу ать Варонижа ды Куракина на двѣсти на восемьдесятъ верстъ. Госпыди, у чомъ-жа намъ жить будить? народу я распладилъ многа!“ Господь далъ имъ тапоры, срубилъ имъ избы: „живитя, вотъ вамъ избы!“ — Госпыди, на чомъ-жа намъ работать? Далъ Гасподь лошадь. „Да чѣмъ-жа іе абратать?“ Господь свизалъ обрыть ¹⁾,

¹⁾ Мочальная или веревочная узда. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 135)

свизалъ хамуть. Вотъ спирва сыбралось чилавѣкъ сорыкъ народу абгарнуть (окружить — см. Опытъ обл. словаря, стр. 131) лошадь ды загнать въ хамуть, а тамъ обрыть вздернуть; стали впириди, растапырили хамуть да обрыть! Господь паймалъ лошадь, запрегъ: „вотъ вамъ, гаварить, изба, лошадь, упряжь; живитя да мне хвалитя!“ Вотъ мы таперича живемъ да и хвалимъ јиво: „слава тибѣ, Госпыди! што усе паказалъ“. — (Доставлена П. В. Кирѣевскимъ.)

804*

Всѣхъ 2
Сиротъ 2

15. Соломонъ премудрой.

Исусъ Христосъ, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всѣхъ оттуда вывелъ, окромя одного Соломона Премудраго, „Ты, сказалъ ему Христосъ, самъ вы(й)ди своими мудростями!“ И остался Соломонъ одинъ въ аду; какъ ему выйти изъ аду? Думалъ-думалъ да и сталъ вить завертку. Подходить къ нему маленькой чертенокъ, да и спрашиваетъ, на что вьеть онъ веревку безъ конца? „Много будешь знать, отвѣчалъ Соломонъ, будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!“ Свилъ Соломонъ завертку, да и сталъ размѣрять ея въ аду. Чертенокъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ адъ размѣрять? „Вотъ тутъ монастырь поставлю, говорить Соломонъ Премудрой; вотъ тутъ церковь соборную.“ Чертенокъ испугался, бѣгомъ побѣжалъ и рассказалъ все дѣду своему, сатанѣ, а сатана взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Премудраго. (Записана въ Орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

Обманъ 2
Рай 2

16. Солдаты и смерть.

а. Одинъ солдатъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ, а отставки ему нѣтъ — какъ нѣтъ! Сталъ онъ думать да гадагъ: „что такое значить? прослужилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, въ штрафахъ не бывалъ, а въ отставку не пушаютъ; дай пойду, куды глаза глядятъ!“ Думалъ-думалъ и убѣжалъ. Вотъ ходилъ онъ день, и другой, и третій, и повстрѣчался съ Господомъ. Господь его спрашиваетъ: „куда идешь, служба?“ — Господи! прослужилъ я двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, вижу: отставки не даютъ — вотъ я и убѣжалъ; иду теперь, куды глаза глядятъ! „Ну, коли ты прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, такъ ступай въ рай — въ царство небесное.“ Приходитъ солдатъ въ рай, видитъ благодать неизреченную, и думаетъ себѣ: вотъ когда проживу-то! Ну только ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: „не продастъ ли кто табаку?“ — Какой, служба, табакъ! тутъ рай, царство небесное! Солдаты замолчали. Опять

ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ въ другой разъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: „не продаютъ ли гдѣ близко вина?“ — Ахъ ты, служба-служба! какое тутъ вино! здѣсь рай, царство небесное!... „Какой тутъ рай: ни табаку, ни вина!“ — сказалъ солдатъ и ушелъ вонъ изъ раю.

Идетъ себѣ да идетъ, и попался опять на встрѣчу Господу. „Въ какой, говоритъ, рай послалъ ты меня, Господи? ни табаку, ни вина нѣтъ!“ — Ну, ступай по лѣвую руку, отвѣчаетъ Господь; тамъ все есть! Солдатъ повернулся налѣво и пустился въ дорогу. Бѣжитъ нечистая сила: „что угодно, господинъ служба?“ — Погоди спрашивать; дай прежде мѣсто, тогда и разговаривай. Вотъ привели солдата въ пекло ¹⁾. „А что табакъ есть?“ спрашиваетъ онъ у нечистой силы. — Есть, служивой! „А вино есть?“ — И вино есть! „Подавай всего!“ Подали ему нечистые трубку съ табакомъ и полуштофъ перцовки. Солдатъ пьетъ-гуляетъ, трубку покуриваетъ, и радехонекъ сталъ: „вотъ взаправду рай—такъ рай!“ Да недолго нагулялъ солдатъ; стали его черти со всѣхъ сторонъ прижимать, тошно ему пришлось! Что дѣлать? пустился на выдумки, сдѣлалъ сажень, настрогалъ колышковъ и давай мѣрить: отмѣрить сажень и

¹⁾ *Вариантъ:* въ адъ.

вобьетъ колышокъ ¹⁾. Подскочилъ къ нему чортъ: „что ты, служба, дѣлаешь?“ — Развѣ ты ослѣпъ! Не видишь что-ли? хочу монастырь построить ²⁾. Какъ бросится чортъ къ своему дѣдушкѣ: „погляди-тка, дѣдушка, солдатъ хочетъ у насъ монастырь строить!“ Дѣдъ вскочилъ и самъ побѣжалъ къ солдату: „что, говоритъ, ты дѣлаешь?“ — Развѣ не видишь? хочу монастырь строить. Дѣдъ испугался и побѣжалъ прямо къ Богу: „Господи! какого солдата прислалъ ты въ пекло: хочетъ монастырь у насъ построить!“ — А мнѣ что за дѣло! зачѣмъ такихъ къ себѣ при(ни)маете? „Господи! возьми его оттѣдова“ — А какъ его взять-то! самъ пожелалъ. „Ахти! завопилъ дѣдъ, что-же намъ бѣднымъ съ нимъ дѣлать?“ — Ступай, сдери съ чертенка кожу и натяни барабанъ, да послѣ выйди изъ пекла и бей тревогу: онъ самъ уйдетъ! Воротился дѣдъ, поймалъ чертенка, содралъ съ него кожу и натянулъ барабанъ. „Смотрите же, наказываетъ чертямъ, какъ выскочить солдатъ изъ пекла, сейчасъ запирайте ворота крѣпко-накрѣпко, а то какъ-бы опять сюда ни ворвался!“ Вышелъ дѣдъ за ворота и забилъ тревогу; солдатъ какъ услы-

¹⁾ *Вар.* Взявъ шнуръ, вынулъ изъ ранца кусокъ мѣлу, намѣлилъ шнуръ и сталъ размѣрять пекло.

²⁾ *Вар.* Хочу соборъ построить: придетъ табель, некуда и въ парадъ идти!

804

халь барабанный бой—пустился бѣжать изъ аду сломя голову, словно бѣшеной; всѣхъ чертей распугалъ, и выскочилъ за ворота. Только выскочилъ—ворота хлопъ и заперлися крѣпко-накрѣпко. Солдатъ осмотрѣлся кругомъ: никого не видать и тревоги не слышать; пошелъ назадъ и давай стучаться въ пекло: „отворяйте скорѣе! кричить во все горло, не то ворота сломаю!“—Нѣтъ, братъ, не сломаешь! говорятъ черти. Ступай себѣ, куда хочешь, а мы тебя не пустимъ; мы и такъ насилу тебя выжили!

Повѣсилъ солдатъ голову и побрелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ Господа. „Куда идешь, служба?“—И самъ не знаю! „Ну, куда, я тебя дѣну? послалъ въ рай—не хорошо! послалъ въ адъ—и тамъ не ужился!“—Господи, поставь меня у своихъ дверей на часахъ. „Ну, становись“. Сталъ солдатъ на часы. Вотъ пришла Смерть. „Куда идешь?“ спрашиваетъ часовой ¹⁾. Смерть отвѣчаетъ: „иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ“. — Погоди, я пойду спрошу. Пошелъ и спрашиваетъ: „Гос-

¹⁾ *Вариантъ*: Поставилъ Богъ солдата у райскихъ дверей: „смотри, приказываетъ, никого не пропускай!“—Слушаю; стараго солдата нечего учить. Вотъ стоитъ онъ на часахъ, никого не пропускаетъ. Идетъ Смерть. „Кто идетъ?“ окликаетъ солдатъ. — Смерть, „Куда?“ — Къ Богу. „Зачѣмъ?“...

поди! Смерть пришла; кого морить укажешь?“ — Скажи ей, чтобъ три года морила самой старой людъ. Солдатъ думаетъ себѣ: „эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ; вѣдь они старики“. Вышелъ и говоритъ Смерти: „ступай по лѣсамъ и три года точи самые старые дубы“ ¹⁾. Заплакала Смерть: „за что Господь на меня прогнѣвался? посылаетъ дубы точить!“ И побрела по лѣсамъ, три года точила самые старые дубы; а какъ изошло время—воротилась опять къ Богу за повелѣніемъ. „Зачѣмъ притащилась?“ спрашиваетъ солдатъ. — За повелѣніемъ, кого морить Господь прикажетъ. „Погоди, я пойду спрошу“. Опять пошелъ и спрашиваетъ: „Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?“ — Скажи ей, чтобъ три года морила молодой народъ ²⁾. Солдатъ думаетъ себѣ: „эдакъ, пожалуй, она братьевъ моихъ уморитъ!“ Вышелъ и говоритъ Смерти: „ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точи молодые дубы“ ³⁾; такъ Господь приказалъ! — За что это Господь на меня прогнѣвался! Заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года точила все молодые дубы, а какъ изошло время—идетъ къ Богу, едва ноги тащить.

¹⁾ *Вар.* Грызти старой лѣсъ, которой сто лѣтъ на корню простоялъ.

²⁾ *Вар.* Среднихъ людей.

³⁾ *Вар.* Грызти средній лѣсъ.

„Куда?“ спрашиваетъ солдатъ.—Къ Господу за повелѣніемъ, кого морить прикажетъ. „Погоди, я пойду спрошу“. Опять пошелъ и спрашиваетъ: „Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?“—Скажи ей, чтобъ три года младенцевъ морила. Солдатъ думаетъ себѣ: „у моихъ братьевъ есть ребятки: эдакъ, пожалуй, она ихъ уморитъ!“ Вышелъ и говорить Смерти: „ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи самые малые дубки“.—За что Господь меня мучаетъ! заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года глодала самые что ни есть малые дубки; а какъ изошло время—идетъ опять къ Богу, едва ноги передвигаетъ ¹⁾. „Ну теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что такъ девять лѣтъ онъ меня наказуетъ?“ Солдатъ увидалъ Смерть и окликаетъ: „куда идешь?“ Смерть молчитъ, лѣзетъ на крыльцо. Солдатъ ухватилъ ее за шиворотъ, не пускаетъ. И подняли они такой шумъ, что Господь услышалъ и вышелъ: „что такое?“ Смерть упала въ ноги: „Господи! за что на меня прогнѣвался? мучилась я цѣлыхъ девять лѣтъ: все по лѣсамъ таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые ма-

¹⁾ Вар. Идетъ чуть живая: только вѣтеръ подуетъ—такъ отъ вѣтру и валится!

лые дубки... еле ноги таскаю!“—Это все ты! сказалъ Господь солдату. „Виноватъ, Господи!“—Ну, ступай-же за это, носи девять лѣтъ Смерть на закортышкахъ! (на плечахъ.—см. Слов. Росс. Акад.).

Засѣла Смерть на солдата верхомъ. Солдатъ—дѣлать нечего—повезъ ее на себѣ, везъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табаккомъ и сталъ нюхать. Смерть увидала, что солдатъ нюхаетъ, и говоритъ ему: „служивой, дай и мнѣ понюхать табачку“.—Вотъ-те на! полѣзай въ рожокъ да и нюхай, сколько души угодно. „Ну, открой-ка свой рожокъ!“ Солдатъ открылъ, и только Смерть туда влѣзла—онъ въ ту-жъ минуту закрылъ рожокъ и заткнулъ его за голенище ¹⁾. Пришелъ опять на старое мѣсто и сталъ на часы. Увидалъ его Господь и спрашиваетъ: „а Смерть гдѣ?“—Со мною. „Гдѣ съ тобою?“—Вотъ здѣсь за голенищемъ. „А ну, покажи!“—Нѣтъ, Господи, не покажу, пока девять лѣтъ не выйдетъ; шутка ли ее носить на закортышкахъ! вѣдь она не легка! „Покажь, я тебя прощаю!“ Солдатъ вытащилъ рожокъ и только

¹⁾ Вар. Велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Пошелъ солдатъ съ нею въ лѣсъ, и заспорилъ: „ты де не влѣзешь въ пустой орѣхъ!“ Смерть сдуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дырочку (въ орѣхѣ) колышкомъ, спряталъ орѣхъ въ карманъ, и пошелъ на старое мѣсто

открылъ его—Смерть тотчасъ и сѣла ему на плеча. „Слѣзай, коли не съумѣла ѣздить!“ сказалъ Господь. Смерть слѣзла. „Умори-же теперь солдата!“ приказалъ ей Господь и пошелъ—куда зналъ.

„Ну, солдатъ! говорить Смерть, слышалъ—тебя Господь велѣлъ уморить!“—Чтожъ? надо когда-нибудь умирать! дай только мнѣ исправиться. „Ну, исправься!“ Солдатъ надѣлъ чистое бѣлье и притащилъ гробъ. „Готовъ?“ спрашиваетъ Смерть.—Совсѣмъ готовъ! „Ну, ложись въ гробъ!“ Солдатъ легъ спиной къ верху. „Не такъ!“ говоритъ Смерть. — А какъ-же? спрашиваетъ солдатъ—и улегся на бокъ. „Да все не такъ!“—На тебя и умереть-то не угодишь!—и улегся на другой бокъ. „Ахъ, какой ты, право! развѣ не видалъ, какъ умираютъ?“—То-то и есть, что не видалъ! „Пусти, я тебѣ покажу“. Солдатъ выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ крышку, накрылъ поскорѣе гробъ и наколотилъ на него желѣзные обручи; какъ наколотилъ обручи—сейчасъ-же поднялъ гробъ на плеча и стащилъ въ рѣку. Стащилъ въ рѣку, воротился на прежнее мѣсто и сталъ на часы. Господь увидать его и спрашиваетъ: „гдѣ-же Смерть?“—Я пустилъ ее въ рѣку. Господь глянулъ—а она далеко плыветъ по водѣ. Выпустилъ ее Господь на волю. „Чтожъ ты солдата не уморила?“ —

Вишь, онъ какой хитрой! съ нимъ ничего не слѣлаешь. „Да ты съ нимъ долго не разговаривай; пойдѣ и умори его!“ Смерть пошла и уморила солдата.

в. Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажилъ онъ долго на свѣтѣ, по-просту сказать—чужой вѣкъ сталъ заѣдать. Сверстники его по-немногу отправляются на тотъ свѣтъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведетъ, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать-не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ Смерть къ Богу и проситъ у него позволенія взять солдата: долго де зажилъ на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. „Кто тутъ?“—Я. „Кто ты?“—Смерть. „А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу“. Смерть рассказала солдату все, какъ слѣдуетъ. „А! если ужъ Богъ велѣлъ, такъ другое дѣло! противъ воли Божіей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдатъ на казенный счетъ всегда умираетъ. Ну, поворачивайся, беззубая!“ Смерть

притащила гробъ и поставила посреди избы. „Ну, служивый, ложись; когда-нибудь надо-же умирать.“—Не растабарывай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама. „Какъ сама?“—Да такъ. Я безъ артикула ничего не привыкъ дѣлать; что начальство покажетъ: фрунтъ—что ли тамъ, аль другое что,—то и дѣлаешь. Ужъ такъ привыкъ, сударка моя! не переучиваться же мнѣ: старенецъ сталъ! Смерть поморщилась и полѣзла въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу, какъ слѣдуетъ,—солдатъ возьми да и нахлопни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго, долго носилась Смерть по волнамъ, пока ни разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

Первымъ дѣломъ Смерти, какъ только она получила свободу, опять была просьба къ Богу, чтобъ позволилъ ей взять солдата. Богъ далъ позволеніе. Снова пришла Смерть къ солдатской избушкѣ и стучится въ двери. Солдатъ узналъ свою прежнюю гостью, и спрашиваетъ: „что нужно?“—Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься. „А врешь, старая, чертовка! не вѣрю я тебѣ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Богу.“—Пойдемъ. „Подождимундиръ натяну.“ Отправились въ путь. Дошли до Бога; Смерть хотѣла было идти впередъ, да солдатъ не пустилъ: „ну куда ты лѣзешь? какъ смѣешь ты безъ мундира... идти? Я пойду впередъ, а

ты жди!“ Вотъ воротился солдатъ отъ Бога. „Что, служивый, правду я сказала?“ спрашиваетъ Смерть.—Врешь, солгала немного. Богъ велѣлъ тебѣ прежде еще лѣса подстригать да горы ровнять; а потомъ и за меня приниматься. И солдатъ отправился на зимнія квартиры вольнымъ шагомъ, а Смерть осталась въ страшномъ горѣ. Шутка ли! развѣ мала работа—лѣса подстригать да горы ровнять? И много, много лѣтъ трудилась Смерть за этой работой, а солдатъ жилъ себѣ да жилъ.

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечѣмъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ. Пришелъ и видитъ, что народу многое множество. Онъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевѣсь, и добрался до самаго сатаны. Посмотрѣлъ на сатану и побрелъ искать въ аду уголка, гдѣ-бы ему расположиться. Вотъ и нашель; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду прохода отъ солдата; не пускаетъ никого мимо своего добра: „не ходить! вишь, казенныя вещи лежатъ; а ты, можешь, на руку нечистъ. Здѣсь всякаго народу много!“ Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говоритъ: „я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали... Убийтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!“ Не стало

чертямъ житья отъ солдата; хотъ бы выжить его изъ ада, такъ не йдетъ: „мнѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо!“ Вотъ черти и придумали штуку: натянули свиначую кожу, и только улегся солдатъ спать—какъ забили тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата!... И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ,—да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ. (Записана въ Нижнемъ-Новгородѣ.)

с. Служилъ солдатъ Богу и великому государю цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, выслужилъ три сухаря и пошелъ домой на родину. Шелъ и крѣпко задумался: „Господи Боже ты мой! служилъ я царю двадцать пять лѣтъ, былъ сытъ и одѣтъ; а теперь до чего дожилъ? и голоденъ, и холоденъ; только и есть что три сухаря“. А на встрѣчу ему убогой нищій и проситъ милостинку. Солдатъ отдалъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; немного погода попадаетъ ему другой нищій, кланяется и проситъ милостинку. Солдатъ подаль и этому сухарь, и остался у него одинъ. Опять пошелъ дальше своей дорогою и повстрѣчалъ третьяго ни-

щаго: кланяется ему старецъ и проситъ милостинку. Вынулъ солдатъ послѣдній сухарь и думаетъ: „цѣлой дать—самому не останется; половину дать—пожалуй сойдется этотъ старецъ съ прежними нищими, увидитъ у нихъ по цѣлому сухарю и обидится; лучше отдамъ ему весь, а самъ обойдусь кое-какъ!“ Отдалъ послѣдній сухарь и остался ни при чемъ. Вотъ старецъ и спрашиваетъ его: „скажи, доброй человѣкъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я те помогу“.—Богъ съ тобой! отвѣчаетъ солдатъ; съ тебя, старичекъ, взять нечего: ты самъ человѣкъ убогой. „Да ты не смотри на мое убожество; только скажи, чего желаешь,—а я ужъ награжу тебя за твою добродѣтель.“—Мнѣ ничего не надо; а коли есть у тебя карты, такъ подари на память. Старецъ вынулъ изъ-за пазухи карты и даетъ солдату: „возьми, говоритъ; съ кѣмъ ни станешь играть въ эти карты—всякаго обыграешь; да вотъ на тебѣ и торбу: что ни встрѣтишь на дорогѣ, звѣря ли, птицу ли, и захочешь поймать,—только распахни торбу и скажи: полѣзай сюда, звѣрь али птица! и все сдѣлается по твоему“¹⁾.—Спасибо, сказалъ солдатъ, взялъ карты и торбу и поплелся въ путь-дорогу.

¹⁾ *Вариантъ 1.* Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ и выслужилъ три денежки. Идетъ на родину, а на встрѣчу ему самъ Господь съ двѣнадцатю апосто-

Шелъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плавають три дикихъ гуся. Вотъ солдатъ и вздумалъ: „дай-ка я торбу свою попробую!“ Вынулъ ее, распахнулъ и говоритъ: „эй вы, дикіе гуси! полетайте въ мою торбу.“ И только выговорилъ эти слова — какъ снялись гуси съ озера и прилетѣли прямо въ

лами. Подходить Христосъ въ нищенскомъ образѣ и просить милостину. „Чтожъ тебѣ подать, старичекъ, говоритъ солдатъ: хлѣба у меня нѣтъ ни куска, вотъ тебѣ денежка—прими Христа ради!“ Пошелъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ впередъ, повстрѣчалъ его и спрашиваетъ: „скажи, служивой, чего желаешь?“ Апостолы говорятъ: „проси, солдатъ, царства небеснаго!“ А онъ въ отвѣтъ: „я двадцать пять лѣтъ служилъ своимъ умомъ, и теперь не хочу слушать чужаго разума! Дай мнѣ, говоритъ, кисеть табаку“. Далъ ему Господь кисеть табаку. На другой день идетъ Христосъ и по прежнему просить у солдата милостину; отдалъ ему солдатъ и другую денежку. Пошелъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ впередъ, на встрѣчу ему, и опять спрашиваетъ: „скажи, служивой, чего желаешь?“—Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. „Не хочу жить чужимъ умомъ, отвѣчалъ солдатъ; дай мнѣ кошель съ деньгами.“ Далъ ему Господь кошель съ деньгами. На третій день идетъ Христосъ и опять просить у солдата милостину; отдалъ ему солдатъ и послѣднюю заслуженную денежку. И въ третій разъ зашелъ Господь ему на встрѣчу и спрашиваетъ: „скажи, служивой, чего желаешь?“—Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. „Что вы учите! сердито закри-

торбу. Солдатъ завязалъ торбу, поднялъ на плеча и пустился въ дорогу. Шелъ-шелъ, и пришелъ въ городъ. Забрался въ трактиръ и говоритъ хозяину: „возьми этого гуся и зажарь мнѣ къ ужину, а другого гуся отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго промѣняй мнѣ на водку“. Вотъ солдатъ сидитъ себѣ въ трактирѣ да угощается: выпьетъ винца да гусемъ и закуситъ. И вздумалось ему посмотреть въ окошко:

чалъ солдатъ; сказалъ вамъ, что не хочу чужимъ умомъ жить—и не приставайте! Вишь, своимъ умомъ-то я выпросилъ кисеть табаку да кошель денегъ, и сколько табаку ни курю, сколько денегъ ни беру—все не убываетъ!“ Была у солдата порожняя сума, вотъ онъ ее ухватилъ и говоритъ Христу: „пушай по моему слову будетъ она полна, чѣмъ пожелаю!“—Ну, пушай! сказалъ Христосъ, и пошелъ съ апостолами своей дорогой.

Вариантъ 2. Выслужилъ солдатъ три сухаря и пошелъ домой. Идетъ, а на встрѣчу ему Господь съ апостоломъ Петромъ. „Служивой, дай чего-нибудь перекусить намъ!“ Солдатъ далъ имъ по сухарю, себѣ оставилъ третій. „Спасибо!“—и пошли они въ разные стороны. Вотъ Господь и говоритъ апостолу Петру: „ступай, нагони солдата и спроси, чего отъ Бога желаетъ?“ Нагоняетъ апостолъ Петръ солдата, а солдатъ увидалъ его и кричитъ: „что, братъ, аль за третьимъ сухаремъ идешь? У самого одинъ остался, и не проси—не дамъ!“—Нѣтъ, служивой! скажи-ка, чего ты отъ Бога желаешь? „Чего желаю? да только колоду картъ, да еще коли на что погляжу и вымолвлю: по Господневу слову полѣзай въ ранецъ! — чтобъ все гуда и лѣзло.“

стоитъ на другой сторонѣ большой дворецъ, только во всемъ дворцѣ нѣтъ ни одного стекла цѣлаго. „Послушай, спрашиваетъ онъ хозяина, что это за дворецъ и отчего пустой стоитъ?“ — Да вишь, говоритъ хозяинъ, царь нашъ выстроилъ себѣ этотъ дворецъ, только жить-то въ немъ нельзя; вотъ ужъ семь лѣтъ пустѣетъ! всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Каждую ночь собирается тамъ чертовское сонмище, шумить, пляшетъ, въ карты играетъ и всякія скверны творить. Вотъ солдатъ пошелъ къ царю. „Ваше царское величество! позволь, говорить, мнѣ въ твоемъ порожнемъ дворцѣ одну ночь переночевать.“ — Что ты, служба! говоритъ ему царь; Богъ съ тобою! ужъ были такіе смѣльчаки, брались переночевать въ этомъ дворцѣ, да ни одинъ живой не ворочался! „Небось, русской солдатъ ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не умеръ; а то за одну ночь у тебя помру!“ — Я-жъ тебѣ говорю: пойдешь туда съ вечера живой человѣкъ, а утромъ однѣ косточки найдутъ. Солдатъ стоитъ на своемъ: пусти да пусти его во дворецъ. „Ну, говоритъ царь, ступай съ Богомъ, ночуй, коли хочешь; я съ тебя воли не снимаю.“

Пришелъ солдатъ во дворецъ и расположился въ самой большой комнатѣ; снялъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ

уголокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку—и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ—откуда что взялось—набѣжало во дворецъ чертей видимо-невидимо; поднялся гамъ, крикъ, плясъ, музыка. „А и ты, служивой, здѣсь! закричали черти. Зачѣмъ пожаловалъ? Не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?“ — Отъ чего не хотѣть! только чуръ играть моими картами. Сейчасъ вынулъ свои карты и ну сдавать. Стали играть; разъ сыграли—солдатъ выигралъ, въ другой—опять солдатъ выигралъ; сколько ни ухитрились черти, а всѣ деньги спустили солдату: онъ знай себѣ загребаетъ! „Постой, служивой, говорятъ черти; есть у насъ еще шестьдесятъ четвериковъ серебра да сорокъ золота, давай-ка играть съ тобой на это серебро и золото!“ — и посылаютъ они малаго чертенка таскать серебро. Стали снова играть, солдатъ все обыгрываетъ: ужъ чертенокъ таскалъ-таскалъ, все серебро перетаскалъ, и говоритъ старому дьяволу: „дѣдушка, больше нѣту!“ — Таскай, пострѣль, золото! Вотъ онъ таскалъ-таскалъ золото, цѣлой уголъ завалилъ, а толку все нѣту, все солдатъ обыгрываетъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ; вотъ они и давай приступать къ солдату, да какъ заревутъ: „разорвемъ его, братцы! съѣдимъ его!“ — Еще посмотримъ, кто кого съѣстъ! говоритъ сол-

дать, схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: „а это что?“—Торба, говорятъ черти. „А ну, по Божьему слову, полѣзайте въ торбу!“ Только сказалъ—и полѣзли черти въ торбу; да и много-жъ набралось ихъ, чуть ни давятъ другъ дружку! Солдатъ завязалъ торбу покрѣпче и повѣсилъ на стѣнку на гвоздь; а самъ улегся спать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: „ступайте, провѣдайте — что съ солдатомъ дѣется? Коли пропалъ отъ нечистой силы, такъ приберите его косточки!“ Вотъ и пошли; приходятъ во дворецъ—а солдатъ весело по горницамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. „Здорово, служивой! не чаяли увидать тебя живого! Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?“—Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ, вишь какія кучи! Посмотрѣли царскіе люди и вздивовались, а солдатъ имъ наказываетъ: „приведите, братцы, да поживѣе двухъ кузнецовъ, да чтобъ захватили съ собою желѣзную плиту и молоты“. Тѣ бѣгомъ бросились въ кузницу, и живо справили дѣло. Пришли кузнецы съ желѣзной плитою, съ тяжелыми молотами. „Ну-ка, говоритъ солдатъ, снимите эту торбу да приударьте ее по кузнешному.“ Стали кузнецы снимать торбу и говорятъ промежъ собой: „ишь какая тя-

желая! черти—что-ли въ ней напханы!“ А черти откликаются: „мы батюшки! мы родимые!“ Сейчас положили кузнецы торбу на желѣзную плиту и давай молотами постукивать, словно желѣзо куютъ. Жутко пришлось чертямъ, не въ моготу стало терпѣть: „смилуйся! заорали; выпусти, служивой, на вольной свѣтъ, по вѣкъ тебя не забудемъ; а ужъ въ этотъ дворецъ ни одинъ чортъ ни ногой... всѣмъ закажемъ, за сто верстъ отъ него будемъ бѣгать!“ Солдатъ остановилъ кузнецовъ, и только развязалъ торбу—черти такъ и прыгнули, и пустились безъ оглядки въ тартарары—въ преисподнюю. А солдатъ не промахъ, ухватилъ одного стараго черта, разрѣзалъ ему лапу до крови: „подавай, говоритъ, росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить!“ Нечистой написалъ ему въ томъ росписку своею кровію, отдалъ и наострилъ лыжи. Прибѣжали черти въ пекло, переполошили всю нечистую силу—и старыхъ, и малыхъ; сейчасъ разставили кругомъ пекла часовыхъ и крѣпко-накрѣпко приказали караулить, чтобъ какъ-нибудь ни пробрался туда солдатъ съ торбою.

Пришелъ солдатъ къ царю. Такъ и такъ, говоритъ, очистилъ дворецъ отъ дьявольскаго навожденія. „Спасибо, говоритъ ему царь; оставайся жить у меня, стану тебя замѣсто

брата почитать." Остался солдатъ при царѣ жить ¹⁾; всего у него вдоволь, денегъ куры не клюютъ, и задумалъ онъ жениться. Оженился, а черезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ и приключилась этому мальчику хворь, да такая—не можетъ никто вылѣчить; ужь сколько лекарей перебивало, а

¹⁾ *Вариантъ 1:* Жилъ-жилъ, и пришло ему время умирать. Посылаетъ Господь ангеловъ вынуть его душу. Вотъ ангелы взяли солдатскую душу, понесли по мытарствамъ, и спрашиваютъ у Бога: куда прикажетъ эту душу—въ рай или адъ? „Посадите ее въ муку вѣчную, сказалъ Господь; она сама отказалась отъ царства небеснаго!“ Посадили солдата въ муку вѣковѣчную. Вотъ онъ осмотрѣлся и видитъ: висятъ кругомъ котлы съ горячею смолою, а въ котлахъ грѣшныя души мучатся, плачутъ и скрежешутъ зубами. Обступили солдата черти: „ну, служивой, пора и тебѣ въ котель отправляться!“ — Вы меня котломъ не страшайте, а давайте ка лучше играть въ карты. „Нѣтъ, братъ, полно! мы съ тобой играть не станемъ.“—А вотъ-же врете; станете играть, только торбу вамъ показать... „Ништо она съ тобою?“—Со мною. Перепугались черти: „давай, служивой, карты!“ Вотъ и стали они играть на грѣшныя души. Солдатъ обыгралъ. „Ну, теперь ты здѣсь хозяинъ!“ сказали ему черти. А онъ тому и радъ, выпускалъ изъ котловъ всѣ грѣшныя души, построилъ ихъ по-солдатски въ три шеренги и повелъ прямо къ райскимъ дверямъ. „Отпирай ворота!“ кричитъ солдатъ. Апостолъ Петръ говоритъ: „постой, пойду у Бога спрошу.“—О чемъ-же ты прежде думалъ? Пошелъ апостолъ Петръ къ Богу: „Господи! говоритъ, пришелъ къ райскимъ дверямъ солдатъ и привелъ съ

толку нѣтъ ни на грошъ. И вздумалъ солдатъ про того стараго черта, что далъ ему росписку, а въ роспискѣ написалъ: вѣчно де буду тебѣ вѣрнымъ слугою; вздумалъ и говорить: „куда-то мой старой чортъ дѣвался?“ Вдругъ явился передъ нимъ тотъ самой чортъ и спрашиваетъ: „что твоей милости угодно?“—

собою изъ пекла многое множество грѣшныхъ душъ.“—Прими отъ него по счету, а самого не пущай въ рай. Вотъ апостолъ Петръ отперъ райскія двери и сталъ примать души—все по одной. А солдатъ: „эхъ, братъ, ты и считать не умѣешь! а ты вотъ какъ считай: разъ, два, три—ступай туды! разъ, два, три—и я туды!“—и полѣзъ было въ рай; апостолъ Петръ схватилъ его за руку: „нѣтъ, говоритъ, погоди! ты самъ не пожелалъ себѣ царства небеснаго, на себя и пеняй!“

Вариантъ 2: Посадили солдата въ адъ, увидалъ онъ у чорта два большіе ключа и спрашиваетъ: „что это за ключи?“—Одинъ отъ котла, другой отъ холодной горницы. „А тамъ что?“ Въ котлѣ кипятъ грѣшныя души, а въ холодной горницѣ мерзнутъ... „Давай играть въ карты на эти ключи!“—Давай! Солдатъ выигралъ ключи и выпускалъ на волю всѣ грѣшныя души. Пришелъ чортъ: „служивой! куда дѣवालъ ты грѣшныя души?“ Солдатъ показываетъ себѣ на грудь и говоритъ: „вотана грѣшная душа!“ Побѣждалъ чортъ къ своимъ товарищамъ: „ну, братцы! солдатъ всѣ грѣшныя души поѣлъ! пожалуй, и до насъ доберется“. И тутъ-же выгнали его изъ пекла. Собралъ солдатъ всѣхъ выпущенныхъ изъ котла и холодной горницы грѣшниковъ и повелъ въ царство небесное. „Кто идетъ?“ спрашиваютъ солдата.—Я съ грѣшными душами. „Сюда грѣшныхъ не примаютъ; здѣсь рай!“—Знаю, что край; отъ того и не йду дальше....

А вотъ что: захворалъ у меня сынишка, не знаешь ли—какъ-бы его вылечить? Чортъ вытащилъ изъ кармана стаканъ, налилъ его холодной водою, поставилъ хворому въ головахъ и говоритъ солдату: „поди-ка, посмотри на воду“. Солдатъ смотритъ на воду, а чортъ его спрашиваетъ: „ну, что видишь?“— Я вижу: въ ногахъ у моего сына стоитъ Смерть. „Ну, коли въ ногахъ стоитъ, то будетъ здоровъ; а если бы Смерть въ головахъ стояла—то непременно бы померъ!“ Потомъ беретъ чортъ стаканъ съ водою и брызнулъ на солдатскаго сына, и въ ту-же минуту онъ здоровъ сдѣлался. „Подари мнѣ этотъ стаканъ, говоритъ солдатъ, и больше ничего отъ тебя не надо!“ Чортъ подарилъ ему стаканъ, а солдатъ воротилъ назадъ росписку. Сдѣлался солдатъ знахаремъ, сталъ лѣчить бояръ и генераловъ; только посмотреть въ стаканъ — и сейчасъ скажетъ: кому помереть, кому выздоровѣть.

Случилось самому царю захворать; призвали солдата. Вотъ онъ налилъ въ стаканъ холодной воды, поставилъ царю въ головахъ, поглядѣлъ—и видитъ, что Смерть тутъ-же въ головахъ стоитъ. И говоритъ солдатъ: „ваше царское величество! никто тебя не сможетъ вылечить, Смерть въ головахъ ужъ стоитъ; всего на всего только три часа и осталось тебѣ жить!“ Царь услышалъ эти рѣчи и сильно на солдата озлобился: „какъ такъ? закри-

чалъ на него, ты многихъ бояръ и генераловъ вылечивалъ, а меня не хочешь? сейчасъ прикажу казнить тебя смертію!“ Вотъ солдатъ думалъ-думалъ: что ему дѣлать? и началъ просить Смерть: „отдай, говоритъ, царю мой вѣкъ, а меня умори; все равно придется мнѣ помереть—такъ ужъ лучше помереть своею смертію, чѣмъ лютую казнь претерпѣть!“ Посмотрѣлъ въ стаканъ, и видитъ, что Смерть стоитъ у царя въ ногахъ. Тутъ солдатъ взялъ воду и сбрызнулъ царя: сталъ онъ совершенно здоровъ. „Ну, Смерть! говоритъ солдатъ, дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить да съ женой и сыномъ проститься“,—Ступай! отвѣчаетъ Смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А Смерть ужъ около него стоитъ: „ну, служивой! прощайся скорѣе, всего три минуты осталось тебѣ жить на свѣтѣ“. Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ головъ свою торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: „что это?“ Смерть отвѣчаетъ: „торба“.—Ну, коли торба, такъ полѣзай въ нее! Смерть прямо въ торбу и *шурхнула*. Солдатъ—куда и хворь дѣвалась—вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-накрѣпко, взвалилъ ее на плеча и пошелъ въ лѣса Брянскіе, дремучіе. Пришелъ и повѣсилъ эту торбу на горькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры не сталъ народъ помирать: рожаться—рожается, а не помираетъ! Вотъ прошло много лѣтъ, солдатъ все торбы не снимаетъ. И случилось ему идти по городу. Идетъ, а на встрѣчу ему эдакая древняя старушка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту сторону и валится. „Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужъ помирать пора!“—Да, батюшка! отвѣчаетъ старушка, мнѣ давно помереть пора,—еще въ тое время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житія моего на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаешь, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощенный грѣхъ! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ такъ же, какъ я, мучится! — Вотъ солдатъ и сталъ думать: „видно, надобно выпустить Смерть-та; ужъ пускай уморить меня... И безъ того на мнѣ грѣховъ много; такъ лучше теперь, пока еще силенъ, отмучаюсь на томъ свѣтѣ; а какъ сдѣлаюсь крѣпко-старъ, тогда хуже будетъ мучиться“. Собрался и пошелъ въ Брянскіе лѣса. Подходить къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко-высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разны стороны. „А что, Смерть, жива?“ спрашиваетъ солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: „жива, батюшка!“ Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть, и самъ легъ на кровать,

прощается съ женою и сыномъ, и проситъ Смерть, чтобъ уморила его. А она бѣгомъ за двери, давай Богъ ноги: „пушай, кричи, тебя черти уморять, а я тебя морить не стану!“

Остался солдатъ живъ и здоровъ, и вздумалъ: „пойду-ка я прямо въ пекло; пушай меня черти бросать въ кипучую смолу и варять до тѣхъ поръ, покуда на мнѣ грѣховъ не будетъ“. Простился со всѣми, и пошелъ съ торбою въ рукахъ прямо въ пекло. Шелъ онъ близко ли—далеко, низко ли—высоко, мелко ли—глубоко, и пришелъ таки въ преисподнюю. Смотритъ, а кругомъ пекла стоятъ часовые. Только онъ къ воротамъ, а чортъ спрашиваетъ: „кто идетъ?“—Грѣшная душа къ вамъ на мученіе. „А это что у тебя?“—Торба. Заоралъ чортъ во все горло, ударили тревогу, сбѣжалась вся нечистая сила, давай запираť всѣ двери и окна крѣпкими запорами. Ходитъ солдатъ вокругъ пекла и кричитъ князю пекельному: „пусти, пожалуста, меня въ пекло; я пришелъ къ вамъ за свои грѣхи мучиться“. — Нѣтъ не пушай! ступай, куда знаешь; здѣсь тебѣ мѣста нѣту. „Ну, коли не пускаешь меня мучиться, то дай мнѣ двѣсти грѣшныхъ душъ; я поведу ихъ къ Богу, можетъ—Господь и проститъ меня за это!“ Князь пекельный отвѣчаетъ: „я тебѣ еще отъ себя прибавлю душъ пять-

десять, только уходи отсюда! — Сейчас велѣлъ отсчитать двѣсти пятьдесятъ душъ и вывести въ задніе ворота, такъ чтобы солдатъ не увидѣлъ. Сказано, сдѣлано. Забралъ солдатъ грѣшныя души и повелъ къ самому раю. Апостолы увидали и доложили Господу: „такой-то солдатъ двѣсти пятьдесятъ душъ изъ пекла привелъ“. — Примите ихъ въ рай, а солдата не пущайте. Только солдатъ отдалъ одной грѣшной душѣ свою торбу и приказалъ: „смотри, какъ войдешь въ райскіе двери — сейчасъ скажи: полѣзай, солдатъ, въ торбу!“ Вотъ райскіе двери отворились, стали входить туда души, вошла и грѣшная душа съ торбою, да о солдатѣ отъ радости и забыла. Такъ солдатъ и остался, ни въ одно мѣсто не угодилъ. И долго послѣ того онъ жилъ-жилъ на бѣломъ свѣтѣ, да вотъ только на дняхъ померъ. — (Всѣ заимствованы изъ собранія В. И. Даля).

Св. писаніе

840

17. Видѣніе.

а. Шелъ прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣти, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣть, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣть, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежитъ змій и дышетъ на нихъ. „Дай еще испытаю третьяго сына“, подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣть; тутъ увидалъ кунку (куницу): перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ покой и отправился въ поле; легъ подъ зородъ (большая куча, стогъ — Оп. обл. великор. слов.) сѣна, и слышалось ему — будто какой человѣкъ въ сѣнѣ стонетъ и говорить: „тошно

животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!“ Прохожіи испугался и легъ было подъ суслонъ ¹⁾ ржаной; и тутъ слышалъ голосъ, кричить: „постой, возьми меня съ собой!“ Не поспалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: „гдѣ былъ, прохожіи?“ Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: „на столѣ, говорить, нашелъ я разной гадъ,—отъ того, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большого сына бѣется въ клѣти дубинка,—это отъ того, что хочется ему большакомъ (старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ) быть, да малые братья не слушаются: бѣется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змія,—это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшаго сына видѣлъ кунку,—значить, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ,—это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скосить да смететъ въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давить свое, а свое стонетъ, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собой!—это которое съ полосы не

¹⁾ Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу. (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221).

собрано, оно-де говорить: пропаду, соберите меня!“ А послѣ сказалъ прохожіи старику: „наблюдай, хозяинъ, за своей семьей: большому сыну отдай болышину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣтнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полось собирай до чиста“. Распростился съ старикомъ и пошелъ въ путь-дорогу.

—

б. Ходилъ по міру старинькой старичекъ, и попросился ночевать къ одному мужику. „Пожалуй, говоритъ мужикъ, я тебя пушу; только станешь ли всю ночь сказывать мнѣ сказки?“—Хорошо, буду сказывать; дай только отдохнуть. „Ну, ступай!“ Вошелъ старичекъ въ избу и легъ на полати. Хозяинъ говоритъ: „поди-ка, почтенной, поужинай“. Старичекъ слѣзъ и поужиналъ. „Ну, старичекъ, сказывай сказку“.—Погоди, лучше я поутру расскажу. „Ладно!“ Улеглись спать. Вотъ старикъ проснулся въ ночи и видитъ: теплятся передъ образами двѣ свѣчки и порхають по избѣ двѣ птички. Захотѣлось ему напиться; слѣзъ онъ съ полатей, а по полу такъ и бѣгаютъ ящерицы; подошелъ къ столу, а тамъ лягушки прыгаютъ да крикають. Посмотрѣлъ на старшаго хозяйскаго сына, а

промежъ имъ и женою змѣя лежитъ; посмотрѣлъ на второго сына—на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула; глянулъ на меньшаго сына, а промежъ имъ и женою младенецъ лежитъ. Страшно показалось старичку, пошелъ онъ и легъ на гувнѣ (овинѣ—Оп. обл. великор. слов.), а тутъ кричатъ: „сестра! сестра! приberi меня“. Легъ подъ изгородой, и тутъ кричатъ: „выдерни да вторни (воткни—*ibidem*) меня!“ Легъ подъ чугуна, здѣсь кричитъ: „на бобрѣ вѣшу, на боберъ упаду!“ Пошелъ старичекъ опять въ избу. Просыпается хозяинъ и говорить: „ну, сказывай сказку!“ А старичекъ ему: „я не сказки буду тебѣ сказывать, а правду. Знаешь ли, что я въ твоёмъ домѣ видѣлъ? Проснулся я и вижу: теплятся передъ образами двѣ свѣчки, а по избѣ двѣ птички перепархиваютъ“.—Это мои два ангела перепархивали! говоритъ хозяинъ. „Да еще видѣлъ я: промежъ старшимъ твоимъ сыномъ и его женою змѣя лежала“.—Это отъ того, что они въ ссорѣ. „Глянулъ я ночью и на другого сына, а на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула“.—Это значить, что они не дружно живутъ, хочетъ жена мужа извести. „А какъ посмотрѣлъ на меньшаго сына, такъ межъ имъ и женою младенецъ лежалъ“.—Это не младенецъ, ангелъ лежалъ, отъ того что живутъ они дружно, согласно. „Отъ чего-же,

хозяинъ, какъ слѣзъ я съ полатей, такъ по полу ящерицы бѣгали; а какъ подошелъ къ столу и хотѣлъ испить, такъ по немъ лягушки прыгали да крякали?“—Отъ того, сказалъ хозяинъ, что снохи мои никогда угарочка (лучины—Оп. обл. великор. слов.) не подметутъ, а квасъ какъ нацѣдятъ въ кружку, такъ не благословясь и поставятъ на столъ. „Пошелъ было я спать на гувно, а тамъ кричатъ: сестра! сестра! приberi меня“.—А это вотъ что значить: сыновья мои никогда метель благословясь на мѣсто не поставятъ! „Потомъ легъ я подъ изгороду, а тамъ кричатъ: выдерни, да вторни!“—Это значить, что изгорода вверхъ низомъ поставлена. „Потомъ легъ я подъ чугуна, а тамъ кричатъ: на бобрѣ вѣшу, на боберъ упаду“. Хозяинъ говорить: „а это вотъ что—коли я помру, то и весь домъ мой опустится!“ — (Изъ собранія В. И. Даля; первая записана въ Архангельской губерніи, а вторая въ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи).

Св. млада - арт.

18. Потанька.

Одна баба не благословесь замѣшала опару. Прибѣжалъ бѣсъ Потанька, да и сялъ. А баба и вспомнила, што не благословесь замѣшала опару, пришла да и перекрестила: Потанькѣ выскочить-то и нельзя. Баба прощѣдила опару и вывалила опарины на улицу, а Потанька все тутъ. Свины перепехиваютъ ево съ мѣста на мѣсто, а вырватца не можотъ; да чрезъ трой суд(т)ки кое-какъ выбился и безъ оглядки убѣжалъ. Прибѣжалъ къ товарищамъ; тѣ спрашиваютъ: „гдѣ былъ, Потанька?“— Да будь она проклятая баба! опару, говоритъ, замѣсила ли, завела ли не благословесь; я пришолъ да и сялъ. Она взяла да меня и перекрестила, дакъ насилиу вырвался чрезъ трой судки: свины перепехиваютъ меня съ опариной, а я выбитца не могу: теперь въ жиз(н)ю мою никогда не сяду къ бабѣ въ опару!— (Записана въ Пермской губерніи, Шадринскаго округа въ заштатномъ городѣ Долматовѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ).

в мѣстѣ

19. Поѣздка въ Іерусалимъ.

Какой-то архимандритъ (в)сталъ къ заутринѣ; пришолъ умыватца, видитъ въ ручной (ни)кѣ нечистой духъ, взялъ ево да и заградилъ (крестомъ). Вотъ дьяволъ и возмолвился: „пусти, отче! какъ хошь налош(ж)ь службу—сослужу!“ Архимандритъ говоритъ: „свозишь ли меня между обѣдней и заутриней въ Ерусалимъ?“.—Свожу, отче, свожу! Архимандритъ ево выпустилъ и послѣ заутрины до обѣдни успѣлъ съѣздить въ Ерусалимъ, къ обѣднѣ поспѣлъ обратно. Послѣ забрали какъ то справки,—все удивились, какъ онъ скоро мок(г)ъ съѣздить въ Ерусалимъ, спросили ево, и онъ разсказалъ это.— (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ).

20. Пустынникъ и Дьяволъ.

а. Одинъ пустынникъ молился тридцать три года, и видитъ къ какому-та царю ходять дьяволъ на обѣдъ, ивкають, гайкають (кричатъ, кличутъ), пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ. Одинъ разъ Потанька хромою отсталъ отъ дьяволовъ; пустынникъ вышелъ да и спрашивать ево: „куда вы такъ ходите?“—Да ходимъ вотъ къ такому-то царю на обѣдъ; у него всѣ стряпухи дѣлають все не благословесь, намъ и ладно! Старикъ и думатъ, какъ-бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя носили ему обѣдать каждой день. Онъ принялъ ѣства да на тарелкахъ взялъ и надписалъ, што дьявола къ нему ходять на обѣдъ каждой день. Царь увидялъ эту надпись, тотчасъ всѣхъ людей переѣнилъ и поставилъ къ стряпнѣ людей набожныхъ; за чево они ни возмутца—все говорятъ: „Господи, благослови!“ Видитъ пустынникъ дьяволовъ—впередъ шли веселы и радостны, а назадъ идутъ заунывны и печальны, и спрашиваетъ опять Потаньку, што они не веселы? Тотъ только и сказалъ: „молчи-жо! ужо мы тебѣ отплатимъ!“ Не сталъ видать

послѣ того пустынникъ дьяволовъ. Одинъ разъ приходитъ къ нему женщина набожна. Онъ ее спросилъ: кака, откуда? тѣ-други разговоры, стали вино попивать и напились, сговорились вѣнчатца; пошли, видятъ—все готово, какъ и есть. Пришло время вѣнцы надѣвать; ужъ начали—только надѣтъ. Пустынникъ и перекрестился; дьявола отступились, и онъ увидялъ петлю; да послѣ того опять тридцать три года молился, грѣхи замаливалъ!—(Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

б. Былъ пустынникъ, молился тридцать лѣтъ Богу: мимо его часто пробѣгали бѣси. Одинъ изъ нихъ хромою отставалъ далеко отъ своихъ товарищей. Пустынникъ остановилъ хромого и спросилъ: „куды вы, бѣси, бѣгаете?“ Хромою сказалъ: „мы бѣгаемъ къ царю на обѣдъ“.—Когда побѣжишь назадъ, принеси мнѣ солонку отъ царя; тогда я повѣрю, что вы тамъ обѣдаете. Онъ принесъ солоницу. Пустынникъ сказалъ: „когда побѣжишь опять къ царю обѣдать, забѣги ко мнѣ взять назадъ солоницу“. Между тѣмъ на солонкѣ написалъ: „ты, царь, не благословясь кушаешь; съ тобой бѣси ѣдятъ!“ Государь велѣлъ, чтобы на столъ становили все благословясь. Послѣ то-

го бѣсенки прибѣжали на обѣдъ и не могутъ подойти къ благословенному столу, жгетъ ихъ, и убѣжали назадъ. Начали спрашивать хромого: „ты оставался съ пустынникомъ; вѣрно, говорилъ съ нимъ, что мы на обѣдѣ ходимъ?“ Онъ сказалъ: „я только одну солоницу приносилъ ему отъ царя“. Начали бѣси хромого за то драть, для чего сказывалъ пустыннику. Вотъ хромою въ отмщеніе построилъ противъ кельи пустынника кузницу, и сталъ стариковъ передѣлывать въ горнѣ на молодыхъ. Пустынникъ увидалъ это, захотѣлъ и самъ передѣлаться: „дака, говорить, и я передѣлаюсь!“ Пришелъ въ кузницу къ бѣсенку, говорить: „нельзя ли и меня передѣлать на молодого?“—Изволь, отвѣчаетъ хромою, и бросилъ пустынника въ горно; тамъ его варилъ-варилъ и выдернулъ молодцомъ; поставилъ его передъ зеркало: „поглядись-ка теперь—каковъ ты?“ Пустынникъ самъ себѣ налюбоваться не можетъ. Потомъ понравилось (захотѣлось) ему жениться. Хромою предоставилъ ему невѣсту; оба они глядятся-не наглядятся другъ на друга, любятъ-не налюбуются. Вотъ надобно ѣхать къ вѣнцу; бѣсенокъ и говоритъ пустыннику: „смотри, когда вѣнцы станутъ накладывать, ты не крестись!“ Пустынникъ думаетъ: какъ-же не креститься, когда вѣнцы накладываютъ? Не послушался его и перекрестился, а когда пере-

крестился—то увидѣлъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля. Еслибъ не перекрестился, такъ бы тутъ и повисъ на деревѣ; но Богъ отвелъ его отъ конечной гибели.—
(Изъ собранія В. И. Даля.)

с. Жиль-быль святой пустынникъ, и вычиталъ онъ въ писаніи: все, чего ни пожелаешь, и все, чего ни попросишь у Бога съ вѣрою,—то Господь тебѣ и даруетъ. Захотѣлось ему испытать: правда ли это? „Ну, можно ли тому стать, думалъ онъ; коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужли-жъ царь и выдастъ ее за такого старца!“ Думалъ-думалъ и пошелъ къ царю. Такъ и такъ, говорить, хочу взять за себя царевну замужъ. А царь говоритъ: „коли ты достанешь мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто не видывалъ, такъ царевна будетъ твоею женою“. Воротился пустынникъ въ келью; а чорту давно ужъ досадно смотрѣть на его святое житіе, пришелъ онъ соблазнять пустынника и сталъ сказывать ему про свое могущество. „А сможешь ли ты, нечистой, влѣзть въ этотъ кувшинъ съ водою?“—Э! да я, пожалуй, въ пустой орѣхъ влѣзу, не только въ кувшинъ! „Одначе попробуй сюда влѣзть!“ Чортъ съ дуру влѣзъ въ кувшинъ, а пустынникъ и на-

* 841 1

чалъ его крестить. „Пусти меня; сдѣлай милость, пусти! заоралъ чортъ во все горло; крестъ меня жжетъ, страшно жжетъ!“ — Нѣтъ, не пущу! развѣ возьмешься достать мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто на свѣтѣ не видывалъ—ну, тогда другое дѣло! Достану; право слово, достану; только пусти! Пустынникъ открестилъ кувшинъ; чортъ выскочилъ оттудова и улетѣлъ. Черезъ малое время воротился онъ съ такимъ дорогимъ камнемъ, что всякому на диво! Взялъ пустынникъ камень и понесъ къ царю. Тотъ—дѣлать нечего—велѣлъ царевнѣ готовиться замужъ за старца; а пустынникъ и говоритъ: „не надо! вишь, начиталъ я въ писаніи: что ни попрошу у Бога—то мнѣ и сдѣлается, вотъ мнѣ и захотѣлось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу“. А нечистой ужъ какъ было радовался, что смутилъ пустынника: „вотъ-де женится на царевнѣ, какое тутъ спасенье!“

Въ другой разъ заспорилъ пустынникъ съ чортомъ: „не влѣзишь де ты, окаянный, въ орѣхъ-свистунъ (свищъ)! Чортъ расхвастался и влѣзъ. Вотъ пустынникъ давай его крестить. „Пусти! закричалъ нечистой, пожалуста пусти! меня огнемъ жжетъ!“ — Выпущу, коли пропоешь ангельскіе гласы! „Не смѣю, говоритъ нечистой; меня разорвутъ за это наши!“ — Одначе пропой!—Что дѣлать? согласился чортъ; вотъ выпустилъ его пустынникъ на волю,

самъ палъ на колѣни и зачалъ Богу молится, а нечистой запѣлъ ангельскіе гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангелы, отъ того они и знаютъ ангельскіе гласы. Какъ запѣлъ онъ—такъ и поднялся на небо: Богъ, значить, простилъ его за это пѣніе.—(Записана издателемъ въ Воронежской губерніи, Бобровскомъ уѣздѣ.)

21. Пустынникъ.

Было жило три мужика. Одинъ мужикъ былъ богатой; только жилъ онъ, жилъ на бѣломъ свѣтѣ, лѣтъ двѣсти прожилъ, все не умираетъ; и старуха его была жива, и дѣти, и внуки, и правнуки всѣ были живы—никто не умираетъ; да что? изъ скотины даже ни одна не тратилась (не издыхала)! А другой мужикъ слылъ несчастнымъ, ни въ чемъ не было ему удачи, потому что за всякое дѣло принимался безъ молитвы; ну, и бродилъ себѣ то туда, то сюда, безъ толку. А третій-то мужикъ былъ горькой-горькой пьяница; все до чиста съ себя пропилъ и сталъ таскаться по міру.

Вотъ одна сошлись они вмѣстѣ, и отправились всѣ трое къ одному пустыннику. Старика захотѣлось вывѣдать, скоро ли Смерть за нимъ придетъ, а несчастному да пьяницѣ—долго ли имъ горе мыкать? Пришли и рассказали все что съ ними сталося. Пустынникъ вывелъ ихъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ сходились три дорожки, и велѣлъ древнему старику идти по одной тропинкѣ, несчаст-

ному по другой, пьяницѣ по третьей: тамъ дискать всякъ свое увидитъ. Вотъ пошелъ старикъ по своей тропинкѣ, шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и увидалъ хоромы, да такія славныя, а въ хоромѣхъ два попа; только подступился къ попамъ, они ему и гуторятъ: „ступай, старичекъ, домой! какъ вернешься—такъ и умрешь“. Безсчастный увидалъ на своей тропинкѣ избу, вошелъ въ нее, а въ избѣ стоитъ столъ, на столѣ краюшка хлѣба. Проголодался несчастный, обрадовался краюшкѣ, ужъ и руку протянулъ, да позабылъ лобъ-то перекрестить—и краюшка тотчасъ исчезла! А пьяница шелъ-шелъ по своей дорожкѣ и дошелъ до колодца, заглянулъ туда, а въ немъ гады, лягва, змѣи и всякая срамота! Воротился несчастный съ пьяницей къ пустыннику и рассказали ему, что видѣли. „Ну, сказалъ пустынникъ несчастному, тебѣ николи и нивъ чемъ не будетъ удачи, пока ни станешь ты за дѣло приматься, благословясь и съ молитвою; а тебѣ, молвилъ пьяницѣ, уготована на томъ свѣтѣ мука вѣчная—за то, что упиваешься ты виномъ, не вѣдая ни постовъ, ни праздниковъ!“ А старикъ-то древній пошелъ домой, и только въ избу, а Смерть ужъ пришла за душою. Онъ и зачалъ просить: „позволь еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, я бы роздалъ свое богатство нищимъ; дай сроку хоть на три года!“—Нѣтъ тебѣ сроку ни на

три недѣли, ни на три часа, ни на три минуты! говоритъ Смерть, чего прежде думалъ— не раздавалъ? Такъ и умеръ старикъ. Долго жилъ на землѣ, долго ждалъ Господь, а только какъ Смерть пришла — вспомнилъ о нихъ. — (Записана издателемъ въ Воронежской губерніи, Бобровскомъ уѣздѣ.)

22. Повѣсть о бражникѣ.

Во дни нѣки посла Господь ангеловъ взяти души бражникову, и поставити ю у вратъ пречистаго рая повелѣ. Бражникъ же нача талк(ит)ися во врата пречистаго рая. И прииде ко вратамъ рая Петръ апостолъ и рече: „кто талкійся во врата пречистаго рая?“ И отвѣща ему „азъ ес(м)ъ бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити“. И рече Петръ апостолъ: „отыде отсюда, человѣче; здѣсь бражники не водворяюца, ибо имъ изготовна мука вѣчная со блудниками вмѣстѣ“. И отвѣща ему бражникъ: „господине, гласъ твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вѣмъ“. — Азъ ес(м)ъ Петръ апостолъ, который имѣю(еть) ключи сего царствія славы. „Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего І(и)суса Христа іудеи на судилище къ Каіаѣѣ поведоша и тебѣ вопрошали: ученикъ есть сего І(и)суса назарянина?—а ты трикратно отъ него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаянiе, и тебѣ не быть въ раю; а я *хоща* и бражникъ—по вся дни Божіе пилъ и за всякимъ корцомъ имя Господне прословлялъ, а

не отрекался отъ него.“ Слыша Петръ отвѣтъ бражниковъ, отыде отъ вратъ пречистаго рая и сумнися о семъ человѣцѣ бражникъ.

Вторицею нача бражникъ талкитися у вратъ пречистаго рая, и прииде ко вратамъ царь и пророкъ Давидъ и рече: „кто талкійся у вратъ пречистаго рая?“ И бысть гласъ къ нему: „азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити“. И рече къ нему царь Давидъ: „отыде, человѣче, отсюда; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто въ муку вѣчную со блудниками вмѣстѣ“. И отвѣща бражникъ: „господине, гласъ твой слышу а лица твоего не вижу, и имени твоего не вею“. И рече къ нему царь Давидъ: „азъ есмь царь и пророкъ, который сѣдѣй со Авраамомъ и Исаакомъ на доѣ царствія сего, и состави псалтырь и пѣсни троичныя“. И бысть отвѣтъ бражниковъ: „помнише ли ты, царю Давиде, когда бысть брань на Голиафы, тогда ты слугу своего Урию на войну услалъ, и тамо его смерти предати повелѣлъ, а жену его къ себѣ въ прелюбодѣянiе пріялъ? Аще бы не были твои слезы и покаянiе, и тебѣ не быть бы въ раю“. Слыша сiе, царь Давидъ отыде и сумнися о семъ человѣцѣ.

Бражникъ же нача третицею талкитися у вратъ пречистаго рая. И прииде ко вратамъ Иоаннъ Богословъ и рече: „кто талкійся у вратъ пречистаго рая?“ И отвѣща ему: „азъ

есмь бражникъ, и желаю съ вами вмѣстѣ въ раю жити“. И рече Иоаннъ Богословъ: „отыде отсюда, человѣче; здѣсь бражники не во дворя отца, ибо имъ уготовано мѣсто во огнь кромечный съ прелюбодѣями вмѣстѣ“. Отвѣща бражникъ: „господине, гласъ твой слышу а лица твоего не вижу, и имени не вѣю“. — Азъ есмь Иоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, наперсникъ, возлюбленникъ и дѣвственникъ. „О господине Иоанне Богослове! не самъ ли ты написалъ во евангелiе (и), что любите другъ друга, а ты нынѣ меня ненавидишь и въ раю жити не водворяешь; или отрекися отъ писмъ руки своея, или вырви изъ книги листъ тотъ, который написалъ ты самъ!“ Отыде Иоаннъ Богословъ и сумнися о семъ человѣцѣ, и повелѣ апостолу Петру впустить его во царствiе небесное. — (Займствована изъ рукописи XVIII-го столѣтiя.)

23. Царевичъ Евстафій.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У него былъ молодой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни пировъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да водиться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцомъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій—просто расколотъ кряжъ на двое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить замокъ. Сдѣлали слесаря три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрятъ, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ наложена

всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался, и спрашиваетъ у царевича Евстафія: „что это за насмѣшка ты дѣлаешь?“ — „Государь батюшка! говоритъ царевичъ; ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ?“ Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на деревянной и смотрѣть не хотятъ. Евстафій-царевичъ говоритъ: „отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите что въ нихъ!“ Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли въ серебряной—и здѣсь тоже; открыли деревянной, а въ немъ растутъ древа съ плодами и листвіемъ, испускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградой. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія.—(Записана въ Саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля).

24. Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострада гордостію.

Бысть во градѣ Одиуанѣ царь, именемъ Аггей, славенъ зѣло. И по времени приключишася стояти ему въ церкви у божественныя литургіи и чтущу іерею святое евангеліе, егда іерей прочта строки евангельскія, внемлетъ писано: „богатіи обнищаютъ, а нищии обогатѣютъ!“ Слышавъ же то царь и возярился, и рече царь: „писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а не правда!“ И глаголетъ царь: „азъ есмь богатъ зѣло и славенъ; како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?“ Егда-жъ оттолы (?) ужаси наполнися, и повелѣ царь іерея посадити въ темницу, а листъ повелѣ изъ евангелія выдрать. И поиде царь въ домъ свой и нача пити и ясти и веселитися.

Видѣвша же царь въ полѣ оленя, поѣха ¹⁾ и взя съ собою юношѣвъ, и погна въ слѣдъ и хотѣ оленя уловити. Бѣ же олень прекрасенъ зѣло. Царь же рече отрокомъ своимъ:

¹⁾ Въ рукописи: „царь же поѣдиша“.

„стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя“. И погна въ слѣдъ олень поплы за рѣку. Царь привязалъ коня своего къ дубу, и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень всѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: „уплы олень за рѣку“—и поѣде ¹⁾ съ юношами во градъ свой ко царю. Царь же Аггей обратился взадъ на коня, и ни коня и ни платія не обрѣтаетъ, и ста нагъ и весьма задумался.

И поиде Аггей ко граду своему, и видѣ пастухѣвъ пасуща воловъ и вопроша у нихъ: „братія меньшая пастухи, гдѣ есть видѣли коня и платіе мое?“ Пастухи вопроша его: „кто еси ты?“ Онъ же рече имъ: „азъ есмь царь вашъ Аггей“. Пастухи же рѣша: „окаянный человѣкъ! какъ ты смѣши называтися царемъ? мы же видѣли царя Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ свой съ пяти(ю) юношами“. И нача его бранити бити кнутами и трубами (?), царь же нача плакати и рыдати. Пастухи отбиша его прочь, и пошедъ ко граду своему нагъ. И срѣтоша его торговыя люди града того и вопрошаа его: „человѣче, что еси нагъ?“ И онъ рече: „одежду мою пограбили разбойники“. Они же даша ему

¹⁾ Въ рук. прибавлено: „царь“.

одежду худую и раздраную. Онъ же взялъ и поклонился имъ, и поиде ко граду своему; и пришедши ко граду своему, попросися къ нѣкоей вдовѣ ночевать и нача ее вопрошати: „скажи, госпоже моя, кто есть у васъ царь?“ Она же отвѣщаша ему: „или ты не нашей земли человекъ?“ И сказа ему: „царь есть у насъ Аггей“. Онъ спроси: „сколько лѣтъ царствуетъ?“ Она же сказала ему: „35 лѣтъ“. Онъ же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою. Онъ же написася мужемъ ея царемъ Аггеемъ. И нападе на ню страхъ великъ; во страсть томъ нача говорити: „како сей убогій ¹⁾ человекъ нарицаетъ своею ми ²⁾ женою? аще сіе повѣдаетъ царь, повелитъ казнити“. И повелѣ бити его кнутомъ нещадно безъ царскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ же поиде изъ града, плача и рыдая, и воспоминавая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а нищія обогатѣютъ, и каяся о томъ попу, како похули святое евангеліе, и како іерея въ темницу посадилъ, и поидоша незнаемымъ путемъ. Царица рече являющемуся

¹⁾ Въ рукоп.: „убити“.

²⁾ Въ рукоп.: „нарицается ее ми“.

во образѣ царя ангелу: „ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши; како мнѣ пребывать мимо тебя?“ Царь же рече ей: „обѣщаніе дано Богу, что три года съ тобою не спать и постели не творить“—отыде отъ нея въ царскую свою палату.

Аггей царь прииде въ незнаемый градъ, на-
нялся у крестьянина работати въ лѣто; и работати крестьянскаго дѣла не умѣть, и крестьянинъ ему отказа. Онъ же нача плакати и рыдати, и поидоша путемъ отъ города того, и срѣтоша его на пути нищія. Онъ же рече имъ: „возьмите убо, братія, и меня съ собою; нынѣ человекъ убогъ, работать не умѣю, а просить не смѣю и стыжуся. Что ми велите, я у васъ стану тружда-
тися“. Они же поимше его съ собою и даша ему суму носити. Они же придоша къ ночлегу ночевати и повелѣ ему баню топити, и воду носити, и постелю стлати. Царь же Аггей возплакася горько: „увы мнѣ! что сотворилъ себѣ. Владыку прогнѣвалъ; самъ же царства своего лишился и погибель себѣ сотворилъ, а вся пострадалъ за слово евангельское!.. ¹⁾“. Заутра же возста нищіе и поидоша ко граду своему Филуану, и пришедши на царскій дворъ и нача милостыни просити. И

¹⁾ Въ рукоп. прибавлено: „а правда“.

бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити ¹⁾ довольно, и повелѣ взяти у нищихъ мѣхонюшу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И какъ пиръ у царя разошелся, и бояра и гости всѣ разошлася, ангелъ ²⁾ въ образѣ Аггея царя прииде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь съ нищими обѣдаетъ. „Вѣдаеши ли ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?“ И нача его учити и наказывати впредь евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быти ³⁾. — (Изъ собранія В. И. Дала, которому легенда эта, заимствованная изъ старой рукописи, доставлена изъ Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи).

¹⁾ Въ рукоп. вставлено здѣсь: „всѣмъ“.

²⁾ Въ рукоп. вмѣсто этого слова стоитъ: „царь“.

³⁾ Въ другомъ спискѣ ангелъ спрашиваетъ царя Аггея: „правду ли въ церкви поютъ: богатые обнищаютъ и вzialкаютъ?“ Царь говоритъ: „справедливъ этотъ стихъ; каждую службу велю его пѣть, лишь бы Господь меня простилъ“. Ангелъ отдалъ ему царское платье, и исчезъ. Царь Аггей опять сѣлъ на царство, разсказалъ свое похождение и заповѣдалъ всякую службу пѣть стихъ: богатые обнищаютъ и вzialкаютъ.

25. Смерть праведнаго и грѣшнаго.

Одинъ старецъ просилъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ праведники. Вотъ явился къ нему ангелъ и говорить: „ступай въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ праведники“. Пошелъ старецъ; приходитъ въ село и просится въ одинъ домъ ночевать. Хозяева ему отвѣчаютъ: „мы бы рады пустить тебя, старичекъ, да родитель у насъ боленъ, при смерти лежитъ“. Больной услышалъ эти рѣчи и приказалъ дѣтямъ впустить странника. Старецъ вошелъ въ избу и расположился на ночлегъ. А больной созвалъ своихъ сыновей и снохъ, сдѣлалъ имъ родительское наставленіе, далъ свое послѣднее на вѣки нерушимое благословеніе и простился со всѣми. И въ ту же ночь пришла къ нему Смерть съ ангелами; вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запѣли: „Иже херувимы“ и понесли въ рай. Никто того не могъ видѣть; видѣлъ только одинъ старецъ. Дождался онъ похоронъ праведника, отслужилъ панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть святую кончину.

Послѣ того просилъ старецъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ грѣшники; и былъ ему гласъ свыше: „Иди въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ грѣшники“. Старецъ пошелъ въ то самое село и выпросился переночевать у трехъ братьевъ. Вотъ хозяева воротились съ молотбы въ избу, и принялись всякъ за свое дѣло, начали пустое болтать да пѣсни пѣть; и невидимо имъ пришла Смерть съ молоткомъ въ рукахъ и ударила одного брата въ голову. „Ой голова болитъ!.. ой смерть моя..“ закричалъ онъ и тутъ-же померъ. Старецъ дождался похоронъ грѣшника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть смерть праведнаго и грѣшнаго.—(Записана въ Саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля).

26. Ангелъ.

795*

Родила баба двойни. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ назадъ къ Богу. „Что вынулъ душу? спрашиваетъ его Господь.—Нѣтъ, Господи! „Чтожъ такъ?“ Ангелъ сказалъ: „у той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ-же они станутъ питаться?“ Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его на двое. „Полѣзай туда!“ сказалъ Богъ ангелу; ангелъ полѣзъ въ трещину. „Что видишь тамъ? спросилъ Господь.—Вижу двухъ червячковъ. „Кто питаетъ этихъ червячковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ младенцевъ!“ И отнялъ Богъ у ангела крылья, и пустилъ его на землю на три года.

Нанялся ангелъ въ батраки у попа. Живетъ у него годъ и другой; разъ послалъ его попъ куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бросать въ нее камни, а самъ норовить, какъ-бы прямо

въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и принялись всѣ ругать его; чуть-чуть ни прибили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. „Что за балванъ такой! говорятъ прохожіе; на церковь камня швыряетъ, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ!..“ А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидѣлъ нишаго, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ—только дурить, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается. Сталъ попъ его допрашивать: „зачѣмъ де ты на церковь камня бросалъ, на кабакъ Богу молился! Говорить ему батракъ: „не на церковь бросалъ я камня, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божьимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее камнями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смертной гибели“.—А за что обляялъ убогаго? „Какой то убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по міру да собираетъ милостину: только у пря-

мыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и называлъ его попрошайкою“¹⁾.

Отжилъ батракъ свои три года. Попъ даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: „нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи меня“. Пошелъ попъ провожать его. Вотъ шли они-шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ попъ, кто служилъ у него цѣлыхъ три года.—(Записана издателемъ въ Воронежской губерніи, Бобровскомъ уѣздѣ).

^{1) Вариантъ:} Нанялся ангелъ у мужика три года работать, выработалъ три рубля, пошелъ на базаръ, купилъ калачей и роздалъ нищимъ. Видитъ онъ: ѣдутъ два мальчика и упали лицомъ на-земь, а послѣ набралъ камней и давай метать на избу. Вотъ стали его спрашивать: „скажи, человѣче, зачѣмъ ты лицомъ упалъ на-земь?“—А за тѣмъ, что ради этихъ мальчиковъ Богъ отнял у меня ангельскія крылья. „А зачѣмъ металъ на избу камня?“—За тѣмъ, что хозяева на ту пору обѣдали, и я отгонялъ отъ нихъ дьявола.

27. Кумова кровать.

Жили-были мужикъ да баба, у нихъ былъ сынъ. И такъ обѣдняли они, хоть по міру иди. Мужикъ думалъ-думалъ, что дѣлать, какъ хлѣба добывать?—и надумался: сталъ учиться колдовству, учился-учился, и таки выучился съ чертями водиться. Вотъ пришло ему время женить сына. „Дай, говоритъ онъ, пойду да сосватаю у своихъ пріятелей-чертей“. Пошелъ и сосваталъ за сына опившуюся дѣвку, что возитъ у чертей воду съ прочими опойцами. Дѣло сдѣлали, по рукамъ ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха въ богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали позыватыхъ звать гостей на пиръ, на веселье. Со всѣхъ сторонъ наѣхало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, ѣсть, веселиться. Сватъ съ самимъ сатаной въ передѣ ¹⁾ сидитъ. Вотъ начали молодые дары дарить. Сатана много на отдарье положилъ казны, и говоритъ свату: „ну, сватушка! подарилъ я молодого деньгами, подарю и слугою. Вишь, одинъ мужикъ

¹⁾ Передъ—передній уголь, почетное мѣсто въ избѣ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 155).

продалъ намъ своего сына и росписку на томъ далъ; коли хочешь, кумъ,—я тебѣ съ сыномъ подарю эту росписку?“ Кумъ билъ ему челомъ, а сатана созвалъ всѣхъ чертей и спрашиваетъ: у кого росписка? Указали на одного чорта, а тотъ знай себѣ запирается, не хочетъ отдавать росписки. Сатана приказалъ его раздѣть и бить за утайку желѣзными прутьями. Какъ ни били, какъ ни колотили его—не могли ничего сдѣлать, стоитъ на своемъ да и только. Сатана и крикнулъ: „тащите-ка его на кумову кровать!“ Чортъ такъ напугался, что сейчасъ-же досталъ росписку и отдалъ сатанѣ, а сатана куму. Вотъ сватъ и спрашиваетъ сатану: „какая это у васъ кумова кровать, что даже чортъ напугался?“—„Да такъ, кумъ, простая!“—„Какъ, кумъ, простая? нѣтъ, смотри, не простая!“—„Ну для тебя, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сдѣлана для насъ, чертей, и для нашихъ сродниковъ, сватовъ, кумовьевъ; она вся огненная, на колесахъ, и кругомъ вертится“. Сватъ убоялся, вскочилъ съ мѣста и давай Богъ ноги. А сатана вслѣдъ ему говоритъ: „куда, кумъ, торопишься? посиди, побесѣдуй съ нами. Да вѣдь не уйдешь отъ насъ; пожалуй, и притащутъ милаго!“—(Записана въ Саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля).

28. Грѣхъ и покаяніе.

а. Жила-была старуха, у ней были одинъ сынъ и одна дочь. Жили они въ превеликой бѣдности. Вотъ разъ какъ-то пошелъ сынъ въ чистое поле посмотрѣть на озимые всходы; вышелъ и осмотрѣлся кругомъ: стоитъ недалеко высокая гора, а на той горѣ на самомъ верху клубится густой дымъ. „Что за диво такое! думаетъ онъ; ужъ давно стоитъ эта гора, никогда не видать на ней и малаго дыма, а теперича, вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору“. Вотъ полѣзъ на гору, а она была крутая-крутая! —насилу взобрался на самой верхъ. Смотрить—а тамъ стоитъ большой котелъ полонъ золота. „Это Господь кладъ послалъ на нашу бѣдность!“ подумалъ парень, подошелъ къ котлу, нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать—какъ послышался голосъ: „не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!“ Оглянулся онъ назадъ—никого не видно, и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось! Опять нагнулся и только хотѣлъ набрать горсть изъ котла—какъ послышались тѣ-же самыя слова. „Что такое?

говорить онъ самъ себѣ, никого нѣтъ, а голосъ слышу!“ Думалъ-думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: „тебѣ сказано—не смѣй трогать! а коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото—твое будетъ!“

Воротился парень домой и крѣпко придумался. Мать и спрашиваетъ: „что съ тобой? ишь ты какой невеселой!“ Пристала къ нему, и такъ и сякъ подговаривается: сынъ не держалъ и признался про все, что съ нимъ было. Старуха какъ услыхала, что онъ нашелъ большой кладъ, съ того самого часу и зачала въ мысляхъ держать, какъ-бы ухитриться смутить сына да на грѣхъ навести. И въ первой таки праздникъ позвала къ себѣ куму, перемолвила съ нею и съ дочерью, и придумали онѣ вмѣстѣ напоить малаго пьянымъ. Принесли вина и ну его подчивать, вотъ онъ выпилъ рюмку, выпилъ и другую, и третью, и напился до того, что совсѣмъ позабылся и сотворилъ грѣхъ со всѣми тремя: съ матерью, сестрою и кумою. Пьяному море по колѣна; а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ,—такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы! „Ну, что-же, сынокъ, говоритъ ему старуха, о чемъ тебѣ печалиться? сту-

пай-ка на гору да таскай деньги въ избу“. Собрался парень, взошелъ на гору, смотритъ: золото стоитъ въ котлѣ нстронуту, такъ и блеститъ! „Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только-бъ грѣха избыть“. И слышался голосъ: „ну, что еще думаешь? теперича не бойся, бери смѣло, все золото—твое!“ Тяжело вздохнулъ парень, горько заплакалъ, не взявъ ни одной копѣйки и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Идетъ себѣ да идетъ дорогою, и кто ни встрѣтится—всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой; всякаго, кто только попадется на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ—тотчасъ убиваетъ до-смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, и всего—девяносто девять душъ; а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И пошелъ онъ въ темный дремучій лѣсъ, ходилъ-ходилъ, и увидалъ избушку—такая малая, тѣсная, вся изъ дерну складена; а въ этой избушкѣ спасался скитникъ. Вошелъ въ избушку; скитникъ и спрашиваетъ: „откуда ты, доброй человѣкъ, и чего ищешь?“ Разбойникъ рассказалъ ему. Скитникъ подумалъ и говоритъ: „много за

тобою грѣховъ, не могу наложить на тебя эпитимью!“—Коли не наложишь на меня эпитимьи, такъ и тебѣ не миновать смерти; я загубилъ девяносто девять душъ, а съ тобой ровно будетъ сто. Убилъ скитника и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и добрался до такого мѣста, гдѣ спасался другой скитникъ, и рассказалъ ему про все. „Хорошо, говоритъ скитникъ, я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?—Что знаешь, то и и приказывай, хоть камня грызть зубами—и то стану дѣлать!“—Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. „Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?“ А озеро-то было внизу горы, съ полверсты эдакъ. „Вижу“, говоритъ разбойникъ. „Ну, ползай же къ энтому озеру на колѣнкахъ, носи оттудова ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она пуститъ она отростковъ и ни вырастетъ отъ нее(я) яблоня. Вотъ когда вырастетъ отъ нее яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты тряхнешь ее, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на-земь: тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи“. Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спасаться по прежнему. А разбойникъ сталъ на колѣна, поползъ къ озеру и на-

бралъ въ ротъ воды, взлѣзъ на гору, полилъ головешку и опять поползъ за водою. Долго, долго эдакъ онъ потрудился; прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ—и пробилъ онъ колѣнками дорогу, по которой ползалъ, въ поясъ глубины, и дала головешка отростокъ. Прошло еще семь лѣтъ—и выросла яблоня, расцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости! „Ну, братъ, трясись теперь яблоню“. Тряхнулъ онъ дерево, и съ-разу осыпались всѣ до единого яблоки; въ ту-жъ минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

в. Была вдова, у ней было двое дѣтей: сынъ и дочь. Жили они въ большой бѣдности. Вотъ мать и надумалась отдать своего сына въ пастухи. Въ одно время пасъ онъ скотину въ лѣсу. И привезъ туда колдунъ возъ денегъ, вырылъ яму, вывалилъ въ нее деньги, забросалъ землею, и сталъ заклинать: „достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворить грѣхъ съ родной матерью, съ родной сестрою и съ кумою!“ Заклялъ и уѣхалъ. Пастухъ все это слышалъ; пригналъ скотину на село и рассказалъ про этотъ кладъ своей матери. Крѣпко польстилась она на деньги; вотъ на утро нарядилась она такъ, что и

признать ее нельзя, и пошла туда, гдѣ сынъ ея пасъ скотину; пришла и давай съ нимъ играть. Играла-играла и навела его на грѣхъ... На другой день нарядила она свою дочь, послала въ поле и наказала, что дѣлать. И эта играла-играла съ пастухомъ, и навела его на грѣхъ... Воротился сынъ домой. Вдова и говоритъ ему: „ступай, доставай кладъ!“—Ахъ, матушка, вѣдь я тебѣ сказывалъ, какой это кладъ: мнѣ онъ не дается! „Небось, дастся! вѣдь ты сотворилъ грѣхъ и со мною, и съ сестрою, а она тебѣ и сестра и кума вмѣстѣ; ты съ ней у сосѣда крестилъ“.—Ахъ, матушка, матушка! до чего ты меня довела? не хочу теперь съ вами жить, лучше пойду—куда глаза глядятъ! И только вышелъ сынъ за ворота и сдѣлалъ шаговъ десять, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ, изба вспыхнула и въ одну минуту сгорѣла вмѣстѣ съ его матерью и сестрою. Онъ еще пуше приунылъ и подумалъ про себя: „стало быть, я великой грѣшникъ передъ людьми и Богомъ!“

Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынникъ его и спрашиваетъ: „кто тамъ?“—Грѣшникъ, святой отче. „Подожди, молитву окончу“. Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ „куда Богъ несетъ? и что надобно?“ Разска-

залъ ему странникъ. „Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмолилъ его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи —тамъ живетъ пустынникъ старѣй меня вдвое; можетъ, онъ тебѣ и скажетъ“... Пошелъ странникъ дальше и дальше, приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. „Кто тамъ?“ спрашиваетъ онъ.—Грѣшникъ, святой отче! „Подожди, молитву окончу“. Окончилъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: что за грѣшникъ такой? Странникъ разсказалъ про все. „Если хочешь отмаливать свои грѣхи, сказалъ ему пустынникъ, такъ пойдемъ со мною“. Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: „свали-ка эту березу и разруби ее на три части“. Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли-горѣли, и остались только три малыя головешки. „Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!“ сказалъ пустынникъ и ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головешки ужъ пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: „Богъ простилъ тебѣ два грѣха—съ матерью и сестрою,

а третьяго—съ кумою—ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока ни станутъ всѣ овцы бѣлыми“. Погналъ грѣшникъ овецъ, пасетъ годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несетъ —только овцы все остаются черными.

Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человѣкъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. „Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человѣкъ ѣздитъ?“ Вышелъ на дорогу, подождаль немножко и видитъ: подъѣзжаетъ тотъ самый человѣкъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: „кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?“—Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсню пою! Не утерпѣлъ пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповаль. „Ахъ, что-же я надѣлалъ? говоритъ онъ, одного еще грѣха не отмолилъ, а ужъ другой грѣхъ нажилъ!“ Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ пустыннику и разсказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говоритъ: „это за тебя міръ умолилъ Бога!“—(Объ изъ собранія В. И. Паля).

29. Горькой пьяница.

Жиль-быль старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и поплелся во хмелю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку, подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрелъ по водѣ; только дошелъ до середины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай какъ звали!

Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, поплакалъ, отслужилъ за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: „кой чортъ тебя подъ ноги суетъ!“ Петруша услышалъ такія рѣчи и говорить: „здорово, тетка! куды путь держишь?“ — Въ церковь, родимой, Богу молиться. „Какъ-же тебѣ не грѣшно: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сва-

ливаешь“... Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возьмись — сталъ передъ нимъ молодецъ, поклонился и говорить: „спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!“ — Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. „Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово“. И началъ просить: „побывай де, Петруша, ко мнѣ въ гости; я тебя во-какъ награжу! и серебромъ и златомъ, всѣмъ надѣлю!“ — Хорошо, говоритъ Петруша, побываю. Дьяволъ рассказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шелъ-шелъ, цѣлыхъ три дня шелъ, и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: „зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй молодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ.“ Петруша рассказалъ ей, какъ и зачѣмъ попалъ въ этотъ дворецъ. „Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станеть давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери

а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возять. Этотъ конь—твой отецъ; какъ шелъ онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадейю, да и возять теперь на немъ дрова и воду!“ Тутъ пришелъ тотъ самый молодецъ, что звалъ Петрушу въ гости, и принялся угощать его всякими напитками и наѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой. „Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ, я наѣлю тебя деньгами и славною лошадейю, живо до дому доѣдешь“. — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить—подари ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возять. „Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околѣты!“—Все равно, подари; окромя ея, другой не возьму! Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду. Только заворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: „что досталъ лошадь?“—Досталъ. „Ну, доброй молодецъ, какъ придешь подъ свою деревню—сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову“. Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ

лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а на мѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горячими слезами и повелъ его въ свою избу; старикъ-атъ три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство, и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ.—
(Изъ собранія В. И. Даля).

30. Крестной отецъ.

„Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Стали они просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмортрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминѣ души. Создалъ имъ Господь дѣтище. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду и началъ просить въ кумовья: „пожалуй, говоритъ, приведи младенца въ крещеную вѣру“. Сосѣдъ отказался за тѣмъ, что мужикъ-то былъ очень бѣденъ. Пошелъ онъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню исходилъ, никто къ нему не идетъ въ кумовья. Что дѣлать? пошелъ мужикъ въ иную деревню. Идетъ путемъ дорогою, и попадаетъ ему на встрѣчу незнакомый старецъ. „Здорово, добрый человѣкъ! куда идешь, куда путь держишь?“—Здорово, дѣдушка! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на посмортрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминѣ души, да вотъ прилучилось какое горе: человѣкъ я бѣдной, никто и не идетъ ко мнѣ привести младенца

въ крещеную вѣру. „Возьми меня“— Мужикъ несказанно тому обрадовался и благодарствовалъ старику. „Ну, говоритъ старецъ, ступай теперь къ богатому купцу, проси дочь его въ крес(т)ныя матери“. — Ахъ, нарѣченной кумъ! какъ мнѣ къ купцу идти, онъ мною побрезгаетъ. „Не твоя печаль! ступай и проси. Да смотри, чтобы къ завтраму, къ утру, все было готово“. Бѣдной мужикъ воротился домой, запрегъ лошадь и поѣхалъ въ городъ къ богатому купцу. „Что надеть?“ спрашиваетъ купецъ.—Да вотъ, господинъ купецъ! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на посмортрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминѣ души. Пожалуй, отпусти свою дочь въ крес(т)ныя. „А когда у тебя крестины (крестины)?“—Завтра утромъ. „Ну, хорошо; ступай съ Богомъ, она пріѣдетъ“.

На другой день поутру пріѣхала кума, пришелъ и кумъ, и окрестили младенца. Распрошались и пошли по своимъ мѣстамъ. Сталъ младенецъ возрастать, да такой умной да доброй, всѣмъ сосѣдямъ на зависть. Отдали его учиться грамотѣ; которые учатся лѣтъ по пяти, а онъ всю науку въ годъ окончалъ, всѣхъ перегналъ! Пришла святая недѣля. Отслушалъ мальчикъ заутреню и раннюю обѣдню, сходилъ къ крес(т)ной матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ: „ба-тюшка и матушка! гдѣ живетъ мой крес(т)-

ной, я бы къ нему пошелъ, похристосовался?“ — Любезный сынъ, говорятъ они, мы и сами не знаемъ; какъ окрестилъ онъ тебя — съ той самой поры мы его и не видали, и ничего про него не слыхали. „Ну, батюшка и матушка! прощайте; пойду искать своего крес(т)наго“. И пошелъ онъ, куда глаза глядятъ; шелъ-шелъ, вышелъ въ чистое поле и повстрѣчался ему старецъ. „Здравствуй! говорить старецъ, куда идешь, куда путь держишь?“ — Здорово, дѣдушка! иду искать крес(т)наго. „Я твой крес(т)ной, говоритъ старикъ; пойдемъ со мною“. А старикъ-то былъ самъ Господь, и повелъ онъ своего крестника въ царство небесное; привелъ и приказываетъ: „смотри, крестникъ! по всѣмъ палатамъ гуляй, не входи только въ эту дверь“. Сказалъ и ушелъ отъ него; остался мальчикъ одинъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ по всѣмъ палатамъ и вздумалъ себѣ: отъ чего такъ не велѣлъ мнѣ крес(т)ной входить въ эту комнату? дай пойду посмотрю—что тамъ такое? Вошелъ и увидѣлъ тамъ разбойника, а передъ нимъ на колѣняхъ стоитъ человекъ; жалко ему стало того человека, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника. Вдругъ является Господь. „Не послушалъ, говоритъ, ты моего приказанія! Этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человекъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай-же на землю и

трудись, пока грѣховъ своихъ не замолишь!“ Указалъ ему Господь дорогу: „иди вотъ по этой дорогѣ; будутъ тебѣ на пути два озера, по поясъ глубины отъ берега до берега; смотри-же не пей изъ нихъ воды, а коли напьешься—на вѣкъ погибнешь“.

Пошелъ мальчикъ путемъ-дорогою; шелъ-шелъ и пришелъ къ первому озеру. Сталъ переходить на другой берегъ, добрался ужъ до середины, и захотѣлось ему пить; такая жажда напала, что утерпѣть не въ моготу. Началъ онъ молиться Богу, и вздумалъ помочить голову водою; помочилъ—и сдѣлалось ему легче. Вышелъ онъ на другую сторону, глянулъ въ воду и видитъ, что на головѣ у него волосы стали серебряные. Пустился дальше въ путь-дорогу, пришелъ къ другому озеру, сталъ перебираться на тотъ берегъ, добрался до середины, и опять напала на него жажда: такъ бы вотъ и испилъ! Началъ онъ Богу молиться, и опять вздумалъ помочить голову водою; помочилъ—и сдѣлалось ему гораздо полегче. Вышелъ на берегъ, глянулъ въ воду и увидѣлъ на своей головѣ золотые волосы. Пустился дальше; шелъ-шелъ, пришелъ въ большой городъ, купилъ на рынкѣ воловій пузырь и надѣлъ его на голову; измарался весь грязью и замѣшался межъ поденщиками! Пришелъ на рынокъ царской садовникъ, забралъ всѣхъ

поденщиковъ; одного его не беретъ на работу. „Чтожъ ты меня не возмешь?“—Да ты кто? „Я—Иванъ Шолудивый, садовникъ.“—Ну, коли ты садовникъ, мнѣ такихъ и надо. И повелъ его прямо къ царю въ садъ. Раздалъ всѣмъ поденщикамъ работу; остался одинъ Иванъ Шолудивый. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому лѣтъ ужъ десять; привелъ онъ его къ этой яблони и говорить: „вотъ тебѣ работа, привей эту яблоню“. Иванъ Шолудивый взялъ ножикъ и привилъ яблоню; она сейчасъ принялась, расцвѣла и принесла такія же славныя яблоки, какія и прежде давала. Какъ увидалъ то садовникъ—вздивовался; къ вечеру расчиталъ онъ всѣхъ поденщиковъ, а Ивана Шолудиваго оставилъ при себѣ: „живи, братъ, у меня; ты мнѣ нуженъ!“ Живетъ Иванъ Шолудивый у царя въ саду, ни съ кѣмъ дружбы не сводить, не гуляетъ, а все Богу молится. Разъ поутру всталъ онъ рано и пошелъ прямо къ колодезю, скинулъ съ головы воловій пузырь и давай умываться; умылся и началъ расчесывать свои золотыя кудри. Увидала его изъ окна меньшая царевна и такъ полюбила, что и во снѣ и на яву—все его видитъ.

Вотъ собрались царевны, пришли къ своему родителю и пали въ ноги: „не прикажи, говорятъ, казнить; прикажи рѣчь говорить“.—

Говорите, любезныя дочери! „Милосливой батюшка! мы уже въ совершенныхъ лѣтахъ, пора намъ выходить замужъ.“—Ладно, говорить царь и разослалъ по всѣмъ царствамъ, по всѣмъ государствамъ, чтобы со всѣхъ сторонъ съѣзжались женихи: цари и царевичи, короли и королевичи, и могучіе богатыри. Съѣхались женихи, пошелъ пиръ на весь міръ ¹⁾. Вотъ царь всталъ и говорить своей большой дочери: „ступай, дочь любезная! выбирай себѣ жениха“. Выбрала большая царевна; послѣ того пошла средняя царевна—и та выбрала себѣ жениха. „Ну, выбирай ты!“ говоритъ царь меньшей царевнѣ. Она взяла налила чарку водки и говорить: „кто эту чарку выпьетъ, тотъ и женихъ мой будетъ!“ Поднесла чарку прямо къ Ивану Шолудивому, поклонилась ему и подчуешь: „ну, нареченный супругъ, кушай на здравіе!“ У царя ни пиво варить, ни вино курить, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Повѣнчали царевенъ. Вотъ старшія сестры и смѣются надъ меньшою: твой же мужъ какъ есть дуракъ!—Вамъ что за нужда? отвѣчаетъ царевна, вить не вамъ съ дуракомъ жить!

Жили они долго ли, коротко ли; напалъ на то царство сильный непріятель. Собра-

¹⁾ Вар. „пошелъ пиръ горою“.

лись старшіе зятѣя и поѣхали сражаться. А Иванъ Шолудивый вышелъ въ чистое поле, свиснулъ-крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: „эй ты, сивка бурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травой!“ Откуда не взялся конь, сталъ передъ нимъ какъ вкопанный. Надѣлъ онъ на себя платье богатырское, сѣлъ на коня, ударилъ по крутымъ бедрамъ, и понесся на непріятеля, словно соколъ на гусей и лебедей, и сталъ побивать направо и налево. Только самого его ранили въ лѣвую руку; увидала то меньшая царевна, взяла платокъ и перевязала ему руку. Опять поѣхалъ Иванъ Шолудивый и перебилъ до чиста все войско непріятельское; воротился въ царскій садъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Увидала его царевна и спознала, кто таковъ богатырь былъ; сказала царю—тотъ такъ обрадовался, что на радостяхъ отдалъ ему половину царства; и стали они себѣ жить-поживать, да добра наживать.—(Изъ собранія В. И. Даля).

31. Кузнецъ и чортъ.

Жилъ-былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда, и видитъ: нарисованъ чортъ, да такой страшной—чорной, съ рогами и съ хвостомъ. „Ишь какой!“ подумалъ онъ, „дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ“. Вотъ и нанялъ маляра, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь въ точь такого, какого видѣлъ въ церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: „здорово, землякъ!“ А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и примется за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ; потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, принялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Придетъ ли поутру въ кузницу—съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возь-

метъ самой что ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ черта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ—сходитъ онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а къ чорту прійдетъ и плюнетъ въ глаза. Прошли цѣлые три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣлъ, терпѣлъ чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія: не въ моготу стало. „Полно, думаетъ, принимать мнѣ отъ него такое наругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю“.

Вотъ обернулся чертъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. „Здравствуй, дядя!“—Здорово. „А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? буду тебѣ хоть уголя таскать да мѣха раздувать.“ Кузнецъ тому и радъ: „отчего не взять! вдвоемъ все спорѣй...“ Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ не идетъ въ кузницу—надѣется на работника: онъ всѣмъ управитъ. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ—ѣдетъ мимо старая

барыня, высунуль голову изъ дверей и давай кричать: „эй, господа! вы пожалуйста сюда; здѣсь новая работа открывается, старые въ молодыхъ передѣлываются“. Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. „Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли? да съумѣешь ли?“ спрашиваетъ парня.—Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой; коли-бъ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы. „А что стоитъ?“ спрашиваетъ барыня.—Да всего пятьсотъ рублей. „Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодук.“ Нечистой взявъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: „ступай, говоритъ, притащи сюда два ушата молока“; а самоѣ барыню схватилъ клещами за ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю до чиста: только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадушку, собралъ всѣ косточки и побросалъ въ молоко. Глядь—минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Сѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ уставилъ на нее глаза и не узнаетъ своей жены. „Что глаза-то выпучилъ? говоритъ барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ-же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекуютъ въ моло-

даго... а то и знать тебя не хочу!.. Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотритъ—нѣту работника; искалъ-искалъ его, спрашивалъ-спрашивалъ—нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Приѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: „сдѣлай, говоритъ, изъ меня молодого“.—Въ умѣ ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодого? „Ну, тамъ какъ знаешь!“—Я ничего не знаю. „Врешь, мошенникъ! коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня; а то мнѣ житья отъ нея не будетъ...“—Да я твоей барыни и въ глаза-то не видалъ. „Все равно твой работникъ видѣлъ. Если онъ съумѣлъ дѣло совершить, такъ ты, старой мастеръ, и подавно долженъ умѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то быть худу: попробуешь у меня безрезовой бани.“ Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Распросилъ потихоньку у кучера, какъ и что сдѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: куда не шло! стану тоже дѣлать; попаду на ладъ—хорошо, не попаду—все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина до нага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнъ и давай подувать мѣхами; сжегъ всего въ пепелъ. По-

слѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ—скоро ли выскочить оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ, и другой—нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадушку—однѣ косточки плаваютъ, и тѣ обгорѣлыя... А барыня шлетъ пословъ въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдный кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; поминайте, какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано сдѣлано. Побѣжали слуги въ кузницу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что у кузнеца жилъ въ работникахъ, и спрашиваетъ: „куда ведутъ тебя, хозяинъ?—Хотятъ повѣсить, отвѣчалъ кузнецъ, и рассказалъ все, что съ нимъ сталося. „Ну, дядя! молвилъ нечистый, поклянись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую-же честь держать, какую твой отецъ держалъ,—и баринъ сейчасъ будетъ и живъ и молодъ.“ Кузнецъ забожился, заклился, что никогда не подыметъ на черта молота, а будетъ отдавать ему всякую почесть. Тутъ работникъ побѣжалъ въ кузницу и наскоро воротился оттуда вмѣстѣ съ

бариномъ: „стой, кричитъ слугамъ, не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!“ Они сейчасъ развязали веревки и отпустили кузнеца на всѣ на четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его молотомъ, работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живутъ, коли не умерли.—(Изъ собранія В. И. Даля).

32. Волкъ.

Дѣло было въ старину, когда еще Христосъ ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идутъ они дорогою, идутъ широко; попадается на встрѣчу волкъ и говоритъ: „Господи! мнѣ ѣсть хочется!“—Поди, сказалъ ему Христосъ, съѣшь кобылу. Волкъ побѣжалъ искать кобылу; увидѣлъ ее, подходитъ и говоритъ: „кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть“. Она отвѣчаетъ: „ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено: у меня на то есть видъ (паспортъ), только далеко забить“.—Ну, покажи! „Подойди поближе къ заднимъ ногамъ“. Волкъ подошелъ; она какъ треснетъ его по зубамъ задними копытами, ажно (такъ что) волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: „Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!“—Ступай, съѣшь барана. Волкъ побѣжалъ къ барану; прибѣжалъ и говоритъ: „баранъ! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ“.—Пожалуй, съѣшь! да ты стань подъ горою да разинь свою пасть, а я

стану на горѣ, разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу! Волкъ сталъ подѣ горю и разинулъ пасть; а баранъ какъ разбѣжится съ горы, да какъ ударить его своимъ бараньимъ лбомъ: бацъ! Сшибъ волка съ ногъ, да самъ и ушелъ. Волкъ всталъ, глядитъ на всѣ стороны: нѣтъ барана,

Опять отправился съ жалобой; приходитъ ко Христу и говорить: „Господи! и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совсѣмъ не убилъ!“ — Поди, сказалъ Христосъ; съѣшь портного. Побѣждалъ волкъ; попадаетъ ему на встрѣчу портной. „Портной! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ“. — Погоди, дай хоть съ родными проститься. „Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься“. — Ну, что дѣлать! такъ и быть, съѣшь. Дай только я тебя смѣряю: влѣзу-ли еще въ тебя-то? „Смѣрай!“ говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, завилъ хвостъ за руку, и давай съраго утюжить (бить). Волкъ бился-бился, рвался-рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги. Бѣжитъ что есть силы, а на встрѣчу ему семь волковъ. „Постой! говорятъ; что ты, сърой, безъ хвоста?“ — Портной оторвалъ. „Гдѣ портной?“ — Вонъ идетъ по дорогѣ. „Давай нагонять его“, и пустились за портнымъ. Портной услышалъ погоню, видитъ — что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самый верхъ, и сидитъ. Вотъ волки

прибѣжали и говорятъ: „станемъ, братцы, доставать портного; ты, кургузой (безхвостый), ложись подѣ-исподѣ, а мы на тебя, да другъ на дружку устанемъ, — авось достанемъ!“ Кургузой легъ на-земь, на него сталъ волкъ, на того другой, на другого третій, все выше и выше; ужъ послѣдній взлѣзаетъ. Видитъ портной бѣду неминуемую: вотъ-вотъ достанутъ! и закричалъ сверху: „ну, ужъ никому такъ не достанется, какъ кургузому!“ Кургузой какъ выскочить изъ-подъ низу да бѣжать! Всѣ семеро волковъ попадали на-земь, да за нимъ въ догонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летятъ. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой. — (Изъ собранія В. И. Даля).

33. Пѣтухъ и жорновки ¹⁾.

Жиль да былъ себѣ старикъ со старухой, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха запримѣтила и говорить: „старикъ! надобно полѣ-та прорубить; пускай дубъ ростетъ выше; какъ вырастетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ избѣ рвать“. Старикъ прорубилъ полѣ; дерево росло-росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ; дерево все ростетъ да ростетъ, и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо ¹⁾. Хо-

¹⁾ Ручная мельница.

¹⁾ *Вариантъ:* Жиль себѣ дѣдъ да баба, разъ ѣли они горохъ и уронили подъ полъ одну горошину. Стала она расти, росла-росла, и выросла до самого потолка. Дѣдъ разобралъ и крышу, и потолокъ, а горошина взяла расти до самого неба. Полѣзъ дѣдъ на небо.

дилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенекъ, маслена головка, и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-атъ долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы и спустился въ избу. Спустился и говоритъ; „какъ намъ, старуха быть, что намъ ѣсть?“—Постой, молвила старуха, я попробую жорновцы. Взяла жорновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что ни повернетъ — все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Ѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старухой въ хату. „Нѣтъ ли спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?“ Старуха говоритъ: „чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блинковъ?“ Взяла жорновцы и намолотила: нападали блинны да пирожки. Проѣзжій поѣлъ и говоритъ: „продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы“.—Нѣтъ, говоритъ старушка, продать нельзя. Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увѣдали старикъ со старухой, что украдены жорновцы, стали горе горевать. „Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенекъ; я полечу, догоню!“ Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: „кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!“ бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! Какъ услышалъ баринъ, сейчасъ призываетъ: „эй, малой! возьми-брось его въ воду“.

Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: „носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду“ — и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; утѣлся на балконъ и опять кричить: „кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!“ Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь — прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: „носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду“ — и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричить: „кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!“ бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! Гости услышали это и побѣгли изъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ — золотой гребенекъ схватилъ жорновцы, да и улетѣлъ съ ними. — (Записана издателемъ въ Воронежскомъ уѣздѣ).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Чудесная молотба.

Въ изданіи Вольфа „Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde“ (т. I, вып. I, стр. 41—42) напечатана совершенно сходная съ записанною мною легенда: „Wie Petrus dreschen sollte, „но съ слѣдующимъ характеристическимъ дополненіемъ въ началѣ. Однажды Христосъ съ апостоломъ Петромъ, странствуя по землѣ, пришли поздно вечеромъ къ крестьянину и попросились у него переночевать. Мужикъ пустилъ ихъ, но съ условіемъ, чтобы утромъ слѣдующаго дня пособили ему молотить. Рано проснулся онъ и велѣлъ будить странниковъ и звать на работу. „Petrus wollte hinabsteigen, aber der Herr hiess ihn ruhig liegen bleiben. Da währte dem Bauern die Sache zu lang, er stieg mit einem Stock die Leiter hinauf und schlug herzhafte auf den Petrus los, welcher vorn lag. Doch als er wieder unten war, hatte er gut warten und rufen, die Fremden kamen nicht. Petrus dachte in dessen: „wenn er wieder kommt, soll er mich nicht mehr vorn finden“ und verkroch sich hinter den Herrn; der Bauer aber kam zum zweitenmale mit dem Stock, sprach: „der vorn

liegt, hat sein Theil, er muss hartschlägig sein, nun gehts an den andern“ — und gab armem Petrus ein zweites Frühstück, noch kräftiger als das erste.“ Слѣдуетъ чудесная молотба огнемъ, какъ и въ русской легендѣ. Когда таинственные странники распростились съ хозяиномъ и отправились въ свой путь, апостолъ Петръ сталъ жаловаться на жестоко-сердіе крестьянина; „оборотись!“ сказалъ ему Господь. Въ то время они взошли на холмъ; апостолъ взглянулъ назадъ: весь дворъ и изба крестьянина стояли въ пламени. (См. еще Zeitschrift für Deutsche Mythologie, т. I, вып. 4, стр. 471—2; т. II, вып. 1, стр. 13—16; т. IV, вып. 1, стр. 50—54). Подобный рассказъ можно слышать и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Приводимъ здѣсь вариантъ, записанный П. И. Якушкинымъ въ Орловскомъ уѣздѣ:

Въ одну зимнюю ненастную ночь шелъ по дорогѣ Иванъ Милостивой съ двѣнадцатью апостолами. Въ полѣ ночевать было холодно: они и постучались къ одному мужику: „пусти обогрѣться!“ Мужикъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ, да потомъ согласился и пустилъ съ условіемъ, чтобы завтра чуть свѣтъ обмолотили ему три копны ржи. На утро хозяинъ толкнулъ Ивана Милостиваго, а онъ вмѣстѣ съ апостолами лежалъ на полу: „пора молотить, собирайтесь!“ Толкнулъ и по-

шелъ на дворъ. Вотъ апостолы поднялись было и хотѣли идти на гумно; да Иванъ Милостивой уговорилъ ихъ еще немного поспать. Мужикъ ждалъ-ждалъ, нѣтъ помощниковъ! Взялъ кнутъ, пошелъ въ избу и давай стегать крайняго, а крайній-то былъ Иванъ Милостивой. „Полно! закричалъ Иванъ Милостивой, въ слѣдъ за тобою иду.“ Мужикъ ушелъ. Апостолы опять было поднялись; но Иванъ Милостивой снова уговорилъ ихъ остаться и еще хотѣлъ немного отдохнуть. „Будетъ съ него! молвилъ онъ, отстегалъ кнутомъ, теперь больше не прійдетъ.“ А у самого на умѣ: „какъ прійдетъ мужикъ, опять примется за крайняго!“ и залѣзъ на самой задъ. Мужикъ ждалъ-ждалъ, воротился въ избу съ кнутомъ и думаетъ самъ съ собою: „за что-жъ я буду бить одного крайняго? сѣмъ ка примусь за задняго!“—и принялся за Ивана Милостиваго. Только ушелъ мужикъ, Иванъ Милостивой и въ третій разъ уговорилъ апостоловъ не вставать на работу, а самъ залѣзъ въ середину. Вотъ хозяинъ ждалъ-ждалъ, не дождался, и снова пошелъ въ избу съ кнутомъ; пришелъ и думаетъ: „крайнему уже досталось, заднему тоже, примусь-ка теперь за середняго!“ И опять-таки досталось Ивану Милостивому. Нечего дѣлать, поднялся онъ, и самъ началъ просить апостоловъ, чтобъ шли помогать мужику.

3. Бѣдная вдова.

Въ этой легендѣ замѣчательно представле-
ніе будущей жизни, предназначенной для
добродѣтельныхъ и злыхъ. (См. также ле-
генду „Пустынникъ“ подъ № 21). Первыхъ
ожидаетъ такое полное блаженство, что вре-
мя для нихъ какъ-бы перестанетъ существо-
вать; годъ пролетитъ, какъ единая минута.
Тѣ же представленіе встрѣчаемъ и въ дру-
гихъ народныхъ сказаніяхъ (смотри вариан-
ты къ легендѣ „Христосъ братецъ“). Валах-
ская легенда (Walachische Märchen, № 2)
разсказываетъ о дѣвочкѣ, которую взяла съ
собою Св. Дѣва. „Гдѣ ты была?“ спрашива-
етъ ее однажды Св. Дѣва. — Я пробыла одинъ
день въ раю, отвѣчаетъ дѣвочка: „Не одинъ
день, а цѣлый годъ пробыла ты!“ Въ дру-
гой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣ-
ва: „гдѣ ты была?“ — Я пробыла одинъ часъ
въ раю. „Не часъ, а три человѣческихъ жиз-
ни.“ Въ третій разъ спрашиваетъ Св. Дѣва,
и на отвѣтъ дѣвочки: „я на мгновенье по-
бывала на небѣ“ — замѣчаетъ: „ошибаешься,
дитя! не мгновенье, а полвѣчности пробыла

ты въ жилищѣ блаженныхъ“. (Сличи съ
разказомъ, напечатаннымъ въ Српск. народ.
приповѣстк., № 17, стр. 113—4). На одной
лубочной картинѣ изображено сказаніе о
старцѣ, который молилъ Бога, чтобъ даро-
вать ему извѣдать сладость блаженства пра-
ведныхъ; Богъ услышалъ его молитву: разъ
старецъ заслушался пѣнія райской птички:
слушалъ, слушалъ, и триста лѣтъ проне-
слись для него, какъ три часа. У народовъ
романскихъ есть такое-же преданіе о пустын-
никѣ, который заслушался въ лѣсу соловья,
впалъ въ сладкое забытіе на цѣлыя сто
лѣтъ, и когда очнулся — все для него было
ново и незнакомо.

Въ легендѣ о бѣдной вдовѣ разсказывается
чудо, какъ Господь одною малою краюшкою
хлѣба накормилъ двѣнадцать апостоловъ, и
еще ломти остались. Для сравненія съ этимъ
сказаніемъ приводимъ слѣдующее любопыт-
ное мѣсто изъ легенды: Christus in der Bau-
ershütte, записанной въ Буковинѣ: Хри-
стосъ посѣтилъ хижину крестьянина. Здѣсь
встрѣтила его совершенная нищета. Малень-
кія дѣти съ плачемъ просили у матери хлѣ-
ба, но у бѣдной женщины не было ни кро-
шки. Въ горѣ она развела на очагѣ огонь,
принесла со двора кусокъ коровьяго навозу
(Kuhmist) и посадила его въ печь, чтобы
хоть этимъ утолить дѣтскій голодъ. Черезъ

полчаса вынула она свою стряпню; но какъ изумилась, когда увидѣла, что коровій навозъ превратился въ прекрасный питательный хлѣбъ! Стала крестьянка одѣлять своихъ дѣтей,—и совершилось другое чудо: какъ много ни отламывала она отъ хлѣба, всякой разъ столько-же вновь его вырастало. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что гостемъ ея былъ самъ Господь; она пала къ стопамъ Спасителя и пролила благодарныя слезы (*Zeitschrift für Deutsche Mythologie* etc., т. I., вып. 4, стр. 472),

4. Исцѣленіе.— 5. Попъ-завидушіе глаза.

Въ собраніи народныхъ сказокъ В. И. Даля находится еще слѣдующій списокъ этой интересной легенды:

Жилъ-былъ попъ; приходъ у него былъ большой и богатый, набралъ онъ много денегъ и понесъ прятать въ церковь; пришелъ туда, поднялъ половицу и спряталъ. Только понамарь и подсмотри это; вынулъ потихоньку поповскія деньги и забралъ себѣ все до единой копѣйки прошло съ недѣлю; захотѣлось попу посмотреть на свое добро, пошелъ въ церковь, приподнялъ половицу, глядь—а денегъ то нѣту! Ударился попъ въ большую печаль; съ горя и домой не воротился, а пустился странствовать по бѣлу свѣту—куды глаза глядятъ.

Вотъ шелъ онъ, шелъ, и повстрѣчалъ Николу-угодника; въ то время еще святые отцы по землѣ ходили и всякія болѣзни исцѣляли. „Здра(в)ствуй, старче!“ говоритъ попъ. — „Здраствуй! куда Богъ несетъ? „Иду, куда

глаза глядятъ!“—Пойдемъ вмѣстѣ. „А ты кто таковъ?“—Я Божій странникъ. „Ну, пойдемъ“. Пошли вмѣстѣ по одной дорогѣ; идутъ день, идутъ и другой; все прѣли, что у нихъ было. Оставалась у Николы-угодника одна просвирка; попъ утащилъ ее ночью и съѣлъ¹⁾. „Не взялъ ли ты мою просвиру?“ спрашиваетъ по утру Никола-угодникъ у попа; „нѣтъ, говоритъ; я ее и въ глаза не видалъ!“—Ой взялъ! признайся, братъ. Попъ заклился-забожился, что не бралъ просвиры.

„Пойдемъ теперь въ эту сторону, сказалъ Никола-угодникъ; тамъ есть баринъ, три года бѣснуется, и никто не можетъ его вылечить; возьмемся-ка мы лечить“.—Что я за лекаръ! отвѣчаетъ попъ, я этого дѣла не знаю. „Ничего, я знаю; ты ступай за мной, что я буду говорить—то и ты говори“. Вотъ пришли они къ барину. „Что вы за люди?“ спрашиваютъ ихъ. —Мы знахари, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. —Мы знахари, повторяетъ за нимъ попъ. „Умѣете лечить?“—Умѣемъ, говоритъ Никола-угодникъ. — Умѣемъ, повторяетъ попъ

¹⁾ *Вариантъ:* Пошли вмѣстѣ. У Николы-угодника былъ мѣшокъ съ лепешками. „Дай я понесу“, вызвался попъ.—Возьми, неси! Ночью попъ прѣлъ всѣ лепешки, а въ мѣшкѣ дыру прорвалъ. Утромъ на другой день говоритъ Никола: „давай позавтракаемъ“. —Да чего завтракать-та? „А лепешки гдѣ?“—Вишь дыра въ мѣшкѣ, всѣ по дорогѣ разсыпались.

„Ну, лечите барина“. Никола-угодникъ приказалъ истопить баню, и привести туда барина. Сейчасъ истопили баню и привели туда больного. Говоритъ Никола-угодникъ попу: „руби ему правую руку“.—На что рубить? „Не твое дѣло! руби прочь“. Попъ отрубилъ барину правую руку. „Руби теперь лѣвую ногу“. Попъ отрубилъ и лѣвую ногу. „Клади въ котелъ и мѣшай“. Попъ положилъ въ котелъ и давай мѣшать. Тѣмъ временемъ посылаетъ барыня своего слугу: „поди, посмотри, что тамъ надъ бариномъ дѣется?“ Слуга сбѣгалъ въ баню, посмотрѣлъ и докладываетъ, что знахари разрубили барина на части и варятъ въ котлѣ. Тутъ барыня крѣпко осерчала, приказала поставить висѣлицу и долго не мѣшкая повѣсить обоихъ знахарей. Поставили висѣлицу и повели ихъ вѣшать. Испугался попъ, божится, что онъ никогда не бывалъ знахаремъ и за леченье не брался, а виновать во всемъ одинъ его товарищъ. „Кто васъ разберетъ! вы вмѣстѣ лечили“.—Послушай, говоритъ попу Никола-угодникъ; послѣдній часъ твой приходитъ, скажи передъ смертью: вѣдь ты укралъ у меня просвиру? „Нѣтъ, увѣряетъ Попъ, я ее не бралъ“.—Такъ-таки и не бралъ? „Ей Богу не бралъ!“—Пусть будетъ по твоему. Постойте, говоритъ слугамъ; вонъ идетъ вашъ баринъ. Слуги оглянулись, и видятъ: точно идетъ баринъ,

и совершенно здоровой ¹⁾. Барыня тому обрадовалась, наградила лекарей деньгами и отпустила на всѣ на четыре стороны.

Вотъ они шли-шли, и очутились въ другомъ государствѣ; видятъ—по всей странѣ печаль великая, и узнаютъ, что у тамошняго царя дочь бѣснуется. „Пойдемъ царевну лечить“, говоритъ попъ. — Нѣтъ, братъ, царевны не вылечишь. „Ничего, я стану лечить, а ты ступай за мной; что я буду говорить—то и ты говори“. Пришли во дворецъ. „Что вы за люди?“ спрашиваетъ стража. — Мы знахари, говоритъ попъ; хотимъ царевну лечить. Доложили царю; царь позвалъ ихъ передъ себя и спрашиваетъ: „точно ли вы знахари?“ — Точно знахари, отвѣчаетъ попъ. Знахари, повторяетъ за нимъ Никола-угодникъ. „И беретесь царевну вылечить?“ — Беремся, отвѣчаетъ попъ. — Беремся, повторяетъ Никола-угодникъ. „Ну, лечите.“ Заставилъ попъ истопить баню и привести туда царевну. Какъ сказалъ онъ, такъ и сдѣлали: привели царевну въ баню. „Руби, старикъ, ей правую руку“, говоритъ попъ. Никола-угодникъ отрубилъ царевнѣ правую руку. „Руби теперь лѣвую ногу“. Отрубилъ

¹⁾ *Вавіантъ*: Взялъ Никола-Угодникъ, разсѣкъ больного на мелкія части, вымылъ ихъ въ теплой водѣ, сложилъ опять вмѣстѣ, дунулъ и сказалъ: „встань во имя Господне!“ Больной всталъ здоровымъ и невредимымъ. Странниковъ наградили, и пошли они дальше...

и лѣвую ногу. „Клади въ котелъ и мѣшай“. Положилъ въ котелъ и принялся мѣшать. Посылаетъ царь узнать, что сталося съ царевною. Какъ доложили ему, что сталося съ царевною, гнѣвенъ и страшенъ сдѣлался царь, въ ту-жъ минуту приказалъ поставить висѣлицу и повѣсить обоихъ знахарей. Повели ихъ на висѣлицу. „Смотри-же, говоритъ попу Никола-угодникъ, теперь ты былъ лекаремъ, ты одинъ и отвѣчай“. — Какой я лѣкарь! и сталъ сваливать свою вину на старика, божится и клянется, что старикъ всему злу затѣйщикъ, а онъ не причастенъ. „Что ихъ разбирать! сказалъ царь, вѣшайте обоихъ“. Взялись за попа за перваго; вотъ ужъ петлю готовятъ. „Послушай, говоритъ Никола-угодникъ: скажи передъ смертію: вѣдь ты укралъ просвиру?“ — Нѣтъ, ей Богу не бралъ! „Признайся, спрашиваетъ; коли признаешься—сейчасъ царевна встанетъ здоровою, и тебѣ ничего не будетъ“. — Ну, право-же, не бралъ! Ужъ надѣли на попа петлю и хотятъ подымать; „постойте, говоритъ Никола-угодникъ, вонъ ваша царевна“. Смотрятъ—идетъ она совсѣмъ здоровая, какъ ни въ чемъ не бывала. Царь велѣлъ наградить знахарей изъ своей казны и отпустить съ миромъ. Стали одѣлять ихъ казною; попъ набилъ себѣ полные карманы, а Никола-угодникъ взялъ одну горсточку.

Вотъ пошли они въ путь дорогу: шли-шли

и остановились отдыхать. „Вынимай свои деньги, говоритъ Никола-угодникъ; посмотримъ у кого больше“. Сказалъ и высыпалъ свою горсть; зачалъ высыпать и попъ свои деньги. Только у Николы-угодника куча все растетъ да растетъ, все растетъ да растетъ; а попова куча ни мало не прибавляется. Видитъ попъ, что у него меньше денегъ, и говоритъ: „давай дѣлиться“. — Давай! отвѣчаетъ Никола-угодникъ, и раздѣлилъ деньги на три части: „эта часть пусть будетъ моя, эта твоя, а третья тому, кто просвиру укралъ“. — Да вѣдь просвиру-то я укралъ, говоритъ попъ. „Эка какой ты жадной! два раза вѣшать хотѣли — и то не покался, а теперь за деньги признался! Не хочу съ тобой странствовать, возьми свое добро и ступай одинъ, куда знаешь“.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эта самая легенда рассказывается съ тою отмѣною, что вмѣсто Николы-угодника странствуетъ съ попомъ самъ Господь въ образѣ старца.

Въ изданіи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 81: „Bruder Lustig“; ч. III, стр. 129—131) подобная-же легенда рассказываетъ о странствованіи апостола Петра вмѣстѣ съ солдатомъ. Св. Петръ исцѣляетъ больныхъ и воскрешаетъ королевну: когда привели его къ одру усопшей, онъ приказалъ принести котель воды и выслалъ изъ комнаты всѣхъ домашнихъ. Тогда рознялъ онъ всѣ

члены умершей на составныя части, побросалъ ихъ въ воду, развелъ подъ котломъ огонь, и сталъ варить, пока все мясо не отдѣлилось отъ костей. Затѣмъ бѣлыя кости были вынуты на столъ; апостолъ сложилъ ихъ вмѣстѣ въ томъ порядкѣ, какой назначенъ самою природою, и трижды сказалъ „возстань во имя всемогущей Троицы!“ Королевна возстала живою, здоровою и прекрасною.

Какъ въ русской легендѣ попъ не признается, что съѣлъ просвиру, такъ въ нѣмецкой — солдатъ, что съѣлъ сердце жаренаго ягненка.

Смотри примѣчаніе къ легендѣ подъ № 30 и сличи съ легендою, напечатанною въ сборникѣ: „Westslawischer Märchenschatz“ стр. 88—89.

8. Христовъ братецъ.

Варианты изъ собранія В. И. Даля: а) Былъ жилъ нѣкій царь, ко всѣмъ ласковый, къ нищимъ милостивый. Разъ на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія послалъ онъ своего слугу на перекрестокъ; „кто ни пройдетъ—всякаго проси со мной разговѣться“. Долго стоялъ слуга на перекресткѣ, не проходило ни одного странника; подождать еще немного, и видить: тащится нищій—весь въ гнойныхъ ранахъ. Взялъ его съ собою и привелъ во дворецъ. Нищій поздравилъ царя и царицу съ праздникомъ, похристосовался съ ними и подошелъ было къ царской матери, да она не захотѣла съ нимъ христосоваться, отвернулась и давай корить царя: „чтобъ тебѣ съ нимъ подавиться! нашелъ съ кѣмъ разгавливаться.... и ѣда-то на умъ не пойдетъ!“—Кушай одна матушка! коли съ нами не хочешь, сказалъ царь и усадилъ нищаго за столъ; и самъ сѣлъ съ царицею, и всѣ слуги сѣли, и разговѣлись вмѣстѣ. Послѣ обѣда уложилъ

царь нищаго на своей постелѣ отдохнуть немножко. А тамъ пришло время, сталъ нищій прощаться и зоветъ царя къ себѣ въ гости: „я де за тобой коня пришлю“. Царь далъ ему свое царское слово.

На другой день откуда ни возьмись славной конь, прибѣжалъ къ самому дворцу, ударилъ въ ворота копытами—ворота растворились, подошелъ къ крыльцу и сталъ, какъ вкопанный. Царь сѣлъ на него и поѣхалъ, куда конь повѣзъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою незнаемою и видитъ: бѣгаетъ человѣкъ за пичужкою и никакъ не можетъ поймать ее. „Царь, говоритъ ему тотъ человѣкъ, ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?“ ѣдетъ царь все дальше и дальше; вотъ стоитъ въ полѣ изба, а въ избѣ бѣгаетъ человѣкъ изъ угла въ уголъ и кричитъ: „охъ, тѣсно! охъ, тѣсно!“—Сядь на лавку, говоритъ ему царь, и не будетъ тѣсно. „Не могу; цѣлый вѣкъ такъ бѣгаю. Ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?“ Подъѣзжаетъ царь къ синему морю; стоитъ въ водѣ человѣкъ по самыя уста и кричитъ: „охъ, пить хочу! охъ, пить хочу!“ Что кричишь? спрашиваетъ царь; раскрой уста—вода сама побѣжитъ въ ротъ. „Нѣтъ, отвѣчаетъ, вода мнѣ не дастся, она прочь побѣ-

жить. Ты вотъ ѣдешь до Господа Бога; помяни ему про меня грѣшнаго.“¹⁾

Переѣхалъ царь море—и встрѣчаетъ его тотъ самый нищій, что съ нимъ разгавливался; „милости просимъ въ родительскій домъ!“ говоритъ царю, и повелъ его въ золотой дворецъ, изъ золотого дворца въ сады райскіе. Привелъ въ одинъ садъ; „вотъ здѣсь, говоритъ, тебѣ мѣсто уготовано—за то, что странныхъ принимаешь, алчущихъ питаешь и жаждующихъ напояешь.“ Привелъ въ другой садъ; „вотъ здѣсь твоей царицѣ уготовано мѣсто—за то, что тебя на истинный путь наставляетъ и нищую братію не покидаетъ.“ Привелъ къ третьему мѣсту, гдѣ смола кипитъ, и червь шипитъ: „а здѣсь, говоритъ, уготовано мѣсто твоей матери немилостивой. Вложи туда свой палецъ.“ Царь всунулъ палецъ въ кипящую смолу—и онъ въ тожъ мгновенье от-

¹⁾ *Вариантъ*: ѣдетъ царь и видитъ: двое изъ колодца въ колодезь воду переливаютъ, «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему; ты ѣдешь къ Богу, помолись о насъ грѣшныхъ: скоро-ль будетъ намъ прощенье?» ѣдетъ онъ дальше и дальше и видитъ: двое изъ печи въ печь жаръ выгребаютъ голыми руками. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему; помолись о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощенье?» ѣдетъ онъ все дальше и дальше: стоятъ двое голые и подпираютъ стѣну: «Ахъ, царь государь! помолись о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощенье?»

палецъ отъ руки. „Вотъ твой палецъ, возьми его съ собою, и ступай съ миромъ домой.“ Тутъ царь припомнилъ и рассказалъ все, что видѣлъ по дорогѣ. Отвѣчалъ ему Господь: „видѣлъ ты, какъ гоняетъ человѣкъ за пичужкою—то гоняетъ онъ за своимъ грѣхомъ; другой бѣгаетъ изъ угла въ уголъ—за то, что не обогрѣвалъ и не покоилъ странниковъ, и черезъ него многіе зимою перемерзали; третій стоитъ въ водѣ по самыя уста, а напиться не можетъ—за то, что самъ не поилъ жаждущихъ“¹⁾

Воротился царь домой, и показалось ему, что былъ онъ въ раю всего три часа, а пробылъ тамъ не три часа, а три года. Рассказалъ онъ обо всемъ царицѣ и матери, вынулъ свой отвалившійся палецъ, и только приставилъ къ прежнему мѣсту—какъ онъ тотчасъ приросъ, будто вѣкъ не отпадалъ. Тутъ мать покаялась: „сынъ мой возлюбленный! прости меня грѣшную: твое похождение дороже моего рожденія“. — (Записана въ Саратовской губерніи).

¹⁾ *Вариантъ*: Отвѣчалъ Господь: «это мучатся грѣшники, и не будетъ имъ прощенья. Что изъ колодца въ колодезь воду переливаютъ—то виномъ торговали да народъ обмѣривали; что изъ печи жаръ выгребаютъ—то ростовщики, сребролюбцы; что стоятъ голые, стѣну тобой подпираютъ—то клеветники, ябедники».

б) Былъ жилъ купецъ съ купчихою—оба скупы и къ нищимъ немилостивы. Былъ у нихъ сынъ, и задумали они его женить. Со-сватали невѣсту и сыграли свадьбу. „Послу-шай, другъ! говорила молодая мужу. Отъ свадьбы нашей осталось много напеченаго и наваренаго; прикажи все это скласть на возъ и развезти по бѣднымъ; пусть кушаютъ за наше здоровье.“ Купеческій сынъ сейчасъ позвалъ прикащика, и все, что отъ пира ос-талось, велѣлъ раздать нищимъ. Какъ узна-ли про то отецъ и мать, больно осерчали они на сына и сноху: „эдакъ пожалуй раз-дадутъ все имѣніе!“ и прогнали ихъ изъ до-му. Пошелъ сынъ со своей женой, куда гла-за глядятъ. Шли, шли, и приходятъ въ гус-той темный лѣсъ. Набтели на хижину—сто-итъ пустая—и остались въ ней жить.

Прошло время немалое, наступилъ великій постъ; вотъ уже и постъ подходитъ къ кон-цу. „Жена! говоритъ купеческій сынъ; я пойду въ лѣсъ, не удастся ли застрѣлить ка-кой птицы, чтобъ было чѣмъ на праздникъ разговѣться.“—Ступай! говоритъ жена. Дол-го ходилъ онъ по лѣсу, не видалъ ни одной птицы; сталъ ворочаться домой и увидалъ—лежитъ человѣческая голова, вся въ червяхъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ сумку и принесъ къ женѣ. Она тотчасъ обмыла ее, очистила и положила въ уголъ подъ образа.

Ночью подъ самый праздникъ засвѣтили они передъ иконами восковую свѣчу и зачали Богу молиться, а какъ настало время быть заутренѣ, подошелъ купеческій сынъ къ же-нѣ и говоритъ: Христосъ воскресе! Жена отвѣчаетъ: воистину воскресе! И голова отвѣчаетъ: воистину воскресе! Говоритъ онъ и въ другой, и въ третій разъ: Христосъ воскресе!—и отвѣчаетъ ему голова: воисти-ну воскресе! Смотритъ онъ со страхомъ и трепетомъ: оборотилась голова сѣдымъ стар-цемъ. И говоритъ ему старецъ: „будь ты моимъ меньшимъ братомъ; пріѣзжай ко мнѣ завтра, я пришлю за тобой крылатаго коня“. Сказалъ и исчезъ.

На другой день стоитъ передъ хужиной крылатый конь. „Это братъ за мной при-слалъ“, говоритъ купеческій сынъ, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Пріѣхалъ, и встрѣчаетъ его старецъ. „Гуляй у меня по всѣмъ садамъ, сказалъ онъ, ходи по всѣмъ горницамъ; только не ходи въ эту, что печатью запечатана.“ Вотъ купеческій сынъ ходилъ-гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ горницамъ; подошелъ наконецъ къ той, что печатью запечатана, и не вы-терпѣлъ: „дай посмотрю, что тамъ та-кое?“ Отворилъ дверь и вошелъ; смотритъ—стоятъ два котла кипучіе; заглянулъ въ одинъ, а въ котлѣ сидитъ отецъ его и

бьется оттуда выпрыгнуть; схватилъ его сынъ за бороду и сталъ вытаскивать; но сколько ни силился, не могъ вытащить; только борода въ рукахъ осталась. Заглянулъ въ другой котель, а тамъ мать его мучится. Жалко ему стало, схватилъ ее за косу и давай тащить; но опять сколько ни силился, ничего не сдѣлалъ; только коса въ рукахъ осталась. И узналъ онъ тогда, что то не старецъ, а самъ Господь назвалъ его меньшимъ братомъ. Воротился онъ къ нему, палъ къ стопамъ и молилъ о прощеніи, что нарушилъ заповѣдь и побывалъ въ запретной комнатѣ. Господь простилъ его и отпустилъ назадъ на крылатомъ конѣ. Воротился домой купеческій сынъ, а жена и говоритъ ему: „что такъ долго гостилъ у брата?“—Какъ долго! всего одни сутки пробылъ. „Не одни сутки, а цѣлыхъ три года!“ Съ тѣхъ поръ они еще милосердіе стали къ нищей братіи.

— —

с) Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ; у него былъ сынъ—доброй да набожной. Разъ отпросился онъ у отца и отправился на богомолье. Шелъ-шелъ, и пришелъ къ избушкѣ, а въ той избушкѣ стоитъ старичекъ на колѣняхъ и Богу молится. Усмотрѣлъ его старецъ и спрашиваетъ: „кто ты таковъ и куда путь

держишь?“—Крестьянской сынъ, иду на богомолье. „Иди сюда, давай вмѣстѣ молиться“. Стали они рядомъ передъ святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старецъ и говоритъ: „давай теперь побратаемся.“ Побратались они; распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сынъ домой, отецъ вздумалъ женить его; сосваталъ неvěсту и велитъ подъ вѣнецъ идти. „Батюшка, говоритъ крестьянской сынъ, позволь мнѣ весь вѣкъ свой Богу служить; я жениться не хочу“. Отецъ и слышать того не хочетъ: „ступай, да и ступай подъ вѣнецъ“. Вотъ онъ подумалъ-подумалъ и ушелъ изъ родительскаго дому. Идетъ путемъ-дорогою, а на встрѣчу ему тотъ самой старецъ, съ которымъ онъ побратался. Взялъ его за руку и привелъ къ себѣ въ садъ. И показалось крестьянскому сыну, что побывъ онъ здѣсь только три минуточки; а былъ онъ въ саду не три минуточки, а триста годовъ. Какъ воротился въ свое село, смотритъ—и церковь уже не та, и люди другіе. Сталъ спрашивать у священника: гдѣ же прежняя церковь и гдѣ такіе-то люди?—Этого я не запомню, говоритъ священникъ. „Гдѣ-же та неvěста, отъ которой женихъ изъ-подъ вѣнча ушелъ?“ Справился священникъ по книгамъ и сказываетъ: „это ужъ давнымъ-дав-

но было, назадъ тому триста лѣтъ". Потомъ спросилъ онъ крестьянскаго сына, кто онъ таковъ и откуда явился; а какъ узналъ обо всемъ, велѣлъ причетникамъ обѣдню служить: „это, говоритъ, меньшей братъ Христовъ! „Стала обѣдня отходить, началъ крестьянской сынъ умяляться; окончилась обѣдня—и его не стало.—(Записана въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи).

Въ приведенныхъ нами легендахъ особенно любопытны указанія на тѣ мученія, которыя ожидаютъ грѣшниковъ за гробомъ. Эти народныя повѣрья запечатлѣны отчасти тѣмъ-же вещественнымъ характеромъ, который такъ ярко отразился въ лубочныхъ картинахъ, изображающихъ страшный судъ и смерть грѣшника. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ, что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котелъ съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, станутъ мучить на огненномъ ложѣ (см. № 27: „Кумова кровать“), бить раскаленными желѣзными прутьями; вѣрить, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую

сковороду, что на опойкахъ черти станутъ возить дрова и воду (см. № 29: „Горькой пьяница“), что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи (см. стихъ о грѣшной матери—въ собраніи Кирѣвскаго, въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 212—3). Поселяне рассказываютъ, что во время *обмиранія* (летаргическаго сна) душа человѣка, руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ на томъ свѣтѣ по аду и раю, видитъ тамъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, обреченныхъ на муку и страданіе или блаженствующихъ въ райскихъ садахъ. Обмиравшая душа можетъ передавать повѣсть своего странствія въ назиданіе живущимъ; запрещается ей сказывать только три какія-то таинственныя слова. Г. Кулишъ собралъ въ одно цѣлое нѣсколько такихъ рассказовъ о хожденіи души по тому свѣту,—рассказовъ, исполненныхъ поэтическихъ образовъ и нѣкоторыми своими подробностями приближающихся къ напечатаннымъ нами легендамъ (Записки о южной Руси, т. I, стр. 306—8).

„Идемо, повѣствуетъ обмиравшая старушка, коли-жъ гризутця два собаки надъ шляхомъ, такъ гризутця, такъ гризутця! А „дідъ и каже: се не собаки, се два брати, „що погризлись та й побились, идучи степомъ; то Богъ и сказавъ: коли вже й рідні брати б'ютьця, то де-жъ буде те добро

„міжъ людьми? Нехай-же, каже, стануть во-
„ни собаками и грызутця.

„Идемо, ажъ ходять воли въ такому спа-
„шу, що й рігъ невидно съ трави, а самі
„худі, худі, якъ дошка. А біля їхъ ходять воли
„по самій землі—ни травинки підъ ногами
„нема, да жиръ ажъ по землі тиліпаєтця.
„Отъ дідъ и каже: оце, що худіі воли, то
„то багаті люде, що жили самі въ роскоші,
„а біднимъ не помагали; а ситіі воли, то то
„бідні люде, що одъ свого рота одиймали
„та старцямъ изъ посліднѣго давали. Отъ-
„же вони теперъ и ситі й напоєні, а тиі по-
„роги въ спашу, та худі, якъ дошка ¹⁾.

„Идемо, ажъ міжъ двома дубами горить у
„полом'ї чоловікъ и кричить: ой, пробі!
„укрийте мене, бо замерзну! ой укрийте ме-
„не, бо замерзну! Дідъ и каже: оце той чо-
„ловікъ, що просився до его зімою въ хату
„подорожній, а на дворі була метелиця та
„хуртовина, а вінъ не пустивъ, дакъ той и
„змерзъ підъ тиномъ. Оце-жъ теперъ вінъ
„горить у полом'ї, а ему ще здаєтця, що
„холодно, и терпить вінъ таку муку, якъ
„той подорожній терпивъ одъ морозу.

„Идемо дальшъ, коли лежить чоловікъ ко-
„ло криниці; тече ему рівчакъ черезъ ротъ,

¹⁾ Сличи съ литовскимъ разсказомъ (Litauische Märchen etc., von A. Schleicher, стр. 71—75).

„а вінъ кричить: пробі! дайте напиться! про-
„бі! дайте напиться! Дідъ и каже: сей не
„давъ чоловікові въ жнива води напиться;
„жавъ вінъ на ниві, ажъ иде старчикъ доро-
„гою, а жара велика, Спасівська. [Ой, каже,
„чоловіче добрий! дай, ради Христа, води
„напиться! А вінъ ему: оце-жъ для тебе ви-
„візь! Виллю на ниву, а не дамъ такому дар-
„моїду, якъ ти! То отъ, теперъ ему рівчакъ
„черезъ горло біжить, а вінъ ще пить про-
„сить, и до віку вічного буде ему такъ жар-
„ко да тяжко, якъ тому старцеві, що йшовъ
„дорогою ¹⁾.

„Идемо, ажъ кипить у смолі жінка, а пе-
„редъ нею цибулька лежить. Дідъ и каже:
„се мучитця такъ мати вашого старого тита-
„ря Онисима, що було все старцівъ годує
„та біднимъ допомагає, а ніколи жодної душі
„не обидивъ и ні въ одному слові не збре-
„хавъ. Була вона богата, та скнара, що одъ
„неі ніхто й хлиба куска не бачивъ. Ото
„разъ полола вона цибулю, ажъ иде поузь
„воръє дідъ-старецъ. Подари, каже, панімат-
„ко, ради Христа! Вона вирвала стрілку:
„прийми, каже, старче Божий. Тільки-жъ
„одъ неі и бачили. Отъ, якъ умерла... взяли
„її небогу та й потягли въ пекло. А Онисимъ
„и побачивъ зъ неба, що вона велику муку

¹⁾ Подобное же мучение определено было Танталу.

„приймає, та й каже: Боже мій милий, Спасе мій Христе! за всю мою щирість, за всю мою правду, зроби міні таку ласку—нехай „и моя мати буде въ раю зо мною. А Христосъ и рече ему: Ні, Онисиме! вельми „грішна твоя мати. Візьми хіба оту цибульку, що лежить передъ нею, та коли витягнешъ її съ тиі бездни, то нехай и вона „буде въ раю съ тобою. Узявъ вінъ тую „стрілочку та й подавъ матери. Схопилась „вона за неї... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне съ пекла! бо що-то Божему святому? „Ажъ ні: якъ поначіплювались їй и въ плахту, и въ намітку грішніи души, що-бъ и „собі съ того пекла вибратця, то й не здержала тая цибулька: перервалась, а вона такъ „и бовтнула въ горячу смолу!“

У Сербовъ существуетъ слѣдующій рассказъ о загробномъ странствованіи:

„Расскажи мнѣ, что видѣлъ?“ спрашиваетъ старикъ.—Видѣлъ я, отвѣчаетъ странникъ, серебряный мостъ; подъ нимъ огромный котелъ, въ томъ котлѣ кипятъ людскія головы, а поверхъ носятся орлы и терзаютъ ихъ своими клювами. „Такова вѣчная мука на томъ свѣтѣ! Что еще видѣлъ?“—Послѣ того проходилъ я селомъ, и со всѣхъ сторонъ слы-

шались мнѣ радостныя пѣсни и веселье. Спросилъ я: отчего у васъ такъ весело? Оттого, сказали, что у насъ урожай и во всемъ изобиліе. „То люди—Божіи, всякаго готовы были напитать и угостить, и ни одинъ бѣднякъ не отходилъ отъ ихъ избы безъ милостыни.“—Дальше видѣлъ я: на дорогѣ двѣ суки грызутся, хотѣлъ ихъ разнять, и никакъ не могъ. „Это двѣ снохи. Что потомъ было?“—Проходилъ я другимъ селомъ, и вездѣ видѣлъ печаль и слезы. Отчего у васъ такъ жалостно? спросилъ я. Оттого, мнѣ отвѣчали, что градъ побилъ наши нивы, и нѣтъ теперь ничего. „То живутъ люди, незнавшіе правды.“—Видѣлъ я потомъ два борова бьются; всячески хотѣлъ ихъ развести и не могъ. „Это несогласные братья. Что еще тебѣ видѣлось?“—Былъ я на чудномъ лугу; три дни простоялъ бы тамъ, да все глядѣлъ бы на его красу. „Таковъ рай на томъ свѣтѣ, но трудно до него дойти“. (См. Српске народне приповијетке, стр. 111—114).

9. Егорій храбрый.

Сличи со стихомъ напечатаннымъ у Кирѣвскаго (Чтенія Общ. Исторіи и Древн., годъ 3-й, № 9, стр. 148—154).

Варианты (изъ собранія В. И. Даля):

а) Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко—охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежь себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжалъ злой татаринъ, заполнилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать вьюницъ (молодыхъ женщинъ — Оп. обл. великор. слов.) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, маханину (лошадиное мясо—*ibidem*). Горе да и только; слезъ-то, слезъ-то что было пролито! всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Были Антипъ съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу, и далъ имъ Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ немладенческой: бывало услышитъ какую молитву—и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ, что ангелы на небеси радуются. Вотъ услыхалъ схимникъ Ермогенъ объ умѣ-разумѣ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ: такъ онъ былъ золъ и хитеръ! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выѣдетъ на охоту—дикаго звѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколетъ; а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей,

горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную,—и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подростъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи; взять благословеніе отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалился Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закипѣлъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не устранился и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его пилами, рубить топорами; у пилъ зубья посшибались, у топоровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смолѣ кипучей, а святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокій погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій — все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ —стоитъ осѣдланый конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копые острое. Вскочилъ Егорій на коня, приуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напу-

стилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келіи и посадъ, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскомъ*.

б) Егорій святой Богу молился
За мать за родную!
Великую онъ скорбь перенесъ
За мать за родную:
Его во пилы пилили,
Въ топоры рубили;
У пилъ зубья посшибались,
У топоровъ лезья (лезвія) до обухъ выбивались,

И Егорью ничего не дѣялось!
Его во смолѣ варили,
Въ водѣ студеной топили.
Егорій въ водѣ не утопаетъ,
Поверхъ смолы плаваетъ!
Вырыли погребъ глубокой,
Сажали въ него Егорія;
Досками дубовыми закрывали,

Гвоздями полужонными забивали,
Желтыми песками засыпали
За мать за родную!
Сидѣлъ тутъ Егорій
Тридцать два года;
Поднималась бурна погода—
Разнесли вѣтры желтые пески,
Разнесли вѣтры до единой доски!
И собралъ Егорій дружину отборну,
И ѣхалъ Егорій въ церковь соборну;
Тутъ мать его Богу молилась,
Слеза горяча потокомъ катилась.
„Поди, поди, Егорій! сядь на коня, при-
управься!

Лютаго змія копьемъ порази,
Материнскую кровь отомсти“.
— Стоитъ ли, мать, мое рожденіе
Всего моего похождения?
„Вдвое стоитъ твое рожденіе
За меня претерпѣнна мученія!“
Сѣлъ Егорій на борза коня, приуправился!
И наѣхалъ Егорій на лѣса валющи:
„Лѣса, лѣса, вы привстаньте!
Срублю я изъ васъ церковь соборну,
Поставлю я въ ней икону святую
За мать за родную“.
Вѣхалъ Егорій могучій
Въ великой городъ толкучій,
И наѣхалъ на дѣвокъ мудреныхъ:
„Дѣвицы, дѣвицы, къ вамъ рѣчь я веду—

Идите на Ерданъ на рѣку,
Воспримитесь, перекреститесь!“
Вѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи,
Встрѣлись Егорью волки прискучи,
Гдѣ волкъ, гдѣ два:
„Собиритесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовтесь для страшныя драки“.
Наѣхалъ Егорій на стадо птицъ:
„Птицы, синицы!
Летите вы на море,
На пиръ на кровавой“.
Наѣхалъ Егорій на змія-горюна... ¹⁾
Но Егорій не ужасался,
Егорій не устрахаляся,
Острымъ копьемъ змія закололъ;
Стаи птицъ прилетали,
Змія-горюна клевали;
Сине море волной натекло,
Змія-горюна съ собой унесло.
(Оба варианта записаны въ Егорьевскомъ
уѣздѣ, Рязанской губерніи).

Народное преданіе о битвѣ Георгія Хра-
браго съ дракономъ распространено во мно-

¹⁾ Слѣдующіе затѣмъ стихи въ рукописи совершенно искажены. Смысл тотъ: змій грызетъ мать Егорія, и кровь потокомъ бѣжитъ изъ ранъ. Егорій напускаетъ на змія волковъ прискучихъ, волки по-
гибаютъ.

жествъ сказаній почти у всѣхъ европейскихъ народовъ; подвигъ этотъ приписывается Георгію наравнѣ со многими другими сказочными героями и нерѣдко съ одинаковою обстановкою и съ совершенно-тождественными подробностями (сличи: стихъ о Елизаветѣ Прекрасной— въ Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 154—158; *Volksslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz*, изд. Гаупта и Смолера, ч. 1, стр. 278, и ч. 2, стр. 147; Лѣтоп. русск. литературы и древности 1859 г., кн. 1, отд. 1, стр. 18—19; Народн. русск. сказки, вып. 2-й, стр. 153—159).

10. Илья-пророкъ и Никола.

Разрушительная сила молніи и грома и плодотворная сила дождя, питающаго земную растительность, въ мірѣ языческомъ приписывались у славянъ Перуну¹⁾. Извѣстно, что съ принятіемъ христіанства многія изъ старинныхъ представлений, согласно младенческой неразвитости народа, были перенесены имъ на нѣкоторыя лица ветхо- и новозавѣтныхъ святыхъ. Такъ на Илью-пророка были перенесены всѣ атрибуты и все значеніе древняго божества молніи и грома, которое представлялось разъѣзжающимъ по небу въ колесницѣ, на крылатахъ коняхъ, и разбивающимъ тучи своими огненными стрѣлами. Поселяне наши до сихъ поръ представляютъ Илью-пророка разъѣзжающимъ по небу въ огненной колесницѣ; стукъ отъ его ѣзды производитъ слышимый нами громъ²⁾. На лубочной картинѣ Илья-пророкъ изображается на колесницѣ, которая окружена со всѣхъ

¹⁾ См. статью о „Зооморфн. божествахъ у славянъ“ (Отеч. Записки 1852 г., № 2).

²⁾ Воронеж. Губерн. Вѣдом. 1851, № 11. Владим. Губ. Вѣдом. 1844 г., Прибавл. къ № 52.

сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; колеса огненные. Лошадьми управляетъ ангелъ; Илья-пророкъ держитъ въ рукѣ мечъ. Подъ вліяніемъ такихъ вѣрованій создались народная загадка, означающая „громъ“: видано-невидано, якого не кидано! то святой кидавъ, шобъ було хороше ему проихати“¹⁾. Въ одномъ заговорѣ

¹⁾ Малорус. и галиц. загадки, стр. 8, 39: „когда гремитъ громъ, тогда по небу ѣздитъ Илья-пророкъ или Господь.“ Въ Нижегородской губерніи, когда гремитъ громъ, говорятъ: „Илья великій гудитъ!“ Въ скопческой пѣсни поется:

У насъ было на сырой на землѣ—
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненные.
Ужъ на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ, сударь, гремитъ,
Нашъ батюшка покатывается,
Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
Подъ нимъ бѣлой, храброй конь;
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ.
Ужъ и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужной хвостъ,
А гривушка позолоченная,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная;
Въ очахъ его камень-маргаритъ,
Изъ устъ его огонь-пламень горитъ.

(Исслѣдов. о скопч. ереси, соч. Надеждина, 1845 г., см. Приложенія, стр. 47—48)

читаемъ: „на морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ гонитъ Илья-пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ. Надъ тучею туча взойдетъ, молнія осіяетъ, дождь пойдетъ“¹⁾. Молнію народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильею-пророкомъ въ дьявола, который старается укрыться въ животныхъ и гадахъ; но и здѣсь находитъ его и поражаетъ небесная стрѣла. Отъ св. Ильи, по народному вѣрованію, зависятъ росы, дожди, градъ и засуха; 20 іюля, въ день этого святого, ожидаютъ грозы и дождя, который непременно долженъ пролиться въ это число. Бѣлорусская поговорка: „Ильля надзѣливъ гнильля“ означаетъ, что съ Ильина дня идутъ обыкновенно дожди, отъ которыхъ гниетъ хлѣбъ и сѣно въ полѣ²⁾. На этотъ праздникъ не косятъ и не убираютъ сѣна, потому что въ противномъ случаѣ св. Илья убьетъ громомъ или сожжетъ накошенное сѣно молніей³⁾. Если градъ выбиваетъ хлѣбъ мѣстами, то поселяне говорятъ: „это Богъ караетъ; онъ повелѣлъ Ильѣ-пророку: когда ѣздишь въ колесницѣ, шади нивы тѣхъ, которые раздаютъ хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою; а ко-

¹⁾ Иллюстрація, годъ 1, статья Даля, стр. 250.

²⁾ Прибавл. къ Извѣстіямъ Академ. Наукъ по 2-му отдѣленію 1852 г., стр. 47.

³⁾ Воронежск. Губерн. Вѣдомости 1851 г. № 11; Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 49—50.

торые жадны и не знаютъ милосердія—у тѣхъ губи!“ Ильѣ-пророку приписываютъ урожаи, что видно изъ слѣдующей припѣвки:

Ходить Ильѣ,
Носить пугу (т. е. плеть)
Житяную;
Де замахне—
Жито росте.

20-го іюля готовятъ хлѣбъ изъ новой ржи и приносятъ въ церковь ¹⁾.

Сербскія пѣсни также надѣляютъ Илью-пророка молніей и громомъ; при раздѣлѣ міра ему достались „мунье и стріеле“ (молнія и стрѣлы), почему сербы и называютъ его *громовникомъ*; онъ запираетъ облака и посылаетъ за людскіе грѣхи засуху на землю. Тѣ же вѣрованія связываютъ съ Ильєю-пророкомъ и другіе народы. Осетины даже приносятъ ему жертвы; объ убитомъ молніей они говорятъ: Ильѣ взялъ его къ себѣ, и чествуютъ его трупъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Илью-пророка представляютъ въ мантии огненного цвѣта, съ мечемъ, на остреѣ

¹⁾ Снегирева: Русск. въ своихъ пословицахъ, ч. IV, стр. 20, 65. Сахарова: Сказанія русск. народа, т. I, (пѣсни), стр. 274.

котораго горитъ пламя, и въ красной шапкѣ на головѣ).

Такое присвоеніе грома, молніи и дождей Ильѣ-пророку имѣетъ въ основаніи тѣ аналогическія обстоятельства, которыя окружаютъ этого святаго въ вѣтхозавѣтныхъ сказаніяхъ. По свидѣтельству этихъ сказаній онъ былъ живой взятъ на небо въ огненной колесницѣ, на огненныхъ лошадяхъ; во время своей земной жизни онъ чудеснымъ образомъ произвелъ однажды засуху и пролилъ дождь. Церковная пѣснь молить его объ отверстіи неба и ниспосланіи дождя; иногда поселяне ставятъ на воротахъ чашку ржи и овса, и просятъ священника провѣличать Илью, на плодородіе хлѣба ²⁾. Въ Новгородѣ въ старину были двѣ церкви: Ильи-Мокраго и Ильи Сухого; въ засуху совершался крестный ходъ къ первой церкви съ мольбами о дождѣ, а съ просьбою о сухой и ясной погодѣ совершался крестный ходъ къ церкви Ильи-Сухого ³⁾.

¹⁾ Српске народne pjesme, кн. I, стр. 155—7. Гримма: Deutsche Mythologie, стр. 158. Норкъ: Andeutung eines Systems der Mythologie, стр. 237.

²⁾ Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, ч. II, стр. 66—67. Терещенко: Бытъ рус. народа, ч. VI, стр. 49—50.

³⁾ Отеч. Записки, изд. Свиньина, 1826 г., ч. XXVIII № 79, стр. 166. Москвитян. 1853. г., № 11, стр. 64 (Внутрен. извѣстія).

Эти народныя вѣрованія послужили источникомъ, изъ котораго создались нѣкоторыя сказанія, живущія въ устахъ простолюдиновъ, а между ними и напечатанная нами легенда объ Ильѣ-пророкѣ и Николаѣ-угодникѣ.

11. Касьянъ и Никола.

*899 B

Это вторая легенда, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является св. Никола; въ собраніи В. И. Даля есть еще одно народное сказаніе объ этомъ же угодникѣ. Вотъ оно:

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ-былъ богатой мужикъ; жадность и скупость совсѣмъ одолѣли его: если кому и давалъ онъ въ займы деньги, то всегда подъ закладъ и за большіе проценты. Въ томъ-же царствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ; кромѣ жены да семерыхъ дѣтей ничего у него не было. Долго перебывался онъ кое-какъ и добывать себѣ и ребятишкамъ дневное пропитаніе; а тамъ пришло такое время—хоть зубы на полку клади: три дня безъ ѣды сидѣлъ. Какъ быть? чѣмъ семью прокормить? Думалъ онъ, думалъ и рѣшился пойти къ богатому мужику и попросить въ займы денегъ. „Ахъ, ты дурачина! закричалъ на него богатой. Ну, съ какими глазами пришелъ ты занимать деньги? Ну, можно-ль тебѣ повѣрить? Что съ тебя послѣ взять!..“—Будь милостивъ, выручи изъ бѣды; не дай помереть голодною

смертію, по вѣкъ не забуду... Заработаю— съ лихою отдамъ. „Отдамъ!... знаю, какъ вы отдаете.“—Право слово, отдамъ; вотъ тебѣ Никола порукою! отвѣчалъ бѣдной и показалъ на образъ Николы-угодника. Смиловался богатой, отсчиталъ ему двадцать рублей: „смотри-же, говоритъ, непременно въ срокъ заплати!“.

Бѣднякъ взялъ деньги, пошелъ на базаръ, накупилъ хлѣба и сталъ кормиться со всею семьею. Пришло время платить, а у него по старому нѣтъ ни копѣйки ¹⁾. „Что дѣлать? думаетъ онъ. Пойду, попрошу отсрочки“. Приходить къ богатому и ну кланяться ему въ землю: „обожди, родимой; дай еще вздохнуть хоть малое время“. Чего ждать-то? Пришелъ срокъ, и подавай денежки; небось умѣлъ брать! „Радъ бы, отецъ родной, хоть сейчасъ заплатить, да вѣрь совѣсти—не чѣмъ!“—Видно, съ тобой, мошенникомъ, хо-

¹⁾ *Въ другомъ спискѣ:* Какъ достать денегъ? И надумалъ онъ пойти ночью къ болоту и попросить у чертей. Дождался полночи, пришелъ къ болоту и подаетъ голосъ нечистому: „возьми, говоритъ, мою душу, только дай двадцать рублей“. Отвѣчаетъ ему нечистой: „ступай домой, доброй человѣкъ! намъ твоей души не надобно. Много вашей братьи голышей сюда таскается; если вѣшь давать деньги, такъ самимъ придется шелкать зубами! Мы и на господъ-то напасть не можемъ, а то еще вамъ давай! Возротился мужикъ домой съ пустыми руками.

рошо не сдѣлаешься! сказалъ богатой мужикъ: а надо будетъ за поруку приниматься. Пришелъ домой, сталъ передъ образомъ Николы-угодника и говоритъ: „чтожъ ты не отдаешь за бѣднаго денегъ? вѣдь ты за него поручился“. Икона ничего не отвѣчаетъ. „Что-же ты молчишь? У меня не отмолчишься: не отстану до тѣхъ поръ, пока не заплатишь всѣ до единой копѣйки“. Снялъ образъ со стѣны, положилъ на повозку и выѣхалъ со двора: лошадь пустилъ впередъ, а самъ идетъ за повозкою сзади, и все по образу кнutomъ стегаешь да приговариваетъ: „отдай мои деньги! отдай мои деньги!“ ¹⁾. Только ѣдетъ онъ мимо гостинаго двора; увидаль его купеческой сынъ и сталъ спрашивать: „что ты, безбожный, дѣлаешь?“—А то что давалъ я въ займы одному мужику двадцать рублей, и этотъ образъ былъ по немъ порукою; пришелъ срокъ отдавать деньги—у мужика нѣтъ ни полушки: вотъ и принялся я за поруку! „На, возьми свои двадцать рублей, только отдай мнѣ образъ“. — Изволь, братъ! мнѣ еще лучше безъ хлопотъ!

Взялъ купеческой сынъ образъ, поставилъ въ лавкѣ и засвѣтилъ передъ нимъ лампадку. На утро явился къ нему сѣдой старикъ и

¹⁾ *Вариантъ:* Снялъ образъ со стѣны, положилъ у порога и давай къ грязи топтать. Идетъ мимо купеческой сынъ..

сталъ наниматься замѣсто прикащика; купеческой сынъ подумалъ-подумалъ и взялъ его въ лавку. Съ той самой поры пошла у него такая торговля, что никакъ товаровъ не напасется: покупщики такъ и валять въ лавку со всѣхъ сторонъ. Разбогатѣлъ купеческой сынъ; построилъ два корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами и поѣхалъ съ старикомъ въ другое государство торгъ вести. А въ томъ государствѣ на ту пору бѣда приключилась: злая вѣдьма испортила царевну—днемъ она лежитъ словно мертвая, а по ночамъ встаетъ и людей поѣдаетъ! Что тутъ дѣлать? Положили ее въ гробъ, набили сверху крышку и вынесли въ церковь. Царь повелѣлъ кликать кличъ по всему государству: не найдется ли кто такой, чтобы могъ отчитать царевну? а кто ее отчитаетъ, тотъ будетъ царскимъ затемъ и получить въ приданое половину царства. Кликнули кличъ; только никто не выискался, никто не берется за это дѣло хитрое. И говоритъ старикъ купеческому сыну: „ступай къ царю и скажи, что ты можешь отчитать царевну“.—А какъ не сѣмбю? „Не бойся! Богъ поможетъ и я научу“. Отправился купеческой сынъ къ царю, объявилъ о себѣ; царь обрадовался и велѣлъ ему отчитывать. Въ тотъ-же самый день вечеромъ пошелъ старикъ вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ въ церковь, поставилъ около гроба налой и

очертилъ кругъ; послѣ того далъ купеческому сыну книгу, и приказываетъ: „становись въ этотъ кругъ, и что бы ни было, что бы тебѣ ни казалось—не переходи за черту, молись и читай книгу“. Сказалъ и ушелъ; остался въ церкви одинъ купеческой сынъ, сталъ въ кругу передъ наложникомъ и принялся читать. Ровно въ полночь сорвалась съ гроба крышка; царевна встаетъ и бросается прямо на купеческаго сына; вотъ уже близко... но сколько ни силится—никакъ не можетъ переступить проведенной черты. Бѣшено рвется она впередъ, напускаетъ разные страхи и грозитъ бѣдою; но купеческой сынъ не ужасается, стоитъ въ кругу и все читаетъ да читаетъ. Стало свѣтать. заплѣли пѣтухи—и въ ту-жъ минуту грохнулась царевна на-земь и сдѣлалась совсѣмъ мертвою. Поутру рано посылаетъ царь узнать: все ли благополучно? Приходятъ посланные; видятъ, что купеческой сынъ живъ, и не могутъ надивиться, какъ онъ уцѣлѣлъ. Подняли они царевну, положили опять въ гробъ, заколотили крышку, воротились къ царю и рассказали обо всемъ. На другую ночь было тоже; а на третью купеческой сынъ отчиталъ царевну: вышла изъ нея вся нечисть; тутъ только переступила она черту и подошла къ купеческому сыну, взяла его за руку, поцѣловала въ уста и сказала: „будь ты моимъ мужемъ, а я—твоей женою“. На томъ они и

поладили, стали рядомъ передъ мѣстными иконами и начали молиться Богу тихо и любовно. Какъ донесли объ этомъ посланные царю, онъ сейчасъ-же приказалъ обвинять купеческаго сына на царевнѣ и далъ ему въ приданое половину своего государства.

Въ другомъ списокѣ старикъ приходитъ заниматься къ купеческому сыну уже въ то время, когда онъ отправляется за море. „Куда тебѣ, старому, работать? вѣдь ты ничего не осилишь“, говоритъ купеческой сынъ. — А вотъ увидишь: я хоть старъ, да работающъ: за десятерыхъ молодыхъ сойду. „А что возмешь?“ — „Что заработаемъ, то пополамъ. „Хорошо!“ Приѣзжаютъ они въ другое государство: купеческой сынъ берется отчитывать царевну, а старикъ даетъ ему три полѣна, чашку воды и научаеъ, какъ и что дѣлать. Въ полночь поднялась царевна изъ гроба: купеческой сынъ бросилъ ей одно полѣно; она его проглотила. Бросилъ другое — и другое проглотила; бросилъ послѣднее — и съ этимъ тоже. „Ну, говоритъ царевна, теперь я тебя съѣмъ!“ — „Погоди, отвѣчаеъ купеческой сынъ, дай прежде воды испить. Набралъ въ ротъ воды и брызнулъ въ нее — царевна вздрогнула и въ ту-жъ минуту исцѣлилась: порчу какъ рукой сняло. Купеческой сынъ женился на царевнѣ и воротился домой съ большими богатствами. „Давай дѣлиться“, говоритъ ста-

рикъ. Купеческой сынъ вытащилъ всѣ деньги и сталъ дѣлить пополамъ. „Что ты съ деньгами-то возишься? Мы съ тобой привезли еще царевну. Давай и ее дѣлить!“ Взялъ старикъ острой мечъ и разрубилъ ее на-двое. Опечалился купеческой сынъ и говоритъ: „Богъ съ тобой! за что ты ее убилъ?“ — „Развѣ тебѣ жалко?“ спрашиваетъ старикъ; взялъ обѣ разрубленные части, сложилъ вмѣстѣ, дунулъ — и царевна тотчасъ встала живою и сдѣлалась вдвое лучше прежняго. „Вотъ твоя жена! живи съ нею по-Божьему“, сказалъ старикъ и исчезъ. И то былъ не простой старикъ; то былъ самъ Никола, угодникъ Божій.

Стоглавъ (въ 40-й главѣ) свидѣтельствуеъ, что въ его время ходили „по погостамъ и по селамъ и въ волостяхъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. пятница и св. Анастасія, и велѣтъ имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдываютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разжигати, и иныя заповѣдуютъ богомерзкія дѣла творити“. По народному объясненію по пятницамъ не прядутъ и не пашутъ, чтобы не запылить матушку-Пятницу и не засорить ей кострикою и пылью глазъ. Если-же бабы вздумаютъ прясть и шить въ этотъ день, то св. Пятница накажетъ ихъ ноготѣдомъ, заусеницею, или болѣзною глазъ: повѣрье это послужило основаніемъ напечатанной нами легенды. По словамъ духовнаго регламента, суевѣры увѣряли, что „Пятница гнѣвается на непразднующихъ (ея дня) и съ великимъ на оныхъ угроженіемъ наступаетъ“. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ пятницу не засиживаются долго при свѣчахъ, потому что въ этотъ день ходить по домамъ „св. Пятинка“ и караетъ всѣхъ, кого застанетъ неспящимъ. Въ Малороссіи поселяне увѣряютъ, что они сами видѣли, какъ Пятница ходитъ по селамъ вся

исколотая иглами и изверченная веретенами, потому что многія женщины и шьютъ, и прядутъ въ такіе дни, которые слѣдуетъ праздновать въ честь этой святой¹⁾. Такимъ образомъ особенное уваженіе къ пятницѣ объясняется тѣмъ, что этотъ день считается въ народѣ посвященнымъ св. Пятницѣ: именемъ Пятницы въ простонародьи называется мученица Параскева. Въ четыхъ-минехъ повѣствуется, что родители ея всегда чтили пятницу, какъ день страданій и смерти Спасителя, за что и даровалъ имъ Господь въ этотъ день дочь, которую они называли «Параскеви» т. е. пятницей. Въ прежнихъ нашихъ мѣсяцесловахъ при имени св. Параскевы упоминалось и названіе Пятницы; церкви, ей посвященные, до сихъ поръ называются пятницкими²⁾. 28 октября, когда читается память св. Параскевы, поселяне кладутъ подъ ея икону зеленые плоды и хранятъ ихъ до слѣдующаго года. Въ обѣтныя пятницы, собираясь праздновать въ одно назначенное мѣсто, они выносятъ образъ Параскевы-мученицы, обвѣ-

¹⁾ Сахарова: Сказанія рус. народа, т. II, стр. 97, 101; Снѣгирева: Простонар. русск. праздники, ч. I стр. 188—9; Терещенко: Бытъ рус. народа, ч. VI, стр. 56; Маякъ 1843 г., т. XII, стр. 7. и 1844 г., т. XIII. Вѣстн. Георг. Общества 1853 г., кн. 3, стр. 5; Полтавск. Губернск. Вѣдом. 1845, № 24 — часть неофициальная; Абвега рус. суевѣрій, стр. 275.

²⁾ Православ. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 196.

шанный платками и лентами. На дорогахъ, при распутияхъ и перекресткахъ издревле ставились на столбикахъ небольшія часовни съ иконою св. Параскевы; часовни эти также назывались „пятницами“ ¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ всѣ особенности, приписываемыя Пятницѣ, относятъ къ Пречистой Дѣвѣ; такъ бабы не прядутъ по пятницамъ, чтобы не запылить Богородицы, которая ходитъ тогда по избамъ; еще наканунѣ поэтому подметають въ избахъ полы; шерсть, отъ которой нѣтъ пыли, позволяютъ пряхть ²⁾.

Припоминая, что пятница у другихъ европейскихъ народовъ въ языческую эпоху была

¹⁾ Рязанск. Губерн. Вѣдомости 1846 г., № 6—часть неофф.: Макарова: Русскія преданія, ч. I. стр. 22—26; Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 58—59.

²⁾ Иллюстрація 1846 г., стр. 648—статья Даля; Воронежск. Губ. Вѣдом. 1851, № 11. Равнымъ образомъ и въ другіе праздничные дни запрещается пряхть: это грѣхъ неотмолимый, но сматывать нитки и сучить ихъ не считается за грѣхъ. Женщины не оставляють пряжи на веретенахъ въ воскресенье и праздники, чтобы не рвались нитки. На масляницу не прядутъ, чтобы мыши не грызли нитокъ и чтобы холсты не были гнилыми. Въ Литвѣ, приготовляясь къ свѣтлому празднику, поселяне стараются прибрать и вычистить свои избы до страстного четверга, а съ этого дня до самой Пасхи не принимаются за эту работу, боясь, чтобы лежащему во гробѣ Христу не засорить глазъ; въ то же время старательно прячуть веретена и прялки и перестаютъ заниматься пряжею (Вѣсти. Геогр. Общества 1853, кн. I, стр. 80;

посвящена богинѣ Венераѣ или Фреѣ (dies Veneris, Vendredi, Frejtag,), справедливо будетъ предположить, что въ приведенныхъ нами повѣрьяхъ скрывается темное воспоминаніе о древней языческой богинѣ. Подъ влияніемъ христіанскихъ идей оно естественнымъ образомъ слилось съ священными представленіями новой религіи, подобно тому, какъ атрибуты Перуна перенесены суевѣрнымъ народомъ на Илью пророка, а древнее поклоненіе Волосу перешло на св. Власія.

Пятницѣ приписываютъ влияніе на здоровье, урожай хлѣба и плодородіе скота, почему во время падежей, моровой язвы и другихъ бѣдствій прибѣгаютъ къ ней съ мольбами, совершаютъ общественное богослуженіе и приносятъ очистительныя жертвы; въ народѣ ходятъ даже молитвы, сочиненныя въ честь св. Пятницы: онѣ носятъ на шеѣ отъ различныхъ недуговъ или привязываются къ больной головѣ. Во время церковныхъ обрядовъ прежде выносили икону св. Параскевы, увѣшанную лентами, монистами, цвѣтами и душистыми травами: эти цвѣты и травы оставались въ церкви, и отваръ ихъ давали пить отчаянно-больнымъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ исцѣленію. По народному повѣрью, кто

Иллюстрація, годъ 2, стр. 262; Пузины: Взглядъ на суевѣрія, стр. 154; Ворон. Губерн. Вѣд. 1851 г., № 11; Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа стр. 93).

соблюдаетъ пятницу, у того не будетъ лихорадки. Въ Калужской губерніи при началѣ жатвы одна изъ старухъ, извѣстная по легкости своей руки, отправляется ночью въ поле, нажинаетъ одинъ снопъ, связываетъ его и до трехъ разъ то кладетъ, то ставитъ на землю, произнося слѣдующія слова: „Пятница-Параскева, матушка, помоги рабамъ Божиимъ (слѣдуютъ имена) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдунницы, еретика и еретицы!“ Затѣмъ, взявши снопъ, она старается пройти до двора, не будучи никѣмъ замѣченною. На праздникъ Покрова дѣвицы, желающія выйти замужъ, обращаются съ просьбою о томъ къ Пятницѣ: „матушка Пятница-Параскева! покрой меня поскорѣе“. ¹⁾ Духовный регламентъ Петра Великаго упоминаетъ о совершавшемся въ народѣ символическомъ обрядѣ, указывающемъ на обожаніе Пятницы. „Слышится (читаемъ въ этомъ законодательномъ памятникѣ), что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую, подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы“.

¹⁾ Снегирева: Простонар. русск. праздники, ч. IV, стр. 118; ч. I, стр. 48.

14. О Ноѣ праведномъ.

Начало этой любопытной легенды заимствовано изъ „притчи о тѣлѣ человѣческомъ, и о душѣ, и о воскресеніи мертвыхъ“. Притча эта встрѣчается во многихъ рукописныхъ прологахъ XIII, XIV, XV и XVI столѣтій и между сочиненіями Кирилла Туроескаго, который передаетъ ее въ болѣе распространенномъ изложеніи (см. Рукописи графа А. С. Уварова, томъ 2, стр. XLVI — LI, 137 — 141). Конечно, отсюда она перешла въ народныя сказанія, и это служить новымъ свидѣтельствомъ того вліянія, какое оказывала книжная литература на устную. Для сличенія приведемъ здѣсь самую притчу:

„Человѣкъ нѣкто добра рода насади виноградъ, и оплотомъ огради, и отходя въ домъ отча своего: „кого, рече, створю страждому моему и притяжанію? Аще бо поставлю сдѣ отъ предстатель моихъ, то потеряютъ мой трудъ. Но сиче створю: поставлю стража хромча и слѣпча, да аще кто хоче украсти отъ врагъ моихъ въ виноградѣ, слѣпецъ чуетъ, а хромецъ видитъ; аще кто отъ сего

всхощетъ, хромецъ убо не имать ногу дойти, слѣпецъ же еще поидетъ — въ пропастьхъ убьется“. И посадивъ я, отъиде. Надолзѣ бо сѣдящимъ имъ, и рече слѣпече ко хромцю: „что убо благоуханіе полетаеть изнутри вратъ?“ Отвѣща хромецъ: „много блага господина наю внутрь есть, иже неизреченная вкушенія; но понеже премудръ есть господинъ наю, мене посади хромага, а тебе слѣпаго, и не можевъ того дойти и насытитися“. — Отвѣща слѣпече хромцю: „почто еси сихъ не возвѣстилъ да быховѣ не жадала? Еще бо слѣпъ есмь, но ноги имамъ и силенъ есмь носить тя: нынѣ бо возми кошь, и всади на мои плечи, и азъ тя несу, а ты мнѣ путь повѣдай; и вся благая господина наю обоемлевѣ. Да егда приде господинъ наю, укрется дѣло наю отъ него; еще мене воспросить, и реку: ты веси, господине мой, яко слѣпъ азъ есмь; еще ли тебѣ воспросить, ты же речи: азъ хромъ есмь, и тако премудруевѣ господина наю“. Всѣдъ же хромецъ на слѣпца, и шедъ окрадоша оwoщъ господина своего. По времени же пришедъ господинъ винограда, и види его окрадена, повелѣ привести слѣпца, и глагола: не добра ли ты поставихъ стража винограду моему, почто еси окралъ его? Отвѣща слѣпече: „Господи, ты вѣси, яко слѣпъ есмь; еще быхъ хотѣлъ дойти, не вию дойти; но кралъ есмь хромецъ, а не азъ“. И повелѣ господинъ блю-

сти слѣпца, дондеже приведуть хромца. Призвану же хромцю, начастася спирати. Хромецъ глаголаше слѣпцю: „еще не бы ти носилъ мене, николи же могъ быхъ тамъ дойти, понеже хромъ есть“. Слѣпецъ же глаголаше: „еще бы не ты мнѣ путь повѣдалъ, то не бы азъ тамъ дошелъ“. Тогда господинъ, сѣдъ на судищи, нача судити, и рече господинъ: „яко же еста рекла (крала), тако да всяде хромецъ на слѣпца“. Всѣдшо бо хромцю на слѣпца, повелѣ бити немилостивено“.

Въ народной легендѣ вмѣсто хромца выведенъ безрукій. — Далѣе легенда воспользовалась библейскими сказаніями объ Адамѣ и Ноѣ, но передаетъ ихъ въ искаженномъ видѣ, смѣшивая событія и перепутывая ихъ баснословными народными преданіями. Сюда вошли и нѣкоторые рассказы изъ стариннаго животнаго эпоса. Такъ народное суевѣріе представляетъ, что собака первоначально была сотворена голою, безъ шерсти; Богъ заставилъ ее стеречь отъ демонскихъ козней тѣло первосозданнаго человѣка; нечистый грозитъ собакѣ зимними морозами и, соблазняя, даетъ ей мягкую шубу. Любопытны роли, которыя играютъ въ ковчегѣ мышь и ужъ. Нечистый ухитряется, влѣзаетъ въ ковчегъ и въ видѣ мыши прогрызаетъ въ немъ дыру; ужъ затыкаетъ ее своей головой. Послѣ потопа слѣдуетъ вновь созданіе земли и лю-

дей; очевидно устный рассказъ относить здѣсь въ конецъ то, что должно было стоять въ началѣ. Преданіе о созданіи земли записано г. Терещенкомъ (Быть русскаго народа, ч. V, стр. 44—45) съ нѣкоторыми подробностями, которыхъ недостаетъ въ нашей легендѣ:

„Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онѣ позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести ему.— „Ладно, думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую-же землю! Онѣ нырнулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. Принесъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова... Господь куда ни броситъ землю, то она вдругъ является такая ровная, ровная, что на одномъ концѣ станешь—то на другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смотритъ... хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ его: „чего онѣ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу. Тогда громъ и молнія поражали бѣгущаго сатану, и онѣ гдѣ приляжетъ—тамъ выдвинутся пригорки и горки; гдѣ кашлянетъ—тамъ вырастетъ гора; гдѣ привскачетъ—тамъ высунется поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей землѣ, онѣ изрылъ ее; надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и превысокихъ горъ.“

Въ карпатской колядкѣ поется, что при началѣ свѣта два голубя спустились на дно моря, достали оттуда песку и камня, изъ которыхъ и были созданы земля и небесныя свѣтила.

Доисторическія преданія, уцѣлѣвшія почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, рассказываютъ, что само божество научило первоначально человѣка строить жилища, ковать металлы и воздѣлывать землю¹⁾. На Украинѣ есть повѣрье, что самъ Господь далъ Адаму плугъ, а Евѣ прялку—въ то время, какъ они нарушили заповѣдь и были высланы изъ рая²⁾. Согласно съ этимъ напечатанная нами легенда повѣствуетъ о томъ, какъ Господь выучилъ людей строить избу и запрягать лошадь. Между русскими крестьянами ходитъ еще другое преданіе о постройкѣ избы: долго люди не умѣли придумать, какъ-бы охранить себя отъ непогоды и стужи; наконецъ чортъ ухитрился и выстроилъ избу: всѣмъ бы хороша: и тепло, и уютно, да темно, хотъ глазъ выколи! Ужъ ангелъ Господень научилъ прорубить окно, и съ тѣхъ поръ стали люди строить избы

¹⁾ См. статью: Мифическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металловъ и проч. (въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2-я).

²⁾ Русск. Бесѣда 1856 г., т. 3, стр. 74; статья Максимовича.

съ окнами. Преданіе это носить на себѣ печать весьма древняго происхожденія. Злой духъ, какъ представитель темной силы, мрака, по народнымъ повѣрьямъ боится свѣта и исчезаетъ съ первыми лучами солнца ¹⁾, все, что имѣетъ связь съ свѣтомъ исходитъ не отъ него, а даруется божествомъ добра и правды.

¹⁾ Крикъ пѣтуха, предвозвѣщающій восходъ солнца, прогоняетъ нечистыхъ духовъ. Сличи съ *Kinder- und Hausmärchen*, ч. 2, стр. 519.

15. Соломонъ премудрый.

Сличи съ слѣдующей легендой о „Солдатѣ и Смерти“ (№ 16, а).—О премудромъ царѣ Соломонѣ извѣстенъ цѣлый рядъ старинныхъ повѣстей, о которыхъ смотри въ сочиненіи г. Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“ (стр. 102—123). Съ этими повѣстями, занесенными во многіе рукописные сборники, имѣютъ связь и тѣ народныя сказанія о Соломонѣ, которыя вошли въ „Српске народне приповиѣтке“ Караджича.

16. Солдаты и смерть.

Смерть является здѣсь не отвлеченнымъ понятіемъ, а согласно древнѣйшему представленію—живою, олицетворенною; такою видимъ ее и въ другой легендѣ („Пустыяники“ № 21), и въ нѣмецкихъ сказкахъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, и въ извѣстной „Повѣсти о бодрости человѣческой“ (начало: „Человѣкъ нѣкій ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостію обложенъ, звѣровиденъ...“). Повѣсть эта попадаетъ во многихъ рукописяхъ XVII и XVIII столѣтій; составляя любимое чтеніе грамотнаго люда, она перешла въ устные сказанія и на лубочную картину. Приводимъ здѣсь народный рассказъ объ Аника-воинѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ записанъ онъ въ нашемъ собраніи:

Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ—

градъ—церкви Божіи разорять; взять мечъ и копье, и выѣхать въ чистое поле на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. „Что это за чудище! говорить Аника-воинъ; царь ли ты-царевичъ, король ли-королевичъ?“—Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, я твоя Смерть—за тобою пришла! „Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу—тебя раздавлю!“—Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку!—и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала.—Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего борзатаго коня, хочетъ поднять ее на копье булатное; но рука не двинется. Напалъ на него велий страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: „Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ“. Отвѣчаетъ Смерть: „нѣтъ тебѣ сроку и на полгода“.—Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. „Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣ-

¹⁾ *Вариантъ:* ѣздитъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. „Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла.“ Глядь—идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ.

ли. — Смерть моя-Смерточка! дай сроку хоть на три дни. „Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.“ И говоритъ Аника-воинъ: „много есть у меня и серебра, и золота, и камня драгоценнаго; дай сроку хоть на одинъ часъ—я бы роздалъ нищимъ все свое имѣніе“. Отвѣчаетъ Смерть: „какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!“ Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой ¹⁾.

Народныя русскія повѣрья представляютъ Смерть вѣчноголодною, пожирающею все живое; въ первомъ спискѣ напечатанной нами легенды—когда солдатъ заставилъ ее нѣсколько лѣтъ глотать одни лѣсныя деревья, Смерть такъ отошала, что едва ноги двигала.

Въ аду солдатъ до того надоѣлъ чертямъ, что они долго не знали, какъ его выжить, и наконецъ уже вызвали его изъ этого теплаго мѣста, ударивъ въ барабанъ тревогу.

Подробный рассказъ есть о матросѣ Пронькѣ:

Былъ матросъ Пронька; всю службу свою слылъ горькой пьяницей: чарка для него была полглотка, а ендову осушалъ въ два при-

¹⁾ Сличи съ легендою подъ № 21 („Пустынникъ“).

ема безъ отдыха. Что тамъ ему не говори, только и услышишь: „пей да дѣло разумѣй! пьянъ да уменъ—два угодыя въ немъ! пьяница проспится, дуракъ никогда!“ И впрямь, дѣло онъ разумѣлъ, отъ работы не отказывался, говорилъ всегда правду, и всѣ его любили и берегли. Разъ какъ-то великимъ постомъ сталъ говорить ему священникъ: „Пронька, Бога ты не боишься! Неравенъ часъ—во хмелю умрешь; вѣдь смерть ходитъ не за горами! Ну, что тогда скажешь ты, какъ пьяной предстанешь предъ Господа?“ А онъ въ отвѣтъ: „Батюшка! что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ: всю правду, значить, скажу передъ Богомъ“. Какъ сказалъ священникъ, такъ и случилось. Съ какихъ—ужъ не знаю—радостей сильно подпилъ Пронька, да видно слишкомъ на себя понадѣялся, полѣзъ на мачту и свалился оттуда прямо въ воду. Вотъ по сказанному, какъ по писанному, явился онъ на тотъ свѣтъ пьянешенекъ, и не знаетъ, куда идти? а тамъ, дѣло извѣстное, и для трезваго потемки; такъ пьяному-то просто бѣда! Вотъ пошла ранжировка да перекличка, кого куда; матросовъ-горемыкъ—извѣстно всѣхъ въ рай назначаютъ, и Проньку вскричали туда-жъ. А онъ бурлитъ себѣ, замѣшался въ толпу, и попалъ въ адъ; шумитъ тамъ пуще всѣхъ, только другимъ мѣшаетъ... Много

было хлопотъ, чтобы вывести его изъ ада; долго не могли съ нимъ справиться; да ужъ Никола Морской догадался, взявъ боцманскую дудку, сталъ у райскихъ дверей и зазвисталъ къ вину. Какъ услыхалъ Пронька, сейчасъ бросился изъ ада вонъ и въ ту-жъ минуту явился, куда слѣдуетъ. (Изъ собранія В. И. Даля).

Особенно-интересны подробности въ третьемъ спискѣ легенды о „Солдатѣ и Смерти“. Подробности эти совершенно-сходны съ тѣми, какія встрѣчаемъ въ нѣмецкой сказкѣ: „Bruder Lustig“ (см. *Kinder-und Hausmärchen*, ч. 1, № 81); и здѣсь, и тамъ—одинаковъ рассказъ о томъ, какъ получаетъ солдатъ чудесную торбу (ранецъ), какъ заключаетъ въ нее чертей и освобождаетъ отъ нечистой силы покинутый дворецъ. Только нѣтъ въ нѣмецкой сказкѣ той продолжки со Смертью, вслѣдствіе которой попадаетъ она въ торбу и нѣсколько лѣтъ виситъ въ лѣсу на осинѣ; да сверхъ того въ окончаніи находимъ слѣдующее измѣненіе: приходитъ солдатъ къ небеснымъ вратамъ и стучится. На стражѣ стоялъ тогда св. Петръ; „ты хочешь въ рай?“ спрашиваетъ апостоль.—Въ аду меня не приняли, говоритъ солдатъ; пусти въ рай. „Нѣтъ, ты сюда не войдешь!“—Ну, если не хочешь меня впустить, то возьми назадъ ранецъ; я ничего не хочу отъ тебя имѣть. И

вмѣстѣ съ этими словами просунулъ свой ранецъ сквозь райскую рѣшетку, св. Петръ взялъ ранецъ и повѣсилъ возлѣ своего кресла. Тогда сказалъ солдатъ: „теперь я желаю самъ быть въ моемъ ранцѣ“. И въ мигъ онъ очутился тамъ, и св. Петръ принужденъ былъ оставить его въ раю.—Далѣе, въ русской легендѣ встрѣчаемъ эпизодическій рассказъ о томъ, какъ чортъ научилъ солдата лечить: онъ далъ ему чародѣйный стаканъ, въ которомъ—если нальешь туда холодной воды и поставишь его возлѣ больного—непремѣнно увидишь, гдѣ стоитъ Смерть, у изголовья или въ ногахъ хворающаго: въ последнемъ случаѣ стоитъ только взбрызнуть его водою изъ стакана—и въ ту-же минуту онъ встанетъ здоровъ и невредимъ. Этотъ любопытный эпизодъ развитъ у нѣмцевъ въ особенной сказкѣ „Der Gevatter Tod“ (въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ ч. 1 № 44).

Жиль-былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатый ребенокъ, онъ уже не зналъ, чѣмъ пособить себѣ въ нуждѣ; вышелъ на большую дорогу и рѣшилъ перваго, кого встрѣтитъ, взять въ кумовья. Первый встрѣчный ему былъ самъ Господь; зная, что у него было на душѣ, онъ сказалъ: „мнѣ тебя жаль, и я хочу окрестить

твоего ребенка, буду заботиться о немъ и сдѣлаю его счастливымъ".—Но кто ты? „Я Господь.“—Нѣтъ, не возьму тебя въ кумовья; ты надѣляешь богатыхъ, а оставляешь голодать бѣдныхъ. Такъ сказала бѣднякъ, потому что не вѣдалъ онъ, какъ премудро распредѣляетъ Богъ и богатства и нищету. Повернулся онъ и пошелъ дальше. На встрѣчу ему дьяволъ и говоритъ: „возьми меня въ крестные отцы твоему ребенку; я надѣлю его грудями золота и всѣми наслаждениями жизни".—А ты кто? „Я дьяволъ".—Нѣтъ, ты искушаешь и обманываешь человѣка. Пустился въ путь дальше; идетъ костявая Смерть и говоритъ: „возьми меня кумомъ". Кто ты? спрашиваетъ бѣднякъ. „Я Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ".—Да, ты справедлива; ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, и ты будешь моимъ кумомъ. Въ назначенный день пришла Смерть, и крещеніе было совершено. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однажды навѣстить своего крестнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву, которая тамъ росла, и сказала: „вотъ тебѣ даръ отъ твоего крестнаго. Я сдѣлаю тебя славнымъ лекаремъ. Всякій разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты меня увидишь: если буду я стоять въ головахъ больного, то смѣло говори, что можешь его вылечить; дай ему

этой травы, и онъ выздоровѣетъ. Но если я у ногъ больного—онъ мой! ¹⁾ Тогда долженъ ты сказать, что всякая помощь будетъ напрасна, и что никакое лекарство въ мірѣ не въ силахъ его спасти". Въ короткое время повсюду разнеслась молва о новомъ славномъ лекарѣ, которому стоитъ только взглянуть на больного, чтобы навѣрно узнать, будетъ ли онъ снова здоровъ или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богатымъ. Между тѣмъ случилось заболѣть королю. Призвали лекаря и спросили, возможно ли выздоровленіе? Когда явился онъ у постели больного, Смерть стояла въ ногахъ и никакое снадобье не могло ему пособить. „Нельзя ли мнѣ хоть однажды перехитрить Смерть? подумалъ лекарь; конечно, ей не понравится; но вѣдь я не даромъ ей крестникъ, и она вѣрно посмотритъ на это сквозь пальцы; дай, попробую". Онъ приподнялъ короля и уложилъ такъ, что Смерть очутилась въ головахъ больного; тотчасъ далъ ему травы, и король возсталъ совершенно исцѣленный. Смерть подошла къ лекарю, ли-

¹⁾ Въ русской легендѣ наоборотъ: если Смерть стаетъ въ ногахъ больного—онъ выздоровѣетъ, а если въ головахъ—то умретъ. Тоже и въ разсказѣ, записанномъ г. Максимовичемъ, о мужикѣ и Смерти (смотри ниже).

цо ея было мрачно и гнѣвно; она погрозила пальцемъ и сказала: „ты обманулъ меня; на этотъ разъ я тебя прощаю, потому что ты мой крестникъ; но берегись! Если попробуешь въ другой разъ сдѣлать тоже—я возьму тебя самого!“

Вскорѣ послѣ того заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь онъ плакалъ и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королевну отъ смерти, тотъ будетъ ея мужемъ и наслѣдуетъ все царство. Лекаръ явился къ постели больной, взглянулъ—Смерть стояла въ ногахъ королевны. Ему припомнилось было, какъ предостерегалъ его крестный отецъ; но изумительная красота королевны и счастье быть ея мужемъ разсѣяли всѣ опасенія. Онъ не видѣлъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды и грозила пальцемъ, приподняла больную и положилъ ногами къ изголовью, далъ ей травы—въ ту жъ минуту на щекахъ ея показался румянецъ, и жизнь воротилась къ ней снова.

Обманутая вторично Смерть приблизилась къ лекарю и сказала: „теперь твоя очередь настала“; ухватила его своей ледяною рукою такъ крѣпко, что онъ не могъ противиться, и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и ты-

сячи возженныхъ свѣчъ: и большія, и наполовину сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновенье однѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ казалось перелетали съ мѣста на мѣсто. „Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни. Большая свѣчи принадлежатъ дѣтямъ, наполовину сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ. Но часто бываетъ, что и дѣти и юноши надѣляются небольшою свѣчею“. Лекаръ просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленький огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть: „вотъ, смотри!“—„Ахъ милый крестный! сказалъ уstraшенный лекаръ, зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнію, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевны.“—Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде нежели зажечь новую, должно погасить прежнюю. „А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу—такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать начнетъ.“ Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, взяла новую большую свѣчу, но приставляя къ ней старый огарокъ, нарочно, изъ мщенія, его уронила; пламя погасло, и въ ту-жъ минуту лекаръ упалъ на-земь и сдѣлался до-

бычею смерти. (См. также Deutsche Hausmärchen, von J. W. Wolf, стр. 365: „Das Schloss des Todes“.)

Подобный-же рассказъ извѣстенъ и у венгровъ (см. Ungarische Volksmärchen, Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier, стр. 30—33); только конецъ другой. Смерть крестить у одного бѣдняка новорожденного младенца; подпивши на крестинахъ и развеселясь, она надѣляетъ своего кума чудесною силою исцѣлять больныхъ, хотя бѣ они были при самомъ послѣднемъ издыханіи: стоитъ только ему коснуться постели умирающаго или стать предъ его кроватью—и больной тотчасъ выздоровѣетъ; самъ-же онъ долженъ умереть тогда, когда скажетъ *аминь*. Прежній бѣднякъ дѣлается лекаремъ и скоро богатѣетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и вздумалъ онъ навѣстить Смерть. Только что поѣхалъ въ путь, какъ встрѣтилъ плачущаго ребенка; онъ взялъ его къ себѣ и спросилъ: о чемъ ты плачешь? „Ахъ, сказала дитя, какъ мнѣ не плакать? отецъ прибилъ меня—за то, что я не знаю въ молитвѣ одного слова.“—Какое-жъ это слово? Отче нашъ? „Нѣтъ, не то!“ Лекарь проговорилъ всю молитву до самаго конца, но отвѣтъ былъ одинъ: „нѣтъ, не то!“—Такъ вѣрно: аминь? сказалъ онъ наконецъ. „Да, сказала Смерть (это она явилась въ ви-

дѣ плачущаго ребенка); да, аминь!... и тебѣ кумъ, аминь!“ И онъ тутъ-же умеръ; сыновья его раздѣлили между собой все богатство, и если не померли, то до сихъ поръ здравствуютъ на бѣломъ свѣтѣ.

Г. Максимовичъ записалъ русскій народный рассказъ о мужикѣ и Смерти, въ которомъ тоже самое содержаніе, но обстановка и подробности другія (см. Три сказки и одна побасенка. Кіевъ, въ типогр. О. Гликсберга, 1845, стр. 45—48): „Мужикъ косилъ сѣно. Вдругъ коса обо что-то зацѣпилась и зазвенѣла. Нашла коса на камень! сказалъ мужикъ—Да, похоже на то! проговорила кочка. Мужикъ смотритъ: кочка подымается, закурилась—и стала изъ нея Смерть. Съ испугу онъ замахнулся на нее косою. Постой! говоритъ Смерть: не шали, я тебѣ пригожусь; я тебя сдѣлаю лекаремъ; только смотри, берись лечить тѣхъ, у кого буду стоять въ ногахъ; станешь вылечивать непременно; если-жъ увидишь меня въ головахъ у кого, отка-зывайся.—Сказавъ это, Смерть пропала. Пошелъ мужикъ въ Москву, и принялся лечить; за кого ни возьмется, какъ рукой болѣзнь сниметъ! Пронеслась объ немъ слава, отъ больныхъ отбою нѣтъ; разбогатѣлъ онъ и зажилъ въ каменномъ домѣ. Одинъ разъ зовутъ его къ богатому купцу. Приходитъ онъ; видитъ, что Смерть въ головахъ, и не бе-

рется лечить.—Сдѣлай милость полечи! что хочешь возьми...—Право не могу!—Вотъ тебѣ сейчасъ пятьсотъ рублей, а вылечишь, дадимъ пять тысячъ—вотъ и вексель... Пять тысячъ деньги! думаетъ мужикъ; дай попытаюсь!... Далъ своего снадобья и ушелъ до-завтра. Только что принялъ больной лекарство, какъ тутъ-же и духъ вонъ. На другой день приходитъ мужикъ къ купцу лечить; только ужъ его самого тамъ попользовали, да такъ ловко, что къ вечеру онъ слегъ въ постелю. Оглянется—а Смерть у него въ головахъ. Плохо дѣло! думаетъ мужикъ; какъ быть? и говоритъ своимъ: неловко что-то лежать мнѣ; положите-ка меня къ изголовью ногами. Переложили его; глядитъ онъ: Смерть все въ головахъ.—Охъ, все неловко! говоритъ онъ; придвиньте-ка плотнѣе кровать къ стѣнѣ, да положите меня поперекъ. Повернули его и такъ; глядитъ, а Смерть все въ головахъ, и шепчетъ ему на ухо: полно, братъ! не отвертись... Черезъ день послѣ похоронъ купца, и мужика снесли на кладбище.—См. еще въ Народн. славян. разсказахъ И. Боричевского (стр. 82—87) повѣсть объ одномъ скрягѣ.

17. Видѣніе.

Поэтическому взгляду поселянина все въ природѣ представляется живымъ, одушевленнымъ: это отразилось въ тысячѣ различныхъ примѣтъ, сказалось въ заговорахъ и пѣсняхъ, запечатлѣлось въ самомъ языкѣ и преданіяхъ. Несобранные съ нивы колосья просятъ его: „возьми насъ съ собой!“ Свое сѣно, скошенное съ собственного луга, стонетъ подъ гнетомъ чужого, захваченнаго съ сосѣдскаго участка. Изгородь, поставленная въ землю верхними концами, упрашиваетъ выдернуть ее и вбить въ землю нижними концами; по народному повѣрью, колья въ заборѣ должны стоять точно такъ, какъ стояли они будучи живыми деревьями, т. е. корнемъ книзу.

Соединяя съ крестнымъ знаменіемъ великую силу, прогоняющую нечистыхъ духовъ, простолюдинъ убѣжденъ, что ни одно дѣло не слѣдуетъ начинать „не благословясь“; въ противномъ случаѣ не жди удачи (см. № 21 „Пустынникъ“). Если гдѣ стряпуха готовитъ обѣдъ или ужинъ не благословясь, если гдѣ питье и ѣствы ставятся на столъ безъ крестнаго знаменія, то въ этотъ домъ приходятъ

черти, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, пляшутъ и поютъ срамныя пѣсни; къ благословенному-же столу ни одинъ бѣсъ не можетъ приблизиться (см. № 20 „Пустынникъ и дьяволъ“). Лубочная картина представляетъ двѣ трапезы: „трапезу благочестивыхъ людей, ядущихъ со благодареніемъ: ангелъ Господень предстоитъ имъ, благословляетъ, а бѣсы прогоняетъ, Христовою силою помрачаетъ“ и „трапезу неблагодарныхъ людей, празднословцевъ, кощуновъ, скверноглаголющихъ, ядущихъ безъ благословенія: ангелъ Господень отврати лице свое отъ нихъ, отъиде—стоя плачетъ яко видитъ: бѣсы веселящися съ ними“¹⁾. Сосудовъ и кринокъ съ разными кушаньями и напитками не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, боясь, чтобы вражая сила не осквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно перекрестить, или по крайней мѣрѣ положить сверху двѣ лучины *накрестъ*. Въ легендѣ, напечатанной подъ № 18 чертъ Потанька влѣзаетъ въ опару, приготовленную безъ благословенія; въ другой легендѣ (№ 19) нечистый садится въ кувшинъ съ водою, оставленный непокрытымъ. Между поселянами нашими ходитъ рассказъ объ одномъ мужикѣ, который подпилъ на свадьбѣ и былъ уведенъ чертомъ. Цѣлыхъ

1) См. также Этнограф. сборн., выпускъ 2, стр. 57.

три года пропадалъ онъ безъ вѣсти, да разъ какъ-то подъ праздникъ сошлось въ торговой банѣ бѣсовское сборище и мужика съ собой привело; давай пировать, плясать, пѣсни распѣвать! до того загулялись, что пѣтухи заплѣли—и въ ту-жъ минуту сгнули всѣ черти. Остался одинъ мужикъ въ банѣ, началъ онъ стучать въ двери и насилу достучался, чтобъ отперли. Сторожа выпустили его изъ бани, смотря—мужикъ весь въ лохмотьяхъ, чуть не голый вышелъ: такъ обносился! И дивуются всѣ, какъ попалъ онъ въ баню; стали его разспрашивать. Мужикъ рассказалъ, что цѣлые три года таскался съ чертями по разнымъ мѣстамъ: „гдѣ свадьба, или какой праздникъ, тамъ и нечистые завсегда; придутъ и засядутъ на печкѣ, а какъ станутъ хозяева подавать на столъ неблагословенное кушанье, они тотчасъ подхватятъ то блюдо къ себѣ, все наготовленное съѣдятъ, а вмѣсто ѣды накладываютъ изъ блюдо всякой погани. Тоже самое и съ питьемъ: вино ли, медъ ли подадутъ не благословясь—они до-чиста опорожняютъ посудину, да и нальютъ туда чего хуже не выдумаешь!“

19. Поѣздка въ Іерусалимъ.

Сличи съ разсказомъ, напечатаннымъ подъ № 20, с („Пустынникъ и дьяволъ“). Источникомъ этой легенды послужило известное сказаніе „о великомъ святителі, о Иваннѣ, архіепископѣ Великаго Новаграда, како былъ единой нощи изъ Новаграда въ Іерусалимѣ-градѣ и паки възвратися“, занесенное въ четьи-минеи и во многіе старинные сборники житій¹⁾.

Перейдя въ область народной литературы, сказаніе это, безъ сомнѣнія, должно было подчиниться различнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ; въ устахъ народа появилось оно во множествѣ вариантовъ, далеко отступающихъ отъ своего первоначальнаго источника, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ своими характеристическими подробностями. Вотъ одинъ изъ этихъ вариантовъ (изъ собранія сказокъ В. И. Даля):

Въ старые годы, когда и черти не прочь были учиться по-солдатски: маршировать и

¹⁾ Рукописи славянск. и русск., принадлеж. почетному гражданину И. Н. Царскому, разобраны и описаны П. Строевымъ, стр. 434.

ружьемъ выкидывать, былъ жилъ въ Питерѣ солдатъ, смѣлой да бойкой! Служилъ онъ ни хорошо, ни худо; на дѣло не напрашивался, отъ бездѣлья не отказывался. Вотъ досталось ему однажды стоять на часахъ въ Галерномъ портѣ и какъ нарочно въ самую полночь. Пошелъ онъ съ Богомъ, перекрестясь, и смѣнилъ товарища; стоитъ себѣ, да отъ нечего дѣлать выкидываетъ ружьемъ на-краулъ. Глядь—идетъ къ нему нечистой; солдатъ не сробѣлъ, а хотя бъ и струсилъ, такъ чтожъ дѣлать? отъ чорта не въ воду! „Здорово, служба!“ говоритъ чортъ. „Здравія желаю!“—Поучи, пожалуйста, меня на-краулъ выкидывать; долго приглядываюсь, а никакъ понять не могу. „Прямой ты чортъ! сказалъ солдатъ; да гдѣ-же тебѣ понять-то? Я вотъ десять лѣтъ служу, и нашивку имѣю—а все еще учуся¹⁾; ужъ и колотушекъ перенесъ не одну тысячу! А ты хочешь одной наглядкою взять. Нѣтъ, братъ, ужъ это больно-скоро да и дешево!“—Поучи, служивой! „Пожалуй; только за что самъ купилъ, за то и тебѣ продамъ“. Поставилъ солдатъ чорта во фронтъ, и для почину какъ свиснетъ его во всю мочь при-

¹⁾ Между русскими солдатами ходитъ разсказъ о томъ, какъ Никола-угодникъ прогнѣвался за что-то на нихъ и сказалъ: „вѣкъ вы будете учиться, и не выучитесь; вѣкъ вы будете чиститься, и не вычиститесь!“

кладомъ по затылку, ажно пошатнулся нечистой. „А! такъ ты еще нагибаешься во фронтъ!“ и давай его лупить по чѣмъ попало; отсчиталъ ударовъ десять, и видитъ, что чортъ только ножками подергиваетъ, а кричать совсѣмъ пересталъ... „Ну, говоритъ, ступай теперь! на первой разъ довольно будетъ. Хоть мнѣ и жаль тебя, да что дѣлать? безъ того нельзя. Самъ вѣдаешь, служба всего выше, а во фронтъ, братъ, нѣту родни!“ Тощехонекъ пришелся чорту первой урокъ; но солдатъ говорить, что безъ муки не бываетъ науки; стало быть—такъ надо: ему лучше знать! Поблагодарилъ чортъ за ученье, далъ солдату десять золотыхъ и ушелъ. „Эка! думаетъ солдатъ; жалко, что мало билъ! то ли дѣло, кабы разовъ двадцать ударилъ: глядишь, онъ бы двадцать золотыхъ далъ!“

Ровно черезъ недѣлю досталось солдату опять стоять на часахъ и на томъ-же самомъ мѣстѣ. Стоитъ онъ, выкидываетъ ружьемъ разные приемы, а на умѣ держитъ: „ну, коли теперь явится нечистой, ужъ я свое навестаю!“ Въ полночь откуда ни взялся—приходить нечистой. „Здравствуй, служба!“—Здорово, братъ! зачѣмъ пришелъ? „Какъ зачѣмъ? учиться.“—То-то и есть! а то хотѣлъ съ разу все захватить! Нѣтъ, дружище, скоро дѣлаютъ, такъ слѣпые родятся... Становись во фронтъ! командуетъ солдатъ; грузъ впе-

редъ, брюхо подбери, глаза въ начальство уставь! Долго возился онъ съ чортомъ, много надавалъ ему тузановъ и колотушекъ, и таки выучилъ нечистаго дѣлать ружьемъ: и на-плечо, и къ-ногѣ, и на-краулъ. „Ну, говоритъ, теперь ты хоть къ самому сатанѣ на ординарцы, такъ и то не ударишь лицомъ въ грязь! только развѣ въ томъ маленькая фальшь будетъ, что хвостъ у тебя назади великъ. Ну-ка, повернись налѣво кругомъ!“ Нечистой повернулся, а солдатъ вынулъ изъ кармана шейной крестикъ, да потихоньку и нацѣпилъ на чорта. Какъ запрыгаетъ чортъ, какъ закричитъ благимъ матомъ! „А что, развѣ это вамъ чертямъ не по-нутру?“ спрашиваетъ солдатъ. Чортъ видитъ, что въ просакъ попался, давай сулить солдату и серебра, и золота, и всякаго богатства. Солдатъ не прочь отъ денегъ, и велѣлъ притащить ни мало, ни много—цѣлой возъ. Въ минуту все было готово: чортъ притащилъ цѣлой ворохъ денегъ, солдатъ спряталъ ихъ въ оврагъ и закрестилъ; „а то, говоритъ, вы, бѣсовская сволочь! нашего брата православнаго только обманываете, вмѣсто золота уголье насыпаете!“¹⁾—Чтожъ, служивой! молить бѣсъ,

¹⁾ См. интересный рассказъ о превращеніи горячихъ угольевъ въ золото на свѣтлый праздникъ—въ „Картинахъ русскаго быта“ В. И. Даля (Отечеств. Зап. 1857, № 10, стр. 430—434). Объясненіе этого пре-

отпусти меня, сними свой крестикъ. „Нѣтъ, братъ, погоди! Деньги деньгами, а ты сослужи мнѣ и другую службу. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ не былъ я дома, а тамъ у меня жена и дѣтки остались; смерть хочется побывать на родинѣ да на своихъ посмотрѣть. Свози-ка меня домой; я, братъ, не изъ дальнихъ—изъ Иркутской губерніи. Какъ свозишь, тогда и крестъ сниму!“ Чортъ поморщился-поморщился и согласился. На другой день пошелъ солдатъ къ начальству, отпросился на два дня погулять (а были тогда праздники), и сейчасъ-же къ нечистому; усѣлся на него верхомъ и крѣпко-крѣпко ухватился за рога. Чортъ какъ свиснетъ, какъ понесется—словно молнія! Солдатъ только посматриваетъ, какъ мелькаютъ передъ нимъ города и села: „ай-да молодецъ! люблю за прыть!“ И не успѣлъ еще проговорить всего, глядь—ужъ и пріѣхалъ. Слѣзъ солдатъ съ чорта: „спасибо, говоритъ; вотъ удружилъ, такъ удружилъ! Ступай теперь, куда знаешь, а завтра на ночь приходи: назадъ поѣдемъ“. Прогостилъ, прощировалъ солдатъ цѣлыхъ два дни, а къ ночи

данія можно найти въ статьѣ моей о мѣстической связи понятій: свѣта, зрѣнія, металовъ и проч. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2).

попрощался съ родными, и воротился на чортѣ въ Питеръ какъ-разъ въ срокъ. И вить какъ измучилъ нечистаго! чуть-чуть рогъ ему не обломалъ! Снялъ онъ съ него крестъ и не успѣлъ еще въ карманѣ спрятать, глядь—а ужъ чорта нѣтъ! и слѣдъ простылъ! Съ той самой поры и не видалъ солдатъ чорта; забралъ онъ бѣсовскія деньги и зажилъ себѣ припѣваючи.

Есть еще другая сказка о томъ, какъ чертъ выучился маршировать и выдѣлывать ружьемъ всякія штуки, и пошелъ наниматься въ солдаты. Одинъ бѣдный мужикъ заложилъ ему свою душу и поставилъ его замѣсто себя въ рекруты. Плохо пришлось дьяволу, однѣхъ палокъ сколько обломали объ его спину, а тутъ еще бѣлые ремни носи на-крестъ: просто хотъ удавиться! Крѣпился-крѣпился, не выдержалъ и бѣжалъ со службы; не польстился и на душу.

Въ приведенномъ нами разсказѣ, равно какъ и въ легендѣ „Солдатъ и Смерть“, въ яркихъ чертахъ выступаетъ народный юморъ, что по нашему мнѣнію придаетъ имъ особенно живой интересъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистый духъ, преобладаетъ шутивно-сатирическій тонъ. Чертъ здѣсь не

столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и лукавства сказочныхъ гороевъ: то больно достается ему отъ злой жены, то бьетъ его солдатъ прикладомъ; то попадаетъ онъ подъ кузнечные молоты, то обмѣриваетъ его мужикъ на цѣлые груды золота.

20. Пустынникъ и дьяволъ.

См. въ Kinder-und Hausmärchen, ч. II, стр. 85. Передаемъ еще одинъ рассказъ о труженикѣ и демонѣ соблазнитель:

Жилъ въ дѣсу труженикъ, тридцать лѣтъ трудился онъ Богу, и сколько ни старалась нечистая сила—никакъ не могла его смутить. Стали черти промежъ себя думать, чтобы такое ему сдѣлать: думали-думали, и вотъ какъ ухитрились. Оборотился одинъ нечистой странникомъ и пошелъ мимо кельи труженика, а другой ему на встрѣчу, напалъ на него словно разбойникъ и давай душить. Труженикъ услыхалъ шумъ и крики, схватилъ топоръ и бросился на помощь; только глядь: пустился разбойникъ бѣжать отъ него въ сторону, а другой чортъ, что былъ странникомъ, лежитъ да охаетъ, едва духъ переводить. „Помоги, умоляетъ, доброй чело-вѣкъ! возьми въ свою келью, пока съ силами соберуся. Совсѣмъ было задушилъ окаян-ной!“ Взялъ его труженикъ въ свою келью; пожилъ нечистой день и два, и говоритъ старцу: „спасенное твое дѣло! много въ немъ

благодати! Хочется и мнѣ потрудиться: оставлю жену и дѣтей и пойду къ тебѣ подѣ начало". Вотъ стали они вмѣстѣ трудиться, дни и ночи стоятъ на колѣнахъ и кладутъ поклоны. Еще старецъ иной разъ устанетъ и вздремнетъ, а новой труженикъ совсѣмъ не знаетъ устали. Прошло сколько-то времени, и сталъ нечистой говорить старцу: „не добро намъ вмѣстѣ трудиться; пожалуй, лишнее слово скажешь, или другъ дружку осудишь. Давай, перегородимъ келью на-двое и станемъ жить всякой въ своей половинѣ". Такъ и сдѣлали. Разъ какъ-то захотѣлось старику посмотрѣть, что дѣлается у сосѣда; крѣпился онъ, крѣпился, и не выдержалъ. Взявъ на перегородку и просунувъ голову; смотритъ: стоятъ на столѣ бутылки съ виномъ и разныя скромныя ѣствы, а за столомъ сидитъ чудная-чудная красавица. „А, такъ ты за мной подсматривать! сказалъ нечистой; схватилъ его за бороду и перетащилъ на свою сторону." Выбирай теперь любое за свою провинность: хочешь—вина выпей, или мяса съѣшь; хочешь—блудъ сотвори. А не то, братъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ; у меня коротка расправа!" Какъ быть? думаетъ старецъ; что мнѣ сдѣлать? Если мяса съѣмъ — теперь постъ, будетъ большой грѣхъ; если блудъ сотворю—грѣшнѣе того будетъ; выпью лучше я вина. Вы-

пилъ одинъ стаканъ, и самъ не знаетъ, отъ чего вдругъ повеселѣлъ; а чоргъ ужъ другой ему подставляетъ. Выпилъ и другой, и третій, и забылъ про свое спасеніе: наѣлся скоромнаго и блудъ сотворилъ. „Пойдемъ теперь воровать! говоритъ нечистой. За-одно ужъ грѣшить; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!" Пошли ночью въ деревню, залѣзли въ кладовую, и ну забирать чтѣ подѣ руку попало. Чортъ нарочно какъ застучитъ: такого грохоту надѣлалъ, что хозяева проснулись, тотчасъ схватили старика и посадили его въ тюрьму. А чортъ въ ту-жъ минуту невѣдомо куда пропалъ. На утро собрался народъ и присудилъ повѣсить вора: „этихъ старцевъ жалѣть нечего; они не Богу молятся, а только наравятъ въ клѣтъ забратъся!" Привели вора на базарную площадь, встали на висѣлицу и накинули петлю на шею; вдругъ откуда ни взялся нечистой, сталъ къ нему подѣ ноги и началъ его поддерживать. „Что, спрашиваетъ, небось испугался?—Какъ не испугаться! говоритъ старецъ; смерть моя приходитъ. „А ну, посмотри: не увидишь ли чего?"—Вижу: обозъ идетъ. „А великъ?"—Да такъ великъ, что одинъ конецъ ужъ давно проѣхалъ, а другого еще и не видать! „Съ чѣмъ обозъ?"—Со старыми, дырявыми лаптями. „Это, братъ, тѣ самыя лапти, что мы оттоптали въ трудахъ и хлопотахъ, чтобы какъ-нибудь тебя

смутить. Не видишь ли еще чего? — Вижу: болото огнемъ горитъ, а въ огнѣ котлы кипятъ. „Тамъ и мы съ тобой будемъ жить!“ сказалъ дьяволъ и столкнулъ старца съ своихъ плечъ. Такъ и погибъ онъ на висѣлицѣ смертію грѣшника. — (Изъ собранія В. И. Даля).

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	3 752
1. Чудесная молотѣба	57
2. Чудо на мельницѣ	60
3. Бѣдная вдова	62
4. Испѣленіе	77 785
5. Попъ—завидующіе глаза	84 285
6. Превращеніе	90
7. Пиво и хлѣбъ	92
8. Христовъ братецъ	100 804, 804 I
9. Егорій храбрый	103
10. Илья-пророкъ и Никола	112 8846
11. Касьянъ и Никола	117 8940
12. Золотое стремя	119 844
13. Пятница	124
14. О Ноѣ праведномъ	126 325
15. Соломонъ премудрый	134 804*
16. Солдатъ и Смерть	135
17. Видѣніе	161 870
18. Потанька	166
19. Поѣздка въ Іерусалимъ	167
20. Пустынникъ и дьяволъ	168 8756/62
21. Пустынникъ	174
22. Повѣсть о бражникѣ	177
23. Царевичъ Евстафій	180
24. Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострада гордостію	182 252

	Стр.
25. Смерть праведнаго и грѣшнаго	187
26. Ангелъ	189
27. Кумова кровать	192
28. Грѣхъ и покаяніе. <i>В. Толстой, Черны</i>	194
29. Горькій пьяница	202
30. Крестный отецъ	206
31. Кузнецъ и Чертъ	213
32. Волкъ	219
33. Пѣтухъ и Жорновки	222
Примѣчанія	225

6, 2954 X
256 B 56
60 X